

СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

ЖУРНАЛ ДЕПАРТАМЕНТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НИУ ВШЭ

ИЗДАЕТСЯ С 2023 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ТОМ 2. №1(5) 2024

Главный редактор	Леонид Григорьев
Главный редактор	Игорь Макаров
Заместитель главного редактора	Ольга Клочко
Заведующий редакцией	Татьяна Барабанова
Верстка	Наталия Заблоцките
Редакционная коллегия	Сергей Бобылев Ван Вэнь Сергей Васильев Леонид Григорьев Гленн Дизен Марек Домбровски Наталия Иванова Ольга Клочко Валерий Крюков Игорь Макаров Татьяна Радченко Ренато Флореш
Учредитель и издатель:	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Адрес учредителя:	109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
Адрес редакции:	119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д.17, каб. 209
Сайт журнала:	cwejournal.hse.ru
ISSN: 2949-5776	Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ №ФС77-86407 от 30.11.2023

СОДЕРЖАНИЕ

№1(5) 2024

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА В ЭПОХУ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Кулагин В.А., Грушевенко Д.А., Галкина А.А.
 Прогноз развития энергетики мира и России до 2050 года 6

В статье представлены основные результаты выполненного ИНЭИ РАН сценарного прогноза развития энергетики мира и России до 2050 г. Рассмотренные сценарии не нормативные, а дескриптивные — они показывают развитие мировой энергетики при заданных предпосылках. В рамках исследования выполнены прогнозы объемов и структуры энергопотребления стран и регионов мира по видам энергии и секторам конечного потребления, производства электроэнергии, выбросов парниковых газов, объемов добычи энергоресурсов, мировой торговли и цен топлив. На фоне замедления экономического роста и замедления роста численности населения во всех рассмотренных сценариях ожидается сокращение темпов роста потребления первичной энергии и электроэнергии. Наиболее значительные приросты объемов потребления энергоресурсов обеспечат развивающиеся страны Азии. Стремительно трансформируется электроэнергетика. Постепенно электрифицируются секторы конечного потребления энергии. Начинается эпоха активной межтопливной конкуренции в транспортном секторе. Из ископаемых топлив только газу удастся показывать относительно стабильную долю в мировом энергодобавке с растущими объемами потребления. Мировые выбросы парниковых газов от сжигания топлив, включая биотопливо, без учета улавливания и захоронения, пройдут пик во всех рассмотренных сценариях в середине прогнозного периода. Во многом к 2050 г. энергоемкость мировой экономики, удельные выбросы энергетики, прогресс в достижении ЦУР, включая уровень энергетической бедности, будут определяться способностью государств координировать усилия между собой, а также политикой в области торговых барьеров и технологического трансфера. Расширение использования ВИЭ с нестабильной выработкой в электроэнергетике приведет к росту волатильности цен на газ и уголь и повышению потребности в системах резервирования и накопления электроэнергии. Ключевыми производителями нефти и газа в мире останутся Ближний Восток, Северная Америка и СНГ.

Григорьев Л.М
 Весна переоценки: как меняется видение мировой экономики
 международными организациями..... 23

В 2024 г. серия докладов международных и частных исследовательских организаций дала осторожный и трезвый анализ ситуации в мировой экономике. За сложным экономическим подъемом 2011–2019 гг. последовали потрясения 2020–2023 гг. На фоне геополитических конфликтов мировая экономика перешла в стадию нервного подъема. Следует рассматривать текущую ситуацию как смену режима социально-экономического развития. В этой ситуации практически все основные акторы — от главы МВФ до папы римского — видят в мировых процессах те или иные серьезные риски и угрозы.

Положительная динамика ВВП восстановилась, но на уровне более низком, чем было в начале XXI века. Китай поддерживает динамику мирового экономического роста. Нынешняя картина мира представляется следующим образом: страны с формирующимися рынками и низкими доходами отстают по темпам экономического роста от более развитых без намеков на конвергенцию; экономика Евросоюза, по сути дела, стагнирует с рисками дальнейшего ухудшения экономических перспектив; и только США почти удалось вернуться к традиционным темпам экономического роста. Вялый мировой рост сопровождается значительным разбросом экономической динамики ключевых акторов. При низких приростах доходов ресурсы в распоряжении правительств сузились, особенно относительно усложняющегося потока проблем и задач. Циклический подъем выглядит слабым, а его драйверы на ближайшие два-три года (инвестиции в ВИЭ, электромобили и искусственный интеллект) могут придать ему определенный, но не слишком сильный дополнительный импульс. В целом мир задумался наконец над своим положением, но остается неясным, какие будут выводы и решения.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Соколова Ю.Д.

Влияние переходных климатических рисков
на экспорт регионов России..... 45

Целью данного исследования выступает моделирование влияния переходных климатических рисков на динамику объемов экспорта российских регионов на основе данных за период 2013–2021 гг. с применением расширенной гравитационной модели международной торговли. Исследование имеет две отличительные особенности: проводится комплексный анализ, представляющий три типа переходных климатических рисков: распространение углеродного регулирования, развитие альтернативной энергетики и электрификация транспорта. Выявляются региональные факторы, определяющие знак влияния каждого из них на объемы экспорта. Исследование выявило, что влияние переходных климатических рисков на экспортные показатели российских регионов различно. Во-первых, углеродное регулирование торговых партнеров создает риски для многих регионов России, но способствует увеличению экспорта из регионов с наиболее благоприятными социально-экономическими условиями для инновационной деятельности и активной региональной климатической политикой. Во-вторых, производство альтернативных источников энергии в странах-партнерах снижает зависимость от российского импорта энергоносителей, что ставит под угрозу устойчивость экономик регионов, специализирующихся на добыче традиционных энергоресурсов. При этом регионы России, богатые полезными ископаемыми, вносят существенный вклад в глобальные тенденции энергетического перехода как поставщики критически важных минеральных ресурсов и увеличивают свой экспорт.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ И ИНВЕСТИЦИИ

Портанский А.П.

ВТО: накопившиеся проблемы и перспективы после МК-13 70

Отталкиваясь в качестве повода от прошедшей в начале 2024 г. очередной министерской конференции ВТО (МК-13), автор рассматривает первоначальный успех этого института, а затем анализирует накопившиеся проблемы организации и ее ослабление в последние годы. Эффективное решение этих проблем связано с реформированием ВТО. Однако

этому препятствуют многочисленные разногласия среди членов организации и в первую очередь значительное различие в подходах к реформе между двумя главными акторами глобальной экономики и торговли — США и Китаем. Пока же реформа продвигается небольшими шагами, которые носят скорее технический характер. Несмотря на явное ослабление ВТО в последние годы и накопившиеся проблемы, никто из ее членов никогда не высказывался за прекращение или ограничение ее деятельности. При наилучшем сценарии в глобальной экономике нельзя исключать значительного ущерба для ВТО. Впоследствии возродить организацию будет намного труднее, чем сохранить уже действующую.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Канаев Е.А., Федоренко Д.О.

Цифровые трансграничные инициативы Экономического сообщества АСЕАН как инструмент развития экономики Сингапура 83

В статье проведена попытка определить возможности цифрового сотрудничества между Республикой Сингапур и ее партнерами по АСЕАН в формате ЭС АСЕАН как инструмента развития сингапурской экономики. Рассмотрены особенности экономической модернизации страны, дана оценка эффективности ее подхода к цифровой трансформации экономики. Проанализирован подход Сингапура к интеграционным инициативам АСЕАН, определены возможности обеспечения многосторонних трансграничных экономических проектов АСЕАН эффективной цифровой поддержкой. Последнее проанализировано с точки зрения уровня развития инфраструктуры и цифровых компетенций в странах АСЕАН, а также специфики их законодательного регулирования трансграничных цифровых обменов и развития центров хранения и обработки данных. Особое внимание уделено глобальным цепочкам стоимости на пространстве Юго-Восточной Азии как фактору, определяющему перспективы трансграничных цифровых проектов АСЕАН.

Титов А., Налеванко О., Гайнтдинов Р., Дизон Д., Макланг А.

Цифровое завтра: как АСЕАН стимулирует рост цифровой экономики . . . 105

Переход к цифровизации требует грамотного обеспечения баланса между снижением рисков и максимизацией возможностей. По мере того, как частные лица и предприятия внедряют цифровую трансформацию, первостепенное значение приобретает принятие защитных мер для повышения доверия пользователей. Для создания устойчивых, взаимосвязанных цифровых экосистем необходима основополагающая политика, включающая правила обеспечения конфиденциальности данных, протоколы кибербезопасности и надежные институциональные рамки. Передовые системы должны не только проводить идентификацию, но и обеспечивать безопасные и выгодные транзакции, одновременно способствуя ответственному обмену данными. Азия как один из наиболее динамичных и быстро развивающихся регионов мира является олицетворением экспансивного прогресса в условиях глобальной цифровой экономики. Главный фокус данной статьи — впечатляющие достижения, наблюдаемые в регионе Юго-Восточной Азии, которая, по сути, превратилась в координационный центр растущей цифровизации.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обзор круглого стола «Перспективы развития мировой экономики в условиях глобальной экономической фрагментации» 128

Прогноз развития энергетики мира и России до 2050 года

Кулагин В.А., Грушевенко Д.А., Галкина А.А.

Кулагин Вячеслав Александрович — заведующий отделом исследования энергетического комплекса мира и России ИНЭИ РАН.

SPIN-РИНЦ: 4140-6845
ORCID: 0000-0001-8847-8882
Researcher ID: Z-5621-2019
Scopus Author ID: 56274242400

Грушевенко Дмитрий Александрович — старший научный сотрудник ИНЭИ РАН.

SPIN-РИНЦ: 7801-4079
ORCID: 0000-0002-8660-2576
Researcher ID: AAD-4257-2019
Scopus Author ID: 57039179500

Галкина Анна Александровна — старший научный сотрудник ИНЭИ РАН.

SPIN-РИНЦ: 2474-7057
Researcher ID: M-9885-2013
Scopus Author ID: 56607057900

Для цитирования: Кулагин В.А., Грушевенко Д.А., Галкина А.А. Прогноз развития энергетики мира и России до 2050 года // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №1(5).

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-1-6-22>

Ключевые слова: энергетические рынки, долгосрочное прогнозирование, спрос на энергию, рынки нефти и газа, возобновляемые источники энергии.

Аннотация

В статье представлены основные результаты выполненного ИНЭИ РАН сценарного прогноза развития энергетики мира и России до 2050 года. Рассмотренные сценарии не нормативные, а дескриптивные — они показывают развитие мировой энергетики при заданных предпосылках.

В рамках исследования выполнены прогнозы объемов и структуры энергопотребления стран и регионов мира по видам энергии и секторам конечного потребления, производства электроэнергии, выбросов парниковых газов, объемов добычи энергоресурсов, мировой торговли и цен топлив.

На фоне замедления экономического роста (в 1,4–1,8 раз в 2022–2050 гг. в сравнении с 1990–2021 гг.) и замедления роста численности населения (в 2 раза от уровня 2021 г.) во всех рассмотренных сценариях ожидается сокращение темпов роста потребления первичной энергии (в 2,5–3 раза) и электроэнергии (в 1,3–2,5 раза). Наиболее значительные приросты объемов потребления энергоресурсов обеспечат развивающиеся страны Азии, где в прогнозном периоде будут самые высокие темпы роста душевого ВВП.

Стремительно трансформируется электроэнергетика, где доля возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и атомной энергии к концу прогнозного периода увеличится до 57–70%. Постепенно электрифицируются секторы конечного потребления энергии. Начинается эпоха активной межтопливной конкуренции в транспортном секторе. Из ископаемых топлив только газу удастся показывать относительно стабильную долю в мировом энергобалансе с растущими объемами потребления; доли угля и нефти будут сокращаться. Мировые выбросы парниковых газов от сжигания топлив, включая биотопливо, без учета улавливания и захоронения, пройдут пик во всех рассмотренных сценариях в середине прогнозного периода. Во многом к 2050 г. энергоемкость мировой экономики, удельные выбросы энергетики, прогресс в достижении Целей устойчивого развития, включая уровень энергетической бедности, будут определяться способностью государств координировать усилия между собой, а также политикой в области торговых барьеров и технологического трансфера.

Расширение использования ВИЭ с нестабильной выработкой в электроэнергетике приведет к росту волатильности цен на газ и уголь и повышению потребности в системах резервирования и накопления электроэнергии. Ключевыми производителями нефти и газа в мире останутся Ближний Восток, Северная Америка и СНГ, суммарно обеспечивая свыше 70% мировой добычи.

Введение

Мировая энергетика входит в новый этап своего развития, который будет характеризоваться несколькими ключевыми особенностями:

- активной конкуренцией на межтопливном уровне и внутри каждого производственного сегмента, что будет стимулироваться быстрым научно-технологическим прогрессом (НТП);
- увеличением воздействия на энергетику со стороны государственной энергетической политики и регулирования выбросов, которые влияют на приоритеты в выборе решений по энергоснабжению и на торговые потоки;

- переходом от монотопливных рынков отдельных энергоресурсов к единому энергетическому рынку с высокой взаимозависимостью между источниками энергии;
- изменением структуры энергобалансов с электрификацией секторов конечного потребления и расширением использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ), особенно в электроэнергетике.

Работа мировой энергетики будет достаточно сильно зависеть от геополитики, которая определит возможности в трансфере технологий, наличие ограничений в торговых потоках, способность вырабатывать совместные подходы к регулированию рынков.

От корректного определения перспективных изменений в энергетике зависит эффективность принимаемых сегодня решений по инвестициям в объекты ТЭК, направлениям НИОКР, заказу на подготовку специалистов, задачам развития одних территорий и перепрофилирования других.

Описанные в статье результаты исследования позволяют определить характер трансформации энергетики до 2050 г. в различных экономических, технологических и геополитических условиях развития.

1. Сценарные предпосылки и методология расчетов

Представленный в работе долгосрочный прогноз развития энергетики мира и России выполнен Институтом энергетических исследований РАН (ИНЭИ РАН) с использованием собственного постоянно развивающегося модельного инструментария, который совмещает различные экономико-математические методы, включая эконометрический, кластерный анализ, оптимизационное, имитационное и многокритериальное моделирование. Оптимизационные модели по топливным рынкам детализованы более чем по 200 узлам, содержат информацию о свыше 2000 месторождений и групп месторождений углеродных топлив, а также об объектах переработки, транспортной инфраструктуры. В них целевая функция основана на минимизации затрат на удовлетворение мирового спроса, и более чем по 5000 маршрутов рассчитываются поставки энергоресурсов [Грушевенко 2023; Системные исследования в энергетике... 2018; Перспективы развития мировой энергетики... 2020].

В прогнозе рассмотрены три сценария развития мировой энергетики, в которых, кроме экономического роста, приоритетов госэнергополитик и хода НТП, учитываются условия торговли. Более мотивированными к повышению торговых барьеров (например, в виде пограничного компенсационного углеродного механизма) в настоящее время преимущественно являются развитые страны [Макаров 2023]. В сценарии *Туман* предполагается, что мировая торговля продолжает вестись с определенными ограничениями, вопросы глобального развития являются второстепенными, усилия по развитию международного регулирования низкопродуктивны, в климатической политике страны преимущественно исходят из собственных интересов. Трансфер технологий ограничен. Основным приоритетом энергетической политики является доступность энергии (экономическая и физи-

ческая). Цены CO_2 в развитых странах повышаются низкими темпами и к 2050 г. составляют 120–135 долл. 2023/т, в развивающихся — 35–60 долл. 2023/т. В сценарии *Раскол* формируются существенные торговые ограничения между двумя полюсами, внутри которых торговля ведется без ограничений. Часть стран остается вне полюсов. Цены CO_2 в развитых странах к 2050 г. составляют 100–150 долл. 2023/т, в развивающихся странах остаются на нулевых отметках. В сценарии *Ключ* государствам удастся найти механизмы, которые позволяют выходить на согласованные действия по вопросам глобального развития, включая климатические. Цены CO_2 в развитых странах к 2050 г. составляют 180–200 долл. 2023/т, в развивающихся — 70–150 долл. 2023/т [Прогноз развития энергетики мира и России 2024]

Для всех сценариев принят единый прогноз численности населения — средний сценарий прогноза ООН [UN 2022], по России — средний сценарий демографического прогноза Росстата до 2046 г. с продлением [Росстат 2023].

Предполагаются достаточно сдержанные темпы экономического роста: на уровне 1,9% в сценарии *Туман*, 2,2% в сценарии *Раскол* и 2,5% в сценарии *Ключ* в перспективе до 2050 г., что соответствует замедлению в 1,4–1,8 раз в сравнении с предыдущим 30-летним периодом (в 1990–2021 гг. мировая экономика росла в среднем на 3,5% в год, в 2023 г. — на 3%). В некоторых исследованиях, выполненных, например, Всемирным банком [Kose et al. 2024] и МВФ [Bolhuis et al. 2023] указывается на риски еще большего замедления мировой экономики уже до конца этого десятилетия, а также моделируются потери экономического роста, связанные с возможной фрагментацией мировой экономики.

В расчетах была использована статистика МВФ по ВВП [IMF 2023], энергетическая статистика МЭА [IEA 2023], национальная статистическая отчетность стран, агрегированная в базах данных модельного комплекса.

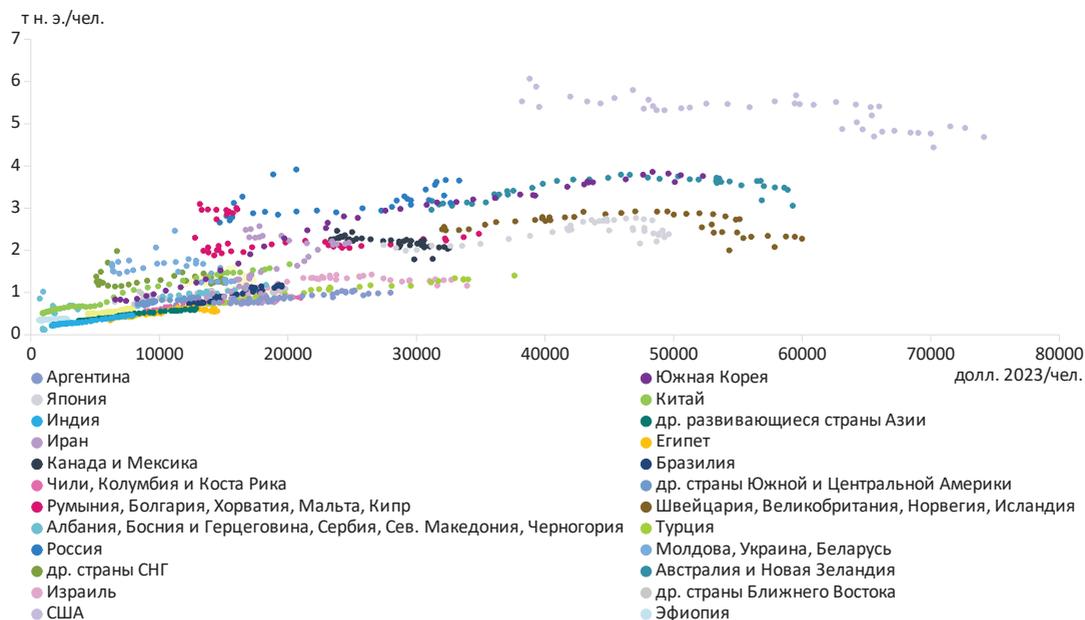
2. Основные результаты сценарных расчетов долгосрочного развития энергетики мира и России

Потребление энергии в конечных секторах

Стремительное технологическое развитие постоянно преобразовывает все сферы энергетики, включая сегменты конечного потребления. Решения для этого сектора становятся удобнее, эффективнее, экологичнее и легче управляемыми, общим трендом становится электрификация. Удешевление технологий накопления электроэнергии позволит дополнительно стимулировать ее использование конечными потребителями. Объем энергопотребления при этом коррелирует с уровнем благосостояния: душевое потребление конечной энергии склонно повышаться по мере роста душевого ВВП, далее проходит пик и сокращается (см. рисунок 1 на с. 10). Многие страны ОЭСР прошли пик душевого потребления конечной энергии на довольно высоких уровнях душевого ВВП (40–50 тыс. долл. 2021/чел.) и уровнях душевого потребления конечной энергии (3–6 т н.э./чел.). Развитие технологий позволяет другим государствам проходить насыщение на более низком уровне. Но, учитывая что уровень душевого ВВП в странах, не входящих в ОЭСР, по сценариям

составит 20–25 тыс. долл. 2021/чел. с сильной дифференциацией внутри группы, спрос на энергию в значительной степени остается неплатежеспособным.

Рисунок 1. Душевое потребление конечной энергии и душевой ВВП в 1980–2021 гг. по странам мира и группам стран

Источник: расчеты ИНЭИ РАН.

В течение прогнозного периода конечное потребление энергии будет расти во всех секторах и к 2050 г. достигнет 11,9–12,6 млрд т н.э. (в 2021 г. оно составляло 10,0 млрд т н.э.). Наиболее быстрыми темпами (1,1–1,3% в год) будет расти спрос в транспортном секторе, медленнее всего — потребление коммерческого и бытового сектора (0,1–0,4% в год). В региональном разрезе максимальные приросты потребления конечной энергии в абсолютном выражении обеспечат развивающиеся страны Азии, а максимальные темпы роста потребления конечной энергии — страны Африки. В странах ОЭСР потребление конечной энергии во всех сценариях будет сокращаться.

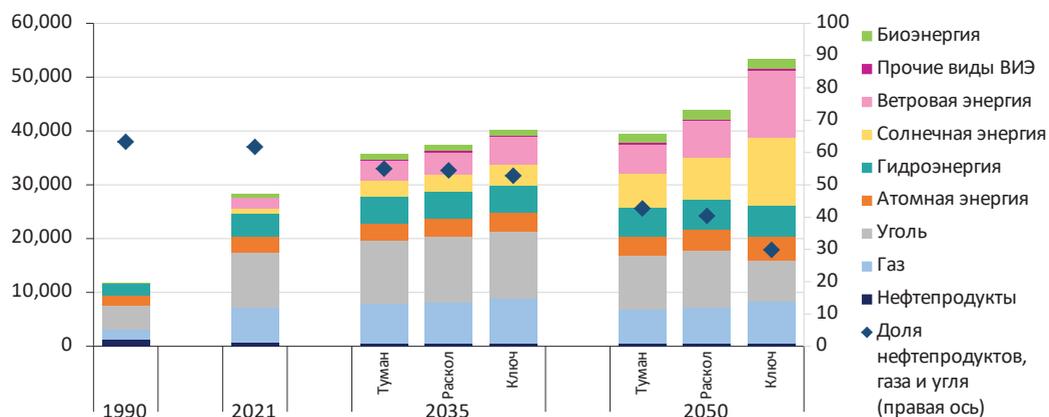
Потребление и производство электроэнергии

Потребление электроэнергии как наиболее удобной формы энергии для потребителя в большинстве сегментов и яркого индикатора уровня благосостояния оказывается более чувствительным к темпам экономического роста и другим сценарным параметрам: в перспективе оно повышается по сценариям на 0,4–1,5% ежегодно (для сравнения: рост конечного потребления энергии находится в более узком диапазоне и увеличивается по сценариям на 0,6–0,8% ежегодно). Потребление электроэнергии повышается практически повсеместно, но во второй половине про-

гнозного периода все больше развитых стран проходят пики электропотребления. От двух третей до трех четвертей мирового прироста потребления электроэнергии обеспечат развивающиеся страны Азии – регион с наиболее быстрорастущими в прогнозный период темпами роста душевого ВВП.

Электроэнергетика в мире масштабно трансформируется. Активный рост спроса на нее будет поддерживаться не только ростом благосостояния и электрификацией, но и возрастающей доступностью технологий производства электроэнергии, преимущественно на базе ВИЭ. Производство электроэнергии на ветровых и солнечных станциях во многих странах мира становится все более конкурентоспособным, и в большинстве случаев для ВИЭ есть начальные ниши. Средневзвешенная себестоимость производства электроэнергии за 2010–2022 гг. на солнечных станциях сократилась с 0,43 до 0,08 долл. 2023/кВт·ч, и к 2050 г. анализ развития технологий показывает возможность снизить затраты еще на 30%. На береговых ветровых станциях после сокращения затрат с 0,11 до 0,07 долл. 2023/кВт·ч за период 2010–2022 гг. ожидается снижение еще на 10% к 2050 г.; на шельфовых ветровых станциях удешевление произошло с 0,20 до 0,11 долл. 2023/кВт·ч, и прогнозируется снижение еще на 30%. Стоимость производства электроэнергии на крупных ГЭС остается одной из самых низких среди альтернатив и начинается от 0,01 долл. 2023/кВт·ч, однако природный потенциал использования гидроэнергии в мире достаточно ограничен, а затраты на малые, средние и микроГЭС слишком высоки. Определенный потенциал сокращения производственных затрат есть и у атомной энергетики. АЭС в большинстве стран оказываются дороже газа и угля при производстве электроэнергии, в условиях быстрого сокращения затрат на ВИЭ они также начинают показывать лучшие показатели в сравнении с атомной энергией по стоимости производства. Но АЭС, в отличие от ВИЭ, обеспечивают предсказуемую равномерную выработку электроэнергии, что позволяет устойчиво обеспечивать базовое потребление или за счет накопителей с суточными нагрузками встраиваться в основные режимы работы системы. Затраты на угольных и газовых электростанциях имеют потенциал к сокращению за счет повышения КПД станций, но будут зависеть от цен на поставку угля и газа. В результате до середины прогнозного периода объемы производства электроэнергии из газа и угля продолжают повышаться, теряя долю в структуре выработки, а во второй половине прогнозного периода сокращаются и абсолютные объемы генерации на этих электростанциях, все более распространяется их использование в режиме резервирования ввиду неравномерности выработки на ВИЭ-электростанциях. К 2050 г. потребление электроэнергии в мире увеличится на 11000–25000 ТВт·ч (с 28400 ТВт·ч в 2021 г.), в том числе за счет роста выработки на ветровых и солнечных электростанциях (ВЭС и СЭС) – на 8800–22000 ТВт·ч, на АЭС – на 900–1600 ТВт·ч, на ГЭС – на 800–1450 ТВт·ч. К 2050 г. более двух третей производства электроэнергии на АЭС в мире придется на четыре страны: Китай, США, Францию и Россию, в том числе 54% прироста обеспечит Китай. Страны, не входящие в ОЭСР, обеспечат практически весь прирост производства электроэнергии на ГЭС (92–93%), ВЭС (74–75%), СЭС (80%). Доля ВИЭ в производстве электроэнергии к концу прогнозного периода увеличится с 38% до 57–70% (см. рисунок 2 на с. 12).

Рисунок 2. Объемы производства электроэнергии в мире по видам энергоресурсов по сценариям, ТВт·ч (левая ось) и доля нефтепродуктов, газа и угля в производстве электроэнергии, % (правая ось)

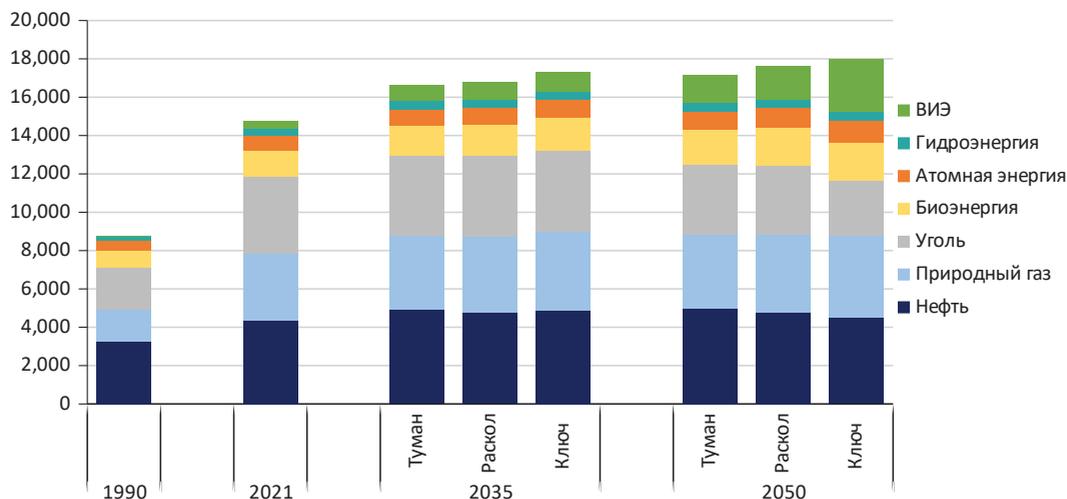
Источник: расчеты ИНЭИ РАН.

При переходе на исключительно безуглеродные источники производства электроэнергии цифровизация отрасли позволит эффективно управлять более сложно организованной энергосистемой, технически реализуемы решения проблемы неравномерности выработки на ВИЭ-электростанциях, в том числе за счет использования накопителей и водорода для хранения электроэнергии, однако системные затраты на энергоснабжение по мере роста доли ВИЭ быстро повышаются, и в зависимости от региона такой переход может привести к росту затрат на поставку электроэнергии потребителю в 3–7 раз. Складывающаяся в каждой стране структура производства электроэнергии в конечном счете будет в основном определяться доступностью технологий, местных и импортируемых энергоресурсов, в также амбициозностью целей по декарбонизации электроэнергетики.

Потребление первичной энергии

Прирост совокупного потребления первичной энергии в мире значительно замедляется в сравнении с предыдущим 30-летним периодом (см. рисунок 3 на с. 13). В странах ОЭСР в течение прогнозного периода оно снижается на 0,3% в год, а в странах, не входящих в ОЭСР, повышается на 0,9–1,1%. До середины прогнозного периода мировое потребление угля проходит пик. Потребление нефти пройдет пик в сценариях *Раскол* и *Ключ*. Потребление газа в мире будет расти на протяжении всего рассматриваемого периода, но медленнее мирового энергопотребления. Технологическое развитие позволит задействовать для энергоснабжения все больше безуглеродных источников энергии. Доля ВИЭ и атомной энергии к 2050 г. достигнет 27–35%.

Рисунок 3. Объемы потребления первичной энергии в мире по видам энергоресурсов по сценариям, млн т н.э.

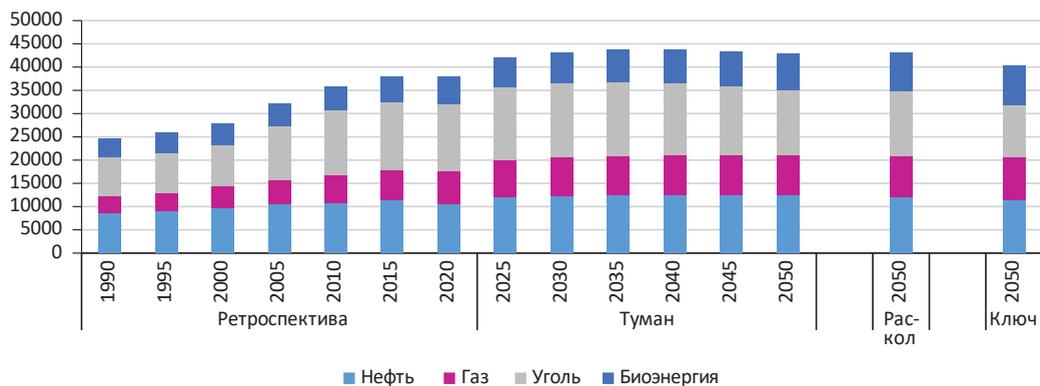

Источник: расчеты ИНЭИ РАН.

Выбросы парниковых газов

Мировые выбросы парниковых газов от сжигания топлив во всех рассматриваемых сценариях в 2034–2036 гг. проходят пик. В абсолютном выражении он составит 37–38 млрд т CO₂-экв., или 44–45 млрд т CO₂-экв., если учесть сжигание биоэнергии (без учета возможного улавливания, захоронения и утилизации) (см. рисунок 4 на с. 13).

Рисунок 4. Объемы выбросов парниковых газов в мире по видам сжигаемых топлив, млрд т CO₂-экв.

Примечание: Показаны выбросы от сжигания топлив без учета возможного улавливания, захоронения и утилизации.

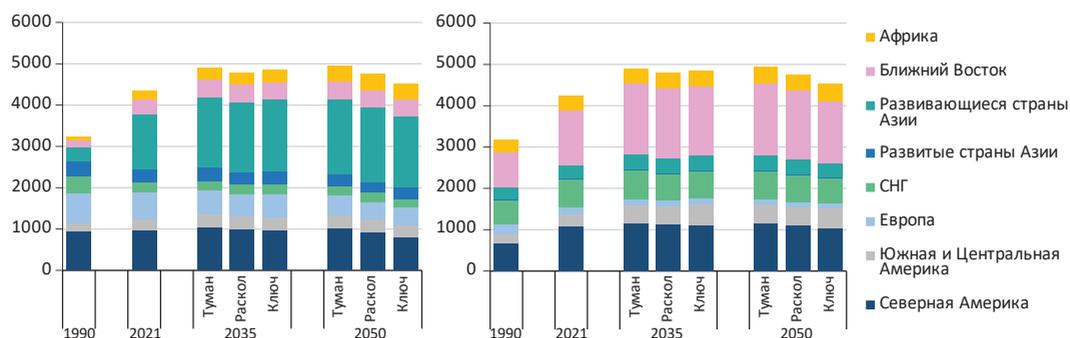
Источник: расчеты ИНЭИ РАН.

Ключ представляет собой рациональный сценарий с точки зрения балансирования между задачами обеспечения доступности энергоснабжения и сокращения выбросов парниковых газов при заданных параметрах технологического и социально-экономического развития. Углубление декарбонизации требует резкого роста инвестиций и вступает в противоречие со способностью обеспечивать эти темпы мирового экономического роста.

Рынок жидких топлив

До 2050 г. продолжит расти доля стран, не входящих в ОЭСР, в потреблении жидких топлив на фоне сокращения абсолютных объемов потребления в странах ОЭСР. К 2035 г. Китай обгонит по потреблению США, Индия после 2030 г. будет потреблять жидких топлив больше, чем ЕС, значительно вырастет потребление жидких топлив на Ближнем Востоке, в Африке и других развивающихся странах Азии (см. рисунок 5 на с. 14).

Рисунок 5. Потребление нефтепродуктов, включая расходование на собственные нужды отрасли, (слева) и добыча нефтяного сырья (справа) по регионам мира по сценариям, млрд. куб. м

Источник: расчеты ИНЭИ РАН.

Существенно изменится структура потребления нефтепродуктов по видам: возрастет мировое потребление керосина в воздушном транспорте, автомобильного бензина — в дорожном, останется стабильным спрос на дизельное топливо, а потребление темных нефтепродуктов продолжит снижаться. Эти изменения потребуют значительных инвестиций для модернизации мощностей по переработке нефти. Кроме того, предполагается ограниченное вовлечение пластика в нефтепереработку благодаря программам по снижению отходов.

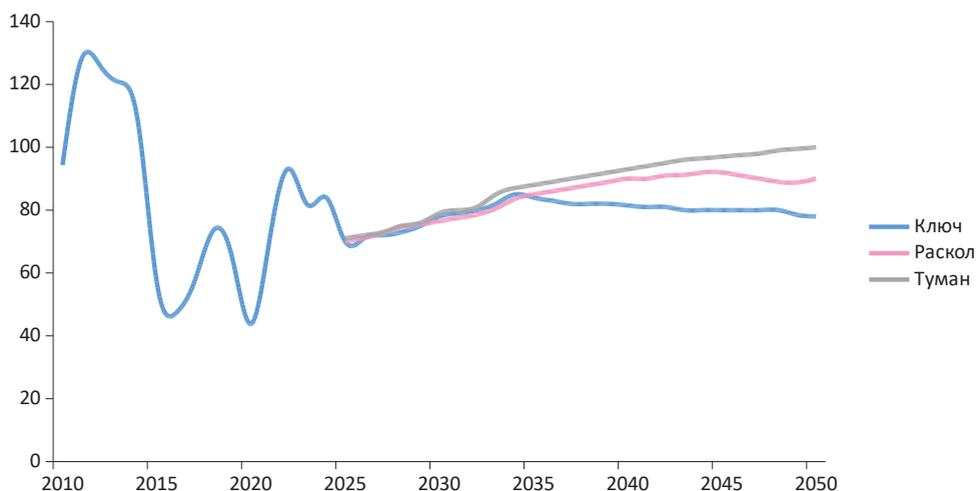
В 2016–2017 гг. мир прошел промежуточный пик добычи традиционной нефти, который был компенсирован ростом добычи нетрадиционной нефти и предложения газового конденсата. В перспективе для поддержания востребованных уровней добычи потребуется вовлекать новые запасы традиционной и нетрадиционной

нефти. Крупнейшим производителем нефти в мире останется Ближний Восток, где добыча увеличится до 1,5–1,8 трлн т (в 2021 г. она составляла 1,3 трлн т). В Северной Америке добыча нефти суммарно будет достаточно стабильна: в первой половине прогнозного периода ее будет составлять в основном сланцевая нефть США и тяжелая нефть Канады, во второй половине падение объемов их добычи будет компенсировано ростом производства на шельфовых месторождениях Мексики, а также на месторождениях на северных побережьях США и Канады.

Добыча в странах СНГ будет чувствительна к сценарным параметрам, в частности, торговым ограничениям и доступности рынков, к 2050 г. в сценарии *Туман* она составит 682 млн т, а в сценарии *Ключ* постепенно снизится до уровня 2021 г. (621 млн т), в *Расколе* выйдет на 675 млн т.

В сценарии *Туман*, который характеризуется наиболее высоким спросом, равновесные цены спроса и предложения нефти достигнут 100 долл. 2023/барр. к 2050 г. В сценарии *Ключ* — сократятся до уровня ниже 80 долл. 2023/барр. В *Расколе* в среднем по миру они окажутся 90 долл. 2023/барр., но будут отличаться по геоэкономическим полюсам в зависимости от доступности предложения в каждом из них (см. рисунок 6 на с. 15). Рыночные цены будут волатильными и могут временно значительно отклоняться от равновесных. В течение прогнозного периода выход равновесных цен нефти на период более 2–3 лет за пределы диапазона 50–120 долл. 2023/барр. маловероятен (за исключением критических внешних факторов), поскольку при пересечении верхней границы ускоряется переход на альтернативные топлива и технологии потребления (например, биотоплива, электротранспорт, вторичная переработка пластика), повышается экономия топлив, а при пересечении нижней границы значительно возрастают риски недоинвестирования в новые проекты по добыче, и экономически неэффективной становится значительная часть добычи нефти, в особенности нетрадиционной.

Рисунок 6. Цены нефти по сценариям, долл. 2023/барр.

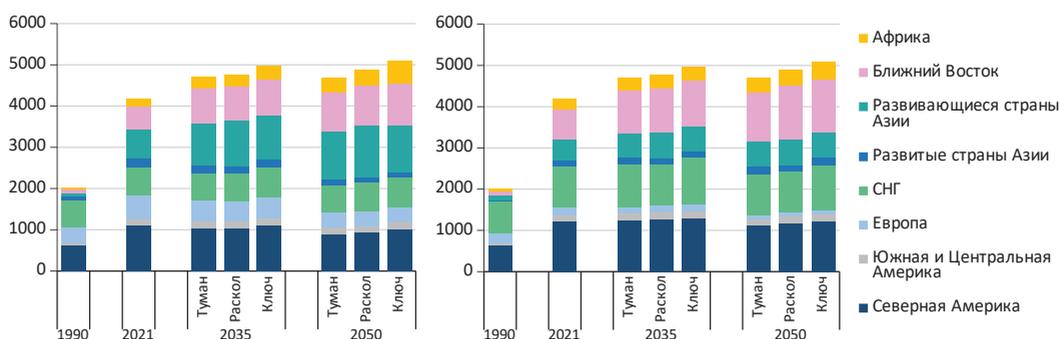

Источник: расчеты ИНЭИ РАН.

Рынок газа

Мировое потребление газа к 2050 г. увеличится по сценариям до 4,7–5,1 трлн куб. м (в 2021 г. оно составляло 4,2 трлн куб. м, в 1990 г. — 2,0 трлн куб. м). За предыдущие 30 лет были созданы крупные рынки газа в развивающихся странах Азии, Африке и на Ближнем Востоке (потребление газа в этих регионах за 1990–2021 гг. выросло с 0,2 до 1,4 трлн куб. м), в течение следующих 30 лет они продолжают активно развиваться, и их объем достигнет 2,4–2,7 трлн куб. м. Потребление в странах ОЭСР будет сокращаться на 0,7–0,9% ежегодно. Крупнейшими регионами — производителями газа, как и нефти, останутся СНГ, Ближний Восток и Северная Америка. Наибольший прирост объемов производства газа обеспечат страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Иран и Катар) как для нужд собственных внутренних рынков, так и для поставок на мировой (см. рисунок 7 на с. 16).

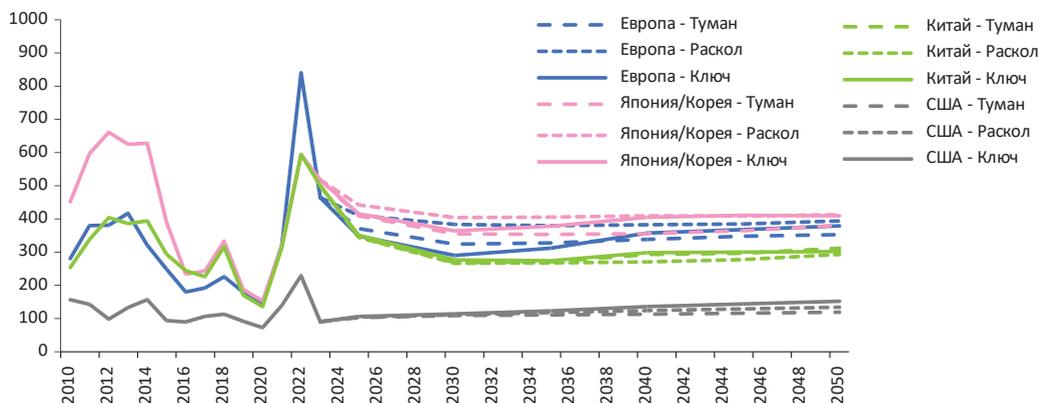
Рисунок 7. Потребление (слева) и добыча (справа) газа по регионам мира по сценариям, млрд. куб. м

Источник: расчеты ИНЭИ РАН.

Результаты оптимизационных расчетов показывают, что удовлетворение прогнозного спроса на газ не потребует существенного роста объемов мировой торговли (которая составляет порядка 1,2 трлн куб. м) в связи с увеличением спроса в странах, обеспеченных собственными ресурсами газа. Однако уже к 2035 г. заметно возрастет доля сжиженного природного газа (СПГ) в мировой торговле, а к 2050 г. она составит около 70%. Более 80% межрегиональных поставок газа обеспечат крупнейшие производители газа: СНГ, Ближний Восток и Северная Америка. Возрастут поставки из Нигерии, Мозамбика и Танзании, высокой неопределенностью характеризуются перспективы экспорта газа из Ирана. Крупнейшими импортерами газа станут Китай и Индия. После ввода в эксплуатацию строящихся в настоящее время мощностей по производству СПГ к 2030 г. ожидается заметное сокращение средневзвешенных цен на газ в ключевых регионах-импортерах — Европе и Азии. Далее цены на газ будут умеренно расти в связи с увеличением производственных затрат из-за необходимости вовлекать в эксплуатацию более сложные запасы (см. рисунок 8 на с. 17).

Рисунок 8. Средневзвешенные региональные цены газа по сценариям, долл. 2023/тыс. куб. м

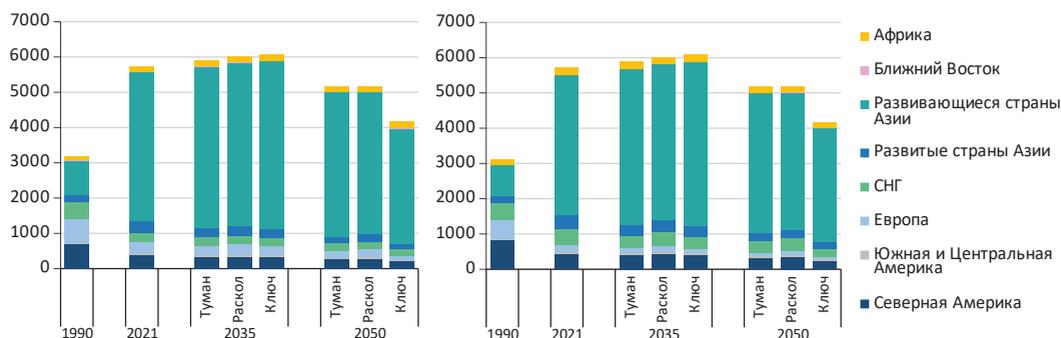

Источник: расчеты ИНЭИ РАН.

Рынок угля

Мировой рынок угля стремительно менялся в предыдущие 30 лет. Потребление угля в Европе, Северной Америке и СНГ за 1990–2021 гг. сократилось практически вдвое за счет замещения альтернативами в промышленности и в электроэнергетике и повышения энергоэффективности. За этот период потребление угля в развивающихся странах Азии увеличилось более чем вчетверо, обеспечив энергией их быстрый экономический рост (см. рисунок 9 на с. 17). Практически две трети мирового потребления угля используется для производства электроэнергии. Усиление межтопливной конкуренции в электроэнергетике даже в отсутствие высоких цен на выбросы CO₂ в развивающихся странах приведет к тому, что рост потребления угля до 2035 г. сменится его сокращением после 2035 г. Наиболее быстро будет уменьшаться потребление угля в сценарии Ключ за счет ужесточения экологического регулирования и наиболее высоких сценарных цен на выбросы CO₂.

Рисунок 9. Потребление (слева) и добыча (справа) угля по регионам мира по сценариям, млн т у.т.

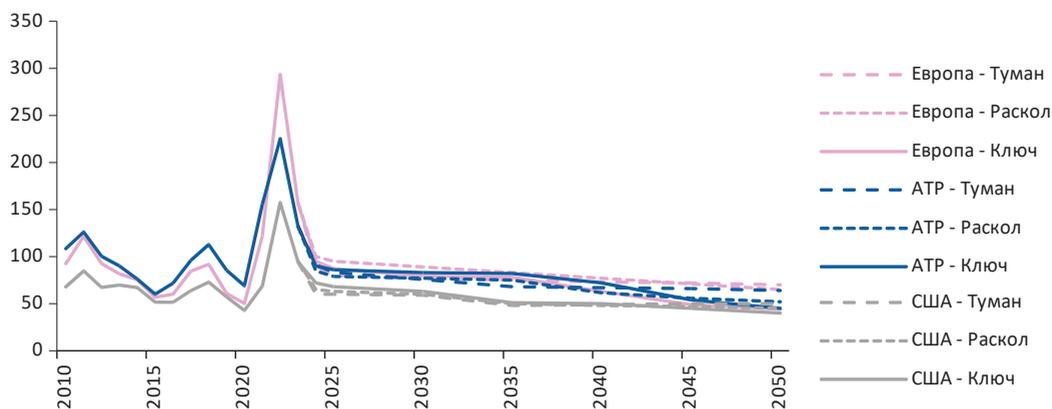

Источник: расчеты ИНЭИ РАН.

Сокращение потребления угля в ОЭСР и концентрация его использования в странах, в значительной степени обеспеченных собственными ресурсами, приведет к постепенному сокращению мировой торговли — в 1,9–4,5 раза в зависимости от сценария.

Цены угля в регионах — импортерах угля будут сохраняться на достаточно высоком уровне в первой половине прогнозного периода, после чего по мере сокращения спроса будут постепенно снижаться. В сценарии *Раскол* цены на европейском рынке будут формироваться с премией к азиатскому рынку в связи с ограниченным предложением угля из-за сценарных торговых ограничений (см. рисунок 10 на с. 18).

Рисунок 10. Средневзвешенные региональные цены угля по сценариям, долл. 2023/т

Источник: расчеты ИНЭИ РАН.

Развитие энергетики России

Рост ВВП и душевых доходов населения будет требовать энергии. Но эта потребность будет компенсироваться реализацией потенциала по энергосбережению.

Энергопотребление в коммерческом и бытовом секторе будет умеренно повышаться и в середине прогнозного периода на фоне роста энергоэффективности систем энергоснабжения и теплоснабжения пройдет пик. Потребление в транспортном секторе и промышленности будет продолжать увеличиваться, но заметно медленнее предыдущего периода.

Основной прирост потребности в энергоресурсах обеспечит электроэнергетика: потребление электроэнергии увеличится в 1,1–1,4 раз за счет продолжающейся электрификации в секторах конечного потребления. Природный газ в электроэнергетике в рассматриваемых сценариях сохранит ключевую роль, объемы производства электроэнергии на газовых электростанциях, АЭС и ВИЭ-электростанциях будут постепенно повышаться, а на угольных электростанциях — сокращаться (в особенности в сценарии *Ключ* с учетом предпосылок о регуляторных мерах, включая плату за выбросы). К 2050 г. доля ВИЭ и атомной

энергии в производстве электроэнергии по сценариям составит 40–46% (в 2021 г. она была 40%).

Рост суммарного потребления первичной энергии в России в рассматриваемых сценариях до 2050 г. замедлится: среднегодовые темпы составят 0,1–0,3%. Использование отдельных топлив снизится (угля — во всех сценариях, нефти — в сценариях *Туман* и *Ключ* во второй половине прогнозного периода). Доля ВИЭ и атомной энергии в топливно-энергетическом балансе повысится с 10% до 11–14%, доля газа останется стабильной на уровне 54–56%.

Рост спроса на нефтепродукты в России в первой половине прогнозного периода будет поддерживать растущая потребность в мобильности и развитие нефтегазохимической промышленности, а во второй половине прогнозного периода этот рост будет компенсирован расширением парка альтернативного транспорта и повышением энергоэффективности в транспортном секторе, электрификацией в коммерческом и бытовом секторе. В связи с тем, что страны-импортеры начинают ориентироваться на импорт нефти для последующей переработки на собственных мощностях, ниши для экспорта нефтепродуктов во всех сценариях значительно сокращаются. При этом в абсолютном выражении не сокращается спрос на автомобильный бензин на внутреннем рынке. Таким образом, на фоне ожидаемого снижения объемов нефтепереработки в России будет необходимо обеспечить умеренно растущие объемы производства автомобильного бензина — это потребует значительных инвестиций в модернизацию отечественных мощностей НПЗ. Частично может решить задачу переключение спроса с бензина на дизельное топливо, сжиженные углеводородные газы, газомоторное топливо и электроэнергию. Экспорт нефти и газового конденсата из России способен будет компенсировать снижение внешних поставок нефтепродуктов и будет ориентирован преимущественно на рынки стран Азии. В добыче нефти продолжит расти доля сложных запасов. Поддержание необходимых уровней добычи и конкурентоспособности экспорта потребует расширения гибкого регулирования и льготного налогообложения.

В российской угольной отрасли на фоне сокращения использования угля как в электроэнергетике, так и в секторах конечного потребления, объемы добычи станут еще больше зависеть от ниш на экспортных рынках. Объемы экспорта, в свою очередь, могут колебаться в 2–3 раза из-за решений ключевых потребителей угля о структуре их топливной корзины и планов по собственной добыче, а также окажутся чувствительными к динамике мировых цен в связи с длинным транспортным плечом.

Спрос на газ на внутреннем рынке России продолжит умеренно повышаться во всех рассматриваемых сценариях и к 2050 г. достигнет 520–574 млрд куб. м. Наибольший прирост потребности в газе ожидается в сценарии *Ключ* за счет более высокого экономического роста, роста использования газа в электроэнергетике, в том числе на востоке страны, а также расходов на собственные нужды отрасли, связанных с объемами экспортных поставок. Трубопроводные поставки газа на европейский рынок экономически привлекательны и в случае отсутствия геополитических ограничений займут естественную нишу на этом рынке. Трубопроводные поставки газа в Азию будут повышаться в рамках достигаемых договоренностей.

Рост экспорта газа в виде СПГ ожидается из европейской части России и Арктики, а при наличии ресурсов может оказаться целесообразным и с востока страны. Для поддержания необходимых уровней добычи газа потребуются вовлечение новых сложных и удаленных от центров потребления запасов, что будет сопряжено с ростом издержек. Возрастет потребность в адаптации налогового регулирования отрасли — не только для поддержания конкурентоспособности поставок газа на внешние рынки, но и для устойчивого энергоснабжения собственной экономики.

Для активной адаптации российского ТЭК к изменениям на внутреннем и внешних рынках потребуются более гибкая энергетическая политика. На экспортных направлениях основное внимание необходимо уделить созданию инфраструктуры и сопутствующих механизмов (страховых, финансовых и пр.), обеспечивающих работу на перспективных маршрутах поставок, поддержке на международном уровне усилий по формированию ликвидных торговых площадок и обоснованных индикаторов цен в новых крупных центрах потребления, повышению гибкости работы на топливных рынках для реагирования на ценовые и объемные перепады в условиях растущей неравномерности выработки на ВИЭ за счет схем, предполагающих логистическую оптимизацию торговли с использованием различной ресурсной базы. Нельзя забывать, что энергетика не ограничивается только поставками топлива, есть еще большие рынки оборудования, услуг, по финансовым оборотам не уступающие топливным рынкам. Расширение работы на них не только принесет дополнительные доходы, но и обеспечит заказы промышленности, стимулирует НИОКР.

Несмотря на интерес к экспорту, основной задачей российского ТЭК является устойчивое снабжение внутреннего рынка. Здесь необходимо завершение обеспечения технологического суверенитета, как минимум, по ключевому оборудованию и программному обеспечению, проведение модернизации объектов ТЭК и сегментов потребления для повышения эффективности использования ресурсов, синхронизация планов по территориальному развитию с планами запуска новых объектов ТЭК. Крайне важно обеспечить самокупаемость внутренних рынков энергоресурсов, создать условия для развития конкуренции и формирования эффективных ценовых индикаторов.

Заключение

В перспективе до 2050 г. мировая энергетика будет трансформироваться на фоне существенного замедления роста объемов потребления первичной энергии. Колоссальный потенциал спроса на энергию в странах с низкими доходами во многом так и останется не реализован из-за недостаточной платежеспособности. В развитых странах, которые характеризуются высокими уровнями душевого энергопотребления, ожидается сокращение абсолютных объемов потребления энергии. Развивающиеся страны со средними и выше средних уровнями душевых доходов будут драйверами роста мирового спроса на энергию. В предстоящие 30 лет мир пройдет суммарный пик потребления ископаемых топлив. К окончанию прогнозного периода нефть, газ и уголь обеспечат 65–73% мирового энергопотребления (в

2021 г. этот показатель составлял 80%), что можно назвать активной качественной трансформацией мировой энергетики с учетом продолжительных сроков эксплуатации значительной части оборудования и инфраструктуры на стороне спроса на энергию. В течение прогнозного периода будут пройдены и пики выбросов парниковых газов от сжигания топлив.

Ежегодные приросты потребления электроэнергии во все большей степени будут обеспечиваться ВИЭ, в частности, в связи с ростом их экономической эффективности: к 2050 г. практически весь прирост электропотребления в мире будет приходиться на ветровую и солнечную генерацию. Доля ВИЭ и атомной энергии достигнет по сценариям 57–70% (в 2021 г. она была 38%). Вместе с ископаемыми источниками они будут составлять взаимодополняющие части будущей энергосистемы. Достижение 100% безуглеродных источников в производстве электроэнергии также технически возможно, однако по мере роста их роли в электроснабжении непропорционально быстро повышаются системные затраты, в частности, в связи с необходимостью использовать системы хранения электроэнергии и наращивать сетевые мощности на разных участках. Конечные системные затраты при переходе на безуглеродные источники зависят от региона, доступности энергоресурсов, возможностей их импорта, динамики и уровня спроса, его платежеспособности, требований к устойчивости электроснабжения, возможностей синхронизации с соседними энергосистемами.

Роль газа и угля в качестве резервирующих топлив в электроэнергетике повысит волатильность цен на них. Ключевой для нефтяной отрасли транспортный сектор вступает в эпоху динамично меняющихся условий межтопливной конкуренции: на морском транспорте будет расти использование СПГ, аммиака и метанола, в дорожном — электроэнергии, газа и биотоплива.

Возможности мира обеспечивать высокий экономический рост и решение глобальных задач, включая климатическую политику и достижение Целей устойчивого развития, во многом будет зависеть от способности стран перейти от практики торговых барьеров и растущих ограничений к согласованным механизмам решения возникающих проблем.

Библиография

Грушевенко Д. А. Модельный инструментарий для оценки перспектив развития межтопливной конкуренции в мировом транспортном секторе // Актуальные проблемы развития нефтегазового комплекса России: Сборник трудов XVI Всероссийской научно-технической конференции / под ред. Мартынова В.Г. М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2023. С. 489-498.

Макаров И.А. Таксономия торговых барьеров: пять типов протекционизма // Современная мировая экономика. Том 1. №1(1). Январь—март 2023. Режим доступа: <https://cwejournal.hse.ru/article/view/17239>

Перспективы развития мировой энергетики с учетом влияния технологического прогресса / под ред. В.А. Кулагина. М.: ИНЭИ РАН, 2020. Режим доступа: https://www.eriras.ru/files/monograph_2020_ed_kulagin_v_a.pdf

Прогноз развития энергетики мира и России 2024 / Под ред. А.А. Макарова, В.А. Кулагина, Д.А. Грушевенко, А.А. Галкиной. М.: ИНЭИ РАН, 2024. Режим доступа: <https://www.eriras.ru/files/prognoz-2024.pdf>

Росстат, 2023. Демографический прогноз. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

Системные исследования в энергетике: методология и результаты / Под ред. А.А. Макарова и Н.И. Воропая. М.: ИНЭИ РАН, МЭИ, 2018. Режим доступа: https://www.eriras.ru/files/sistemnye_issledovaniya_mch-.pdf

Bolhuis M., Chen J., Kett B. Fragmentation in Global Trade: Accounting for Commodities. IMF Working Paper, No. WP 23/73, 2023. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/03/24/Fragmentation-in-Global-Trade-Accounting-for-Commodities-531327>

IEA, 2023. World Energy Balances. Режим доступа: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/world-energy-balances-highlights>

IMF, 2023. World Economic Outlook Database. October 2023. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/October>

Kose A., Ohnsorge F. Falling Long-Term Growth Prospects: Trends, Expectations, and Policies. Washington, DC: World Bank, 2024. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/3f6fa335-c843-47c1-b466-74be203875fc/content>, <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-2000-7>

UN, 2022. World Population Prospects. United Nations Department of Economic and Social Affairs Population Division. Режим доступа: <https://population.un.org/wpp/>

Весна переоценки: как меняется видение мировой экономики международными организациями

Григорьев Л.М.

Глобальные среднесрочные перспективы не так уж губительны и мрачны.
Международный валютный фонд [IMF 2024. P. 78]

Григорьев Леонид Маркович — к.э.н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, заведующий сектором структурных проблем мировой экономики ЦКЕМИ.

SPIN РИНЦ: 8683-3549

ORCID: 0000-0003-3891-7060

ResearcherID: K-5517-2014

Scopus AuthorID: 56471831500

Для цитирования: Григорьев Л.М. Весна переоценки: как меняется видение мировой экономики международными организациями // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №1 (5).

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-1-23-44>

Ключевые слова: экономическое развитие, деловой цикл, прогнозы, драйверы роста.

Аннотация

В 2024 г. серия докладов международных и частных исследовательских организаций дала осторожный и трезвый анализ ситуации в мировой экономике. За сложным экономическим подъемом 2011–2019 гг. последовали потрясения 2020–2023 гг. На фоне геополитических конфликтов мировая экономика перешла в стадию нервного подъема. Следует рассматривать текущую ситуацию как смену режима социально-экономического развития. В этой ситуации практически все основные акторы — от главы МВФ до папы римского — видят в мировых процессах те или иные серьезные риски и угрозы. Положительная динамика ВВП восстановилась, но на уровне более низком, чем было в начале XXI века. Китай поддерживает динамику мирового экономического роста.

Нынешняя картина мира представляется следующим образом: страны с формирующимися рынками и низкими доходами отстают по темпам

экономического роста от более развитых без намеков на конвергенцию; экономика Евросоюза, по сути дела, стагнирует с рисками дальнейшего ухудшения экономических перспектив; и только США почти удалось вернуться к традиционным темпам экономического роста. Вялый мировой рост сопровождается значительным разбросом экономической динамики ключевых акторов. При низких приростах доходов ресурсы в распоряжении правительств сузились, особенно относительно усложняющегося потока проблем и задач. Циклический подъем выглядит слабым, а его драйверы на ближайшие два-три года (инвестиции в ВИЭ, электромобили и искусственный интеллект) могут придать ему определенный, но не слишком сильный дополнительный импульс. В целом мир задумался наконец над своим положением, но остается неясным, какие будут выводы и решения.

Введение

Экономические и геополитические потрясения последних лет формируют новую картину развития мировой экономики: динамику по континентам, страновую и отраслевую структуру, закономерности торговли, структурные сдвиги в промышленности, инфраструктуре, энергетике. Институты глобального регулирования, находившиеся в упадке после мирового финансового кризиса 2008–2010 гг., были разрушены геополитическими противоречиями. Замедление экономического роста уже вызвало конкуренцию за ресурсы между бедными странами и нуждающимися слоями в развитых странах, причем вторые, по всей видимости, ее выигрывают. Макроэкономические параметры подъема (темпы роста, уровни безработицы и инфляции) могли бы рассматриваться как вполне приемлемые по историческим меркам для развитых стран, если бы не два обстоятельства. Первое — это сопровождающие риски и неопределенность. Угрозы крахов в различных секторах экономики и кризисов и создают чувство опасности у основных игроков, что отражает текущая мировая пресса, которая помогает политикам не выходить из состояния депрессии и повышенной тревоги одновременно. Второе — это геополитические противоречия: переговорные процессы протекают между сторонами с разными и даже расходящимися (и конфликтующими на разных уровнях) интересами. На это накладываются выборы и ожидания выборов парламентов, президентов и прочих государственных органов и уровней. Сегментация глобального финансового рынка, усиление межстранового и социального неравенства, кризисы и конфликты — это наглядная форма фрагментации социально-экономической «ткани» мира и причина снижения надежд на достижимость Целей устойчивого развития.

Данная работа описывает ключевые особенности развития мировой экономики на современном этапе. В первом разделе анализируются общие рамки развития — стационарный режим 2020–2023 гг. и далее в том виде, в котором он складывается на наших глазах. Во втором обсуждается циклическая составляющая современной экономической динамики. В заключительном разделе рассматриваются факторы экономического роста и структурные сдвиги, которые выходят за пределы текущей

конъюнктуры. Работа отвечает на вопрос, что в ближайшие годы (2024–2026) может воздействовать на темпы и характер социально-экономического развития мира при нейтральной среде или отсутствии новых тяжелых финансовых, энергетических или геополитических шоков.

1. Забытый знакомый режим

Текущий период в мире — 2023–2025 гг. — это время пусть умеренного, но экономического подъема. После окончания коронакризиса к 2023 г. удалось затормозить продолжительную инфляцию, вызванную во многом антикризисными фискальными стимулами и крупномасштабными бюджетными вливаниями — реакцией на шок COVID-19. Но характер подъема несколько напоминает начало 1980-х гг. — инфляция заметно выше предыдущего десятилетия, а экономический рост неровный при высоких ценах на нефть [Григорьев, Иващенко 2011]. В тот период сократился экономический рост как в ЕС, так и в Японии, тогда как сейчас — в ЕС и в Китае. Параметры падения тогда были намного драматичнее, но теперь наблюдается и схожая динамика, и схожие макропереживания.

Ориентируясь на стабильность политики ФРС и ЕЦБ (базовые ставки около 5%) в 2023–2024 гг., прогнозы международных организаций, а также на продолжающуюся научную дискуссию, мы можем говорить о «режиме» относительно высоких ставок. Инфляция — второй параметр режима — в США и ЕС снизилась за счет снижения вклада энергетической и продовольственной компоненты, да и базисная инфляция (за вычетом энергетических и продовольственных цен) остается на первый взгляд не столь высокой, примерно 2–3%. Однако с 2020 г. накопленная инфляция (ИПЦ за три года) составляет значительные величины: 17,5% в США и 19,7% в ЕС (см. таблицу 1 на с. 26). Но ключевая проблема состоит не в уровне текущей месячной инфляции, а в интенсивности роста удельных трудовых издержек, или, на языке политиков, в инерционном росте номинальной заработной платы [Григорьев и др. 2024]. При неустойчивости геополитического фактора сохраняется высокая вероятность будущей флуктуации сырьевых цен. Инерция роста зарплат и цен на услуги в развитом мире обладает неприятным свойством таежного низового пожара — при порыве инфляционного ветра инфляция может взлететь снова. Осторожное поведение центральных банков в отношении ДКП объясняется не столько модельными расчетами — статистики для этого просто мало, сколько опасением упустить возврат инфляции.

Системы минимальных уровней зарплат, трудовых договоров, корпоративных отношений подстраиваются под реалии трудового рынка в сложившихся условиях. Экономисты обычно рассматривают рациональные интересы и решения как первичные и определяющие действия компаний и финансовых властей. Но в условиях частых существенных выборов, исход которых неизвестен и в наши дни зависит от неустойчивых предпочтений раздробленных групп электората, логика политиков меняется. Мы, возможно, наблюдаем «неоптимальные» решения не только на уровне мировой политики, не только санкционные искажения рыночной логики решений правительств и компаний, но и осторожность ЦБ,

Минфинов, правительств в области социальной политики и решения региональных проблем. Частота выборов по различным важным вопросам в условиях стабильного режима является важным фактором для учета предпочтений электората. В потоке кризисных явлений, тревожных прогнозов, конфликтов партийных интересов, электоральной активности СМИ приоритеты экономических агентов смещаются от хрестоматийных максимизации прибыли, повышения эффективности и принятия риска к осторожности и еще раз осторожности. Это не останавливает экономический рост и капиталовложения, но снижает их интенсивность. Вряд ли легко подсчитать ущерб, нанесенный теми или иными аспектами макрофинансовой политики в условиях подъема, если даже ошибки (явные или предполагаемые), приведшие к кризисам прошлого, трудно оценить в терминах потерь ВВП.

Таблица 1. Динамика ВВП и инфляции (%), 2019–2025 гг.

Годовой темп прироста индекса потребительских цен (%)							
	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (п)	2025 (п)
США	1,8	1,3	4,7	7,8	4,1	2,8	2,4
Китай	2,9	2,5	0,9	1,9	0,7	1,7	2,2
ЕС-27	1,4	0,7	2,9	9,3	6,5	3,7	2,4
Развитые экономики	1,4	0,7	3,1	7,3	4,6	3,0	2,2
Развивающиеся экономики	5,1	5,2	5,9	9,8	8,5	7,8	6,2
Годовой темп прироста – базовый ИПЦ (%)							
США	2,2	1,7	3,6	6,2	4,9	-	-
Китай	2,9	2,5	0,9	1,9	0,8	-	-
ЕС-27	1,2	1,1	1,8	4,7	5,7	-	-
Экономический рост, % реального ВВП							
США	2,3	-3,4	5,6	2,1	2,5	2,1	1,7
Китай	6,1	2,3	8,1	3,0	5,2	4,6	4,1
ЕС-27	1,2	-7,2	5,2	3,3	0,5	0,9	1,7
Развитые экономики	1,7	-4,9	5,0	2,6	1,6	1,5	1,8
Развивающиеся экономики	3,7	-2,4	6,5	4,1	4,1	4,1	4,2

Источник: составлено автором по данным IMF, OECD, Eurostat, Trading Economics, National Bureau of China

Год назад мы отмечали, что непростой переход в фазу подъема состоялся [Григорьев 2023], хотя кризис 2020 г. не был «циклическим» по глубине и характеру финансовых потрясений. Теперь можно с удовлетворением отметить, что удалось избежать массовой «ловушки» и критического спада глобальной экономики в 2023 г. Высокие базовые ставки ФРС и ЕЦБ понемногу подтягивают вверх ставки по 10-летним облигациям, постепенно приводя к новой более высокой стоимости

финансирования государственного долга и капиталовложений компаний.

Мировая динамика экономического роста во многом опосредуется международными потоками мигрантов, товаров и финансов. Последние годы — после вспышки COVID-19 — показали интересные сдвиги во всех этих связующих и образующих глобализацию сферах. Прежде всего, резко усилилась миграция в развитые страны [Economist 2024] — после естественного сбоя в 2020 г. и в США, и в ЕС наблюдался массовый приток низкооплачиваемой рабочей силы. В 2023 г. в США въехало на 3,3 млн больше, чем выехало, в Канаду — на 1,9 млн, в Великобританию — на 1,2 млн и в Австралию — на 0,74 млн, то есть только в англосаксонские страны прибыло около семи миллионов дополнительного населения. Рекорды по количеству иммигрантов бьет и ЕС. При сложной (в связи со старением населения) демографической обстановке в развитом мире приток рабочей силы по относительно низкой цене и на нижние этажи социальной лестницы представляется благом, хотя окупается не скоро. Мы оставили бы этот пункт для более внимательного мониторинга на ближайшие годы, особенно в части миграции образованного контингента. Но как минимум США в текущем периоде имеют выигрыш в отношении экономической активности и занятости.

Массовое прибытие мигрантов иной культуры, образа жизни, национальности часто религии ведет к развитию дисбалансов в социальной сфере и потенциально к политической и электоральной напряженности (особенно с учетом непростых правил натурализации). Рост правых партий в Европе и углубление раскола по вопросам миграции в США указывают на то, что демографические и трудовые выигрыши и социальные и политические проблемы от иммиграции могут расхотиться во времени, в частности проблемы могут усиливаться позднее. Стоит отметить, что этот фактор стал постоянно действующим и будет оказывать в обозримом будущем все более заметное воздействие на государственные расходы, партийные программы и конфигурацию правительственных коалиций и политики. Это один из примеров социальных проблем, которые всегда были значимыми, но в новой обстановке геополитического напряжения и снижения среднесрочных темпов экономического роста превращаются в источник усиления социальной нестабильности.

На международном уровне новым ключевым фактором развития и фокусом анализа аналитиков становится «Глобальный Юг» и особенно расширенный БРИКС. Инерция квазилиберального глобального управления начала разрушаться с момента мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. В апрельском обзоре МВФ приведены данные по расширению мер промышленной политики (преимущественно поддержка экспорта) с 2009 г.: шесть тысяч мер в развивающихся странах против пяти тысяч в развитых [IMF 2024. P. 103, Fig. 4.1.1] со значительным эффектом для экономики развивающихся стран. Однако нет внятной оценки размера и эффектов экспортных субсидий в развитых странах. Фактически мы наблюдаем использование мер промышленной политики не только при догоняющем развитии. Для значительной массы среднеразвитых стран (с ВВП на душу населения 15 тыс. долл. по ППС 2017 г. и более) проблемы завершения создания физической инфраструктуры, развития человеческого капитала, подъема производительности труда сохраняют огромное значение (как и для менее развитых,

разумеется). Пример Китая указывает на необходимость поддерживать эффективное использование высокой нормы накопления в течение длительного времени. Поддержание высоких темпов роста группой стран со значительными положительными сальдо платежного баланса, большими значениями государственных и частных переводов (например, из стран Персидского залива в Индию и Египет) могло бы вызвать в будущем более интенсивное использование странами БРИКС собственных финансовых ресурсов.

Изменение мировой финансовой архитектуры, с тем чтобы обеспечить стабильный экономический рост в развивающихся странах в течение долгого времени, оставалось не более чем фразой на конференциях. Теперь одновременно происходит замедление экономического роста и инвестиций и усиливается конкуренция за финансовые ресурсы для энергоперехода и климатической политики. На борьбу с бедностью, на социально-экономическое развитие, в частности, на догоняющее развитие среднеразвитых стран нужны хорошо организованные финансовые средства по всей цепочке: от выбора приоритетов расходования до надежных источников финансирования, доступа к технологиям и организации процесса. Десятилетия ушли на «лобовую» атаку бедности, а теперь акцент делается на климате.

Новая геополитическая ситуация вызвала новый виток активности в этом направлении. Проект Атлантического совета и Центра политики для нового Юга от апреля с.г. предлагает пять пунктов [Canuto et al. 2024. P. 11] для увеличения финансирования борьбы с изменением климата и ЦУР. Предположительно, это должен быть комплекс инструментов для постоянного взаимодействия Запада и Юга, за что обычно отвечали Бреттон-Вудские институты. Тем интереснее, что получилось в результате:

1. Многосторонние банки развития (МБР) должны сосредоточиться на финансировании национальных общественных благ, направленных на адаптацию к изменению климата;
2. Следует создать «зеленый» банк, который был бы включен в группу Всемирного банка и цель которого — смягчение изменения климата;
3. Необходимо удвоить усилия по созданию углеродного рынка;
4. Следует оптимизировать использование балансов МБР;
5. Нужно осуществить общее увеличение капитала Всемирного банка и других МБР и обеспечить крупное пополнение их подразделений ресурсами для льготного кредитования.

Предлагаемый набор мер понятен и находится в рамках «классического» гибрида банков развития и частной инициативы. Сюда относятся также различные идеи по облегчению долгового бремени менее развитых стран, в основном также привязанные к проблеме климата. Международные финансовые организации обычно привязывают зеленое финансирование к развитию человеческого капитала и инфраструктуры (скачок сразу к энергосберегающей инфраструктуре, человеческий капитал в инновационных зеленых отраслях и т.д.). Однако де-факто необходим более комплексный и координированный подход к развитию — привязка финансирования в основном к климатической проблеме оставляет развитие человеческого

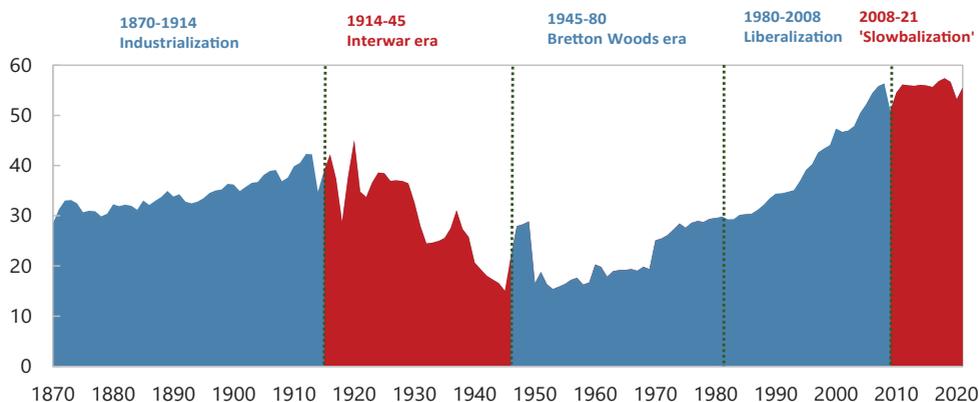
капитала, физической инфраструктуры и других целей ЦУР «на потом» — после энергоперехода [Bobylev & Grigoryev 2020; Grigoryev & Medzhidova 2020]. Мы сомневаемся в реалистичности достижения целей по климату в короткие сроки (особенно до 2030 г.) без мировой координации развития. В эти сложные времена стоило ожидать усиления деятельности ООН и всего движения за реализацию ЦУР. Осенью 2023 г. вышел новый доклад по ЦУР под характерным названием: «Время кризиса, время перемен» [United Nations 2023]. Его появление прошло относительно незаметно, влияние оказалось ограничено, так как доклад затерялся среди других решений и документов ООН.

Мировое сообщество потеряло много времени в 2020–2023 гг. Предлагаемые теперь шаги и даже по созданию новых институтов, как мы показали на примере доклада по финансам, в принципе имеют перспективы, хотя не факт, что являются адекватным решением сложных, переплетающихся и, видимо, разрастающихся проблем. И кроме того, практически все эти проблемы предполагают комплексные переговоры, непростые соглашения, потребность в больших ресурсах и неизбежные сложности в выборе приоритетов по странам и отраслям. Определение работающего «института» — это норма и способ «принуждения» к выполнению. Пока мы наблюдаем ужесточение торговых конфликтов развитых стран с Китаем, которые затрагивают значительный элемент климатических товаров, по которым Китай стал массовым экспортером, включая оборудование для ВИЭ и электромобили. Но ограничения на китайский экспорт в этом сегменте могут тормозить снижение выбросов. Геополитическая фрагментация и действующая система глобальных институтов — трудносовместимые партнеры, а время для решения глобальных проблем продолжает уходить.

В целом ожидания мирового сообщества на ближайшие годы можно оценить по регулярным обзорам мировой экономики МВФ. В январе 2023 г. опасения рецессии были очень сильны, а главный фокус был сделан на геоэкономической фрагментации мировой экономики. В 2024 г. тональность несколько смягчилась в отношении оценки состояния экономики. Но оценка потерь от фрагментации, сделанная МВФ в июне 2023 г., была очень значительная: «Дезорганизация торговли угрожает потерями в глобальных жизненных стандартах, такими же серьезными, как те, что произошли от COVID-19» [Bolhuis et al. 2023. P. 35]. Худший вариант не реализовался, но затяжные сложности также создали депрессивные эффекты.

Перспективы возврата глобализации были бы в общем неплохими при условии возврата стабильности в международных делах, снижения напряженности и интенсивности санкций. Отметим приводимую МВФ классификацию периодов мирового развития с 1870 по 2021 г. с выделением периодов увеличения и снижения открытости торговли. Мы бы отметили еще небольшой отрезок второй половины 1970-х — начала 1980-х гг. — плоский на рисунке 1 (с. 30) [IMF 2023. P. 6], который последовал за кризисом 1973–1975 гг. Возможно, замедление глобализации после глобального финансового кризиса и в настоящий момент — явления схожего порядка. Но это не основание для оптимизма в текущей ситуации, поскольку мировые проблемы и потребность в ресурсах обострились, а геополитическая обстановка в мире не улучшилась.

Рисунок 1. Открытость торговли (% от ВВП), 1870–2021 гг.

Источник: IMF (2023). World Economic Outlook: Goeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Washington, DC: International Monetary Fund. P. 6.

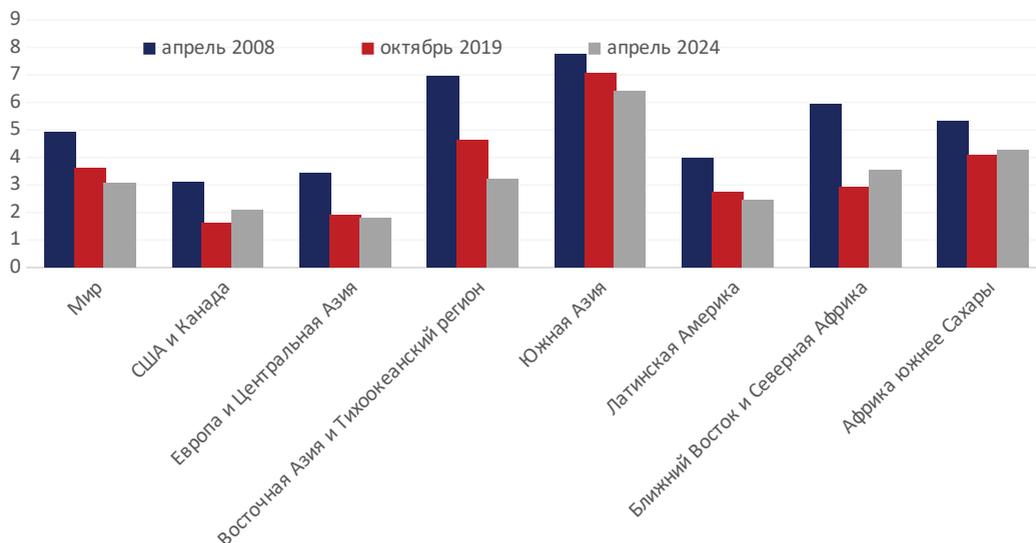
Апрельский обзор МВФ 2024 г. создает впечатление «вздоха облегчения», поскольку в 2023 г. обошлось без резкого экономического спада, хотя геополитические риски по-прежнему остались, а экономический рост все еще медленный. Среди выделенных факторов риска и замедления роста в будущем выделим фундаментальную проблему, которая не вполне поддается конкретизации сейчас и остается неопределенной в будущем — растущая геоэкономическая фрагментация [IMF 2023].

Устойчивость глобального роста, пусть и на пониженных оборотах, зависит от США, ЕС, Китая и Ближнего Востока (то есть цен на нефть). Эта рамочная конструкция и определяет мировые перспективы на ближайшие два года, которые довольно близким образом видят просвещенные наблюдатели. Различия между ними — в оценках последствий многочисленных выборов, геополитических факторов и рисков, траекторий развития китайской экономики и энергетического перехода. Ожидаемый в следующие пять лет низкий (относительно предыдущих десятилетий) среднегодовой темп прироста ВВП на 3,1% — это не техническая подробность работы системы, а отражение существенного снижения прироста свободных ресурсов для решения национальных, структурных и глобальных проблем. А также усиления политической конкуренции за располагаемые правительствами ресурсы.

Мир оказался в периоде нервного, но непрекращающегося роста. На наших глазах развязывается дискуссия о будущем мира, путях его развития, решении мировых проблем. Широкая проблематика устойчивого развития несколько отошла в тень, хотя энергетика и климат остаются в центре политического фокуса. И одновременно вернулась промышленная политика (что обсуждается в апрельском обзоре МВФ с.г.). Дискуссия же об академическом мейнстриме уже не выглядит как глас вопиющего против всепобеждающего неолиберализма, как подчеркивает нобелевский лауреат Дж. Стиглиц: «По всему миру растет популистский национализм, часто приводящий к власти авторитарных лидеров. И все же неолиберальная ортодоксальность — сокращение правительств, снижение налогов, дерегулирова-

ние, которое утвердилось около 40 лет назад на Западе, должно было укреплять демократию, а не ослаблять ее. Что пошло не так? Часть ответа носит экономический характер: неолиберализм просто не дал того, что обещал» [Stiglitz 2024].

Рисунок 2. Прогноз реального ВВП на пять лет вперед по регионам из обзоров МВФ, апрель 2008, октябрь 2019 и апрель 2024 гг. (%)

Источник: International Monetary Fund. 2024. World Economic Outlook—Steady but Slow: Resilience amid Divergence. Washington, DC. 2024. P. 67

Так, неравенство между странами и социальными слоями, нерешенные глобальные проблемы доминируют. Геоэкономическая фрагментация уже принесла потери размером в несколько процентных пунктов роста глобального ВВП. Рост военных расходов и вероятное дальнейшее их увеличение в ближайшем будущем также выведут часть средств и ресурсов, которые могли быть направлены на решение глобальных проблем. Ожидаемые темпы роста по регионам на ближайшие годы ощутимо ниже, чем в предыдущих референтных точках (см. рисунок 2 на с. 31). Развал глобальной координации процессов развития ставит вопрос о способности мирового сообщества решать глобальные проблемы, о будущем развития в целом — это станет ключевой темой на ближайшие годы. Можно сказать, что всякое ужесточение геополитической напряженности повышает температуру планеты как в переносном — политическом, — так и в прямом смысле этого слова.

2. Дивергенция в фазе подъема

Экономическая динамика в мире складывается из внутреннего развития множества стран и их взаимодействия в торговом и финансовом секторах. По драйверам роста (и по компоновке статистики) мир зависит, естественно, от внутреннего состояния США, Китая и Евросоюза, которые, во-первых, больше других производят,

экспортируют и финансируют; во-вторых, борются с инфляцией и определяют ставки процента; и в-третьих, их спрос доминирует на энергетических рынках. Взаимозависимость и конкуренция этих трех экономик определяют практические, а не декларированные принципы решения проблем.

Расширение БРИКС и торговая реорганизация мира на фоне геополитического шока вызвали поток заботы со стороны международных организаций и национальных правительств о Глобальном Юге с такой интенсивностью, которая еще несколько лет назад не наблюдалась. Проблема переустройства глобальных финансов как инструмента социально-экономического развития при отсутствии координации стран выглядит трудной в реализации и займет годы. Так что вся мировая институциональная система претерпевает общую реорганизацию «на малых оборотах» в рамках сложившихся сложных отношений между ключевыми игроками процесса. Было бы логично разработать на 2024–2026 гг. траекторию ее реорганизации и направления поиска компромиссов с тем, чтобы вернуться к обычному деловому циклу. Но геополитическая фрагментация и множество электоральных событий осложняют принятие решений и приход к согласию между ведущими игроками.

Но полагаем, что нужно начать рассмотрение мировой динамики в плоскостном подходе с беднейших стран мира, по поводу которых официально беспокоятся политики ведущих стран. Международная ассоциация развития (IDA) – подразделение Всемирного банка, покрывающее 75 наименее развитых стран. Они составляют весьма значительную долю голосов в ООН, так что помимо заботы о развитии мира или о бедных в этой истории у ряда стран есть и вполне прагматический интерес. После освобождения колоний многие новые страны стремились к развитию: некоторые преуспели, немногие вырвались вперед, особенно в Азии.

Дискуссия о межстрановой конвергенции ведется уже десятилетиями, за которые накопился огромный объем литературы. Между тем успехи достижения экономического уровня развитых стран развивающимися в целом были много ниже ожидаемых как Бреттон-Вудскими институтами [Истерли 2006] и наукой, так и самими развивающимися странами. Но надежда регулярно возобновлялась теориями и программами, которые в значительной мере были нацелены на интересы доноров [Морозкина 2019]. Возможно, пора расстаться с концепцией экономического сближения стран, по крайней мере в отношении основной массы стран и в отношении сроков – нужны многие десятилетия догоняющего развития [Григорьев, Майхрович 2023].

События 2020-х гг. привели не только к замедлению экономического роста в мире и в его менее развитых сегментах, но и к признанию в перемене тенденции к опережающим темпам экономического роста развивающимися странами по сравнению с развитыми. От этой тенденции зависит реалистичность выполнения ЦУР 10 (Сокращение неравенства) в отношении межстранового неравенства. Последний обзор МВФ [IMF 2024] признает поворот в последние годы к дивергенции, а Всемирный банк выпустил доклад «The Great Reversal», в котором отмечает отставание стран (IDA) от более развитых. Отметим, что концентрация усилий последних лет идет в отношении энергетики и климатической политики, о чем мы отмечали еще в 2020 г. [Grigoryev, Medzhidova 2020]. Так что экономический

рост в менее развитой части мира даже при сохранении значительной внешней поддержки ослаб. И мир в который раз должен будет решать принципиальный вопрос, насколько бедные страны важны морально, экономически и политически.

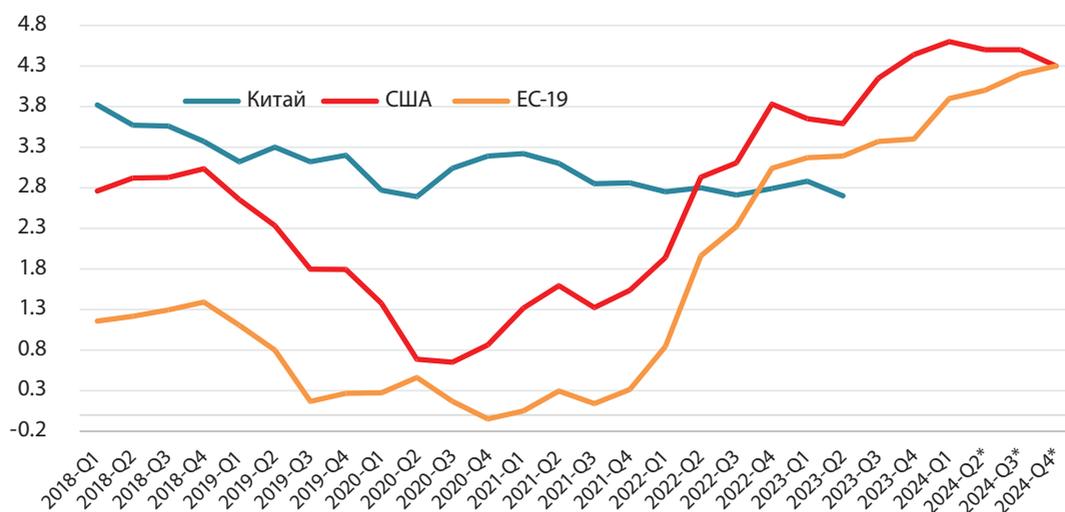
Китайская экономика, о которой западные СМИ регулярно рапортуют как об имеющей трудноразрешимые проблемы, продолжает расти темпами на 5–6%, недостижимыми практически ни для кого, кроме Индии. Сложные проблемы в жилищном секторе страны являются результатом огромных урбанистических и социальных программ. С большой долей условности их можно квалифицировать в качестве проблемы «среднего уровня развития», но не «ловушки». Формирование «новой нормали», по сути дела, является дорогой от достигнутого среднего уровня душевого дохода примерно в 20 тыс. долл. США по ППС. Заметим, что методы ускоренного развития Китая за прошедшие три десятилетия носили гибридный характер использования природных ресурсов и естественных преимуществ с созданием институтов предпринимательства и использования открытого мирового рынка [Григорьев, Жаронкина 2024]. На обозримые годы Китай будет решать новые задачи: рост личного потребления при снижении неравенства, урегулирование накопившихся долговых проблем в секторе недвижимости и снабжение мира электромобилями и оборудованием для производства ВИЭ, причем по весьма конкурентным ценам.

С точки зрения мирового экономического цикла Китай будет оставаться лидером роста с перспективами выхода через десятилетие на уровень дохода развитых стран. Цель экономического развития Китая была поставлена в 2019 г. председателем Си Цзиньпином — удвоение размера ВВП на душу населения за 16 лет, то есть к 2035 г. Экономическая стабильность и рост в Китае имеют первостепенное значение для мировой экономики. Позитивное воздействие Китая на мировое развитие было значительным и, возможно, недооцененным, что весьма несправедливо. Сейчас на его продолжение рассчитывают де-факто прогнозы МВФ на ближайшие годы, хотя одновременно страны ОЭСР, особенно США, противостоят промышленной политике Китая в ряде ее аспектов, касающихся экспорта.

Американская экономика, как это бывало ранее, испытывает более значительные колебания, чем большинство стран мира, но тем не менее возвращается к традиционному показателю роста. В известной мере это огромная экономическая система, которая развивается в соответствии со своей внутренней логикой развития. Выход из коронакризиса завершен, избыточные сбережения 2020–2021 гг. в основном сжались. Базисная инфляция еще сохраняется, поэтому ставки процента ФРС не снижались уже длительное время. В постковидное время в американской экономике развитие шло с опорой на услуги, так что уровень безработицы (кстати, в год выборов) невелик. Темпы роста капиталовложений достигли примерно динамики ВВП за последний год с необычной концентрацией в секторе сооружений обрабатывающей промышленности, что может являться реакцией на законодательство и указывать на развитие домашних производств в будущем. Драматический жест с повышением тарифов на импорт китайских электромобилей повторяет нечто подобное в прошлом в отношении японского экспорта автомашин в США. Так что промышленная политика, которую так долго никому не рекомендовали, «там правит бал».

Трехпроцентный рост ВВП США с перерывами на кризисы является привычной исторической нормой. Страна вышла на траекторию роста из весьма необычных обстоятельств. Проблема огромного долга никуда не исчезла, а отнесена на «после выборов», причем идет смена старых «дешевых» десятилетних облигаций на более дорогие (появились и короткие) (см. рисунок 3 на с. 34). Можно ожидать, что при любом исходе выборов 2024 г. проблема удорожания обслуживания федерального долга США вновь станет острым вопросом межпартийных отношений уже к выборам 2026 г. и далее. Пока же мы видим очень осторожную политику ФРС: поскольку базисная инфляция остается довольно высокой по историческим меркам, снижение ставки ФРС может вызвать выход инфляции из низового — базисного — «тления» в состояние высокой инфляции. Так что одной из необычных характеристик данного подъема в США является то, что он происходит при высоких темпах роста цен и высоких ставках процента при низкой безработице — обычно было наоборот.

Рисунок 3. Долгосрочные процентные ставки по государственным облигациям со сроком погашения десять лет (% годовых), 1 кв. 2018 — 4 кв. 2024 г.

Источник: составлено автором по данным OECD

Экономика Евросоюза стала притчей во языцех — как было можно процветающий континент затащить почти в стагнацию на несколько лет с весьма скромными дальнейшими перспективами. Понятно, что зависящие от туризма Франция, Италия и Испания оказались главными жертвами локдаунов, но возврат туристов идет, а роста — не слишком. Германия проводит на себе несколько дорогостоящих экспериментов сразу в сферах энергетики, ограничений в торговле и автомобилестроении. Недавно The Economist перечислил три шока, угрожающих экономике Европы, которые хочется прокомментировать [Carr 2024]. Первым идет энергетический кризис, связанный у автора с украинским конфликтом. Напомним, что Евросоюз создал энергосистему, которая в условиях природных шоков 2021 г. дала

сбой, приведший к скачку цен. С тех пор ЕС несет дополнительные издержки по импорту энергоносителей, несмотря на сжатие потребления. Кроме того, появились новые инвестиционные расходы на перестройку энергосистемы — прежде всего с амбициозными планами по климатическим программам, усиленные срочным отказом от непосредственного снабжения из РФ. В то же время рост цен на энергию сам по себе не кризис — снабжение не прерывалось. Цены на газ и нефть (и уголь) стабилизировались и влияют на конкурентоспособность, в частности в Германии.

Второй шок — это волна китайских товаров в ЕС, рассматриваемая как попытка Китая экспортировать «свое замедление». Собственно говоря, жалобы европейцев на экспорт китайского оборудования для выработки ВИЭ и укрепление Китая на мировом рынке находятся в тяжелом диссонансе с позицией Евросоюза по ускоренному снижению выбросов парниковых газов. Либерализм явно становится неудобным, но пока не видно радикального средства ускорения экспорта из ЕС, поскольку РФ находится под санкциями, Китай — крупный экспортер, а США лишь перетаскивают к себе производство из ЕС. Эти «геоторговые» интриги обычно обсуждаются как часть теорий развития, торговли или политических отношений. Мы хотели бы добавить, что Евросоюз сталкивается с проблемой роста в течение уже пяти лет, причем все собственные решения также не дают быстрой отдачи. Отметим, что трудности конкуренции ЕС с США и Китаем стали уже общим местом и постоянной темой газет. Например, *New York Times* 5 июня 2024 г. пишет о «кризисе конкурентоспособности» Евросоюза, чьи капиталовложения, доходы и производительность отстают от двух гигантских конкурентов [Cohen 2024].

Наконец, третьим грозящим шоком рассматривается избрание Дональда Трампа президентом США снова, что может привести к росту тарифов на импорт из ЕС. Тут возникают вполне резонные опасения, что неудачные меры ведущих стран и объединений по тарифам могут оказаться «лекарством хуже болезни». В целом Евросоюз с большими социальными программами, климатическими амбициями выглядит как экономический организм, рассчитанный на меньшие обязательства при больших темпах роста ресурсов. Без выхода ЕС на траекторию ближе к 3% роста ВВП все планы Брюсселя и Берлина в сфере энергетики, климата, социальных проблем будут наталкиваться на жесткие бюджетные ограничения и будут восприниматься электоратом более болезненно.

На этом фоне ЕЦБ продолжает удерживать высокую ключевую ставку (см. рисунок 3 на с. 34) примерно по той же логике, что и ФРС: «тормозить горько, а стимулировать страшно». В какой-то степени поведение Евросоюза оказывается зависимым от хода дел на внешних энергетических рынках, политики Китая и «американской рулетки» президентских выборов. Вероятно, многие европейские страны дожидаются ноября для принятия новых решений по стимулированию экономического роста.

Китай играет огромную роль в международной торговле, но не имеет иммунитета от делового цикла и торговой политики ведущих стран-партнеров. Потоки торговли Китая в 2023 г. во многом были определены отношениями с США и ЕС (см. таблицу 2 на с. 36, рисунок 4 на с. 36). Снижение импорта двух торговых гигантов — США и ЕС — из Китая создало определенные трудности для него. Де-факто мир

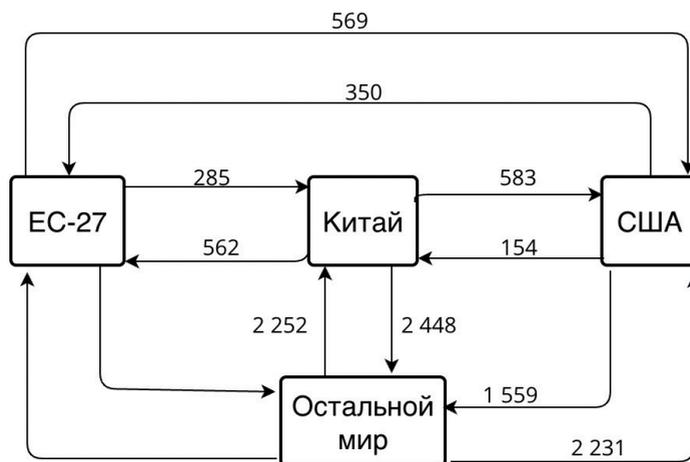
достиг ситуации «медленно растущего поделенного пирога», и колебания спроса импортеров оказывают конъюнктурное воздействие на экспортера.

Таблица 2. Торговля и потоки в 2019–2023 гг.

Импортер	2019	2020	2021	2022	2023
Экспорт китайской продукции, млрд долл.					
США	419	452	577	583	502
ЕС-27	367	391	519	562	502
Остальной мир	1 712	1 745	2 266	2 448	2 385
Экспорт американской продукции, млрд долл.					
США	106	124	151	154	148
ЕС-27	268	232	272	350	370
Остальной мир	1 268	1 068	1 330	1 559	1 502
Экспорт европейской продукции, млрд долл.					
Китай	253	259	310	285	282
США	462	425	503	569	590

Источник: составлено автором по данным Trade Map

Рисунок 4. Экспортные потоки Китая между ведущими странами в 2022 г.

Источник: составлено автором по данным Trade Map

Возврат мирового хозяйства к торговой открытости и ускорение мирового роста посредством торговли возможны только при ослаблении ограничений на движение товаров, сдерживании интенсивности промышленной политики (в частности, экспортного субсидирования). Пока это выглядит трудноосуществимой мечтой, особенно для Евросоюза. Экономический подъем в мире разворачивается, таким образом, при значительных различиях в темпах роста и внутренних драйверах

в США, ЕС и Китая. Параметры подъема на 2024–2026 гг. и у комментаторов, и у МВФ выглядят как «умеренный подъем с умеренным пессимизмом». По нашей классификации [Григорьев 2023. С. 4] текущая фаза может быть отнесена к типу «F – широкая спина подъема». Однако она неравномерна по регионам, ей свойственны высокая инфляция, более жесткая денежно-кредитная политика и, как отмечает МВФ, опасное развитие геополитических конфликтов. Учтем также природные катастрофы (связанные в том числе с повышением температуры) в одних регионах и вооруженные конфликты (Судан, Гаити) в других, что также повышает риски и ограничивает ресурсы для дальнейшего решения проблем социально-экономического развития.

3. Поиск структурных драйверов

Исторически сложилось так, что большие кризисные потрясения приводили мировую экономику к новому типу роста через устаревание активов. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. привел к ужесточению банковского контроля, замедлению инвестиционного процесса при низких ставках процента и низкой инфляции [Григорьев и др. 2022. Глава 2]. Сейчас мы наблюдаем промышленную политику развитых стран в форме субсидий, санкций, запретов на слияния, принудительных продаж компаний, судебных исков, специальных программ НИОКР, которые, не заходя в учебники, вернулись в реальную деловую жизнь.

Вместо циклического бума капиталовложений наблюдается снижение открытости торговли, высокие ставки процента, что в общем не способствует бурному подъему. Надежда возлагается на энергетику, в частности на ВИЭ, электромобили и искусственный интеллект (далее – ИИ) в той мере, в какой их развитие просматривается на горизонте традиционного подъема длиной в несколько лет. В этой работе мы не заглядываем далеко вперед, поскольку сейчас формируются лишь стратегии, а успех их реализации в будущем будет во многом зависеть от устойчивости роста в ближайшие годы.

Американская модель делового цикла уже как минимум столетие самостоятельно вырабатывает колебания для остального мира, хотя и испытывает значительное воздействие от него через потоки торговли и капитала. В текущем периоде экономика США уже прошла короткий, но интенсивный жилищный бум. Теперь за счет дешевой энергии и других факторов началось перетягивание энергоемкой промышленности из Евросоюза. То есть драйверы посткризисного роста действуют, хотя ставки процента и борьба с инфляцией не разгоняют темпы этого роста. Сдвиги структурного характера будут идти в направлении применения ИИ, но масштабные эффекты в этой сфере не могут проявиться очень быстро с учетом того, что рабочая сила постоянно мигрирует в страну и позволяет сдерживать цену труда. Использование ИИ во многих сферах, как это было раньше с прошлыми инновациями, может привести к повышению качества продукции (диагнозы в медицине), расширению охвата потребителей (а также влияния государства), надежности работы систем и т.п. Эти тонкие эффекты не обязательно существенно повышают уровень потребления относительно бедных слоев общества развитых

или развивающихся стран.

Серию недавних актов (включая 100%-й импортный тариф на китайские электромобили) президента Байдена пресса рассматривает как промышленную политику, что вызывает споры — впрочем, они касаются содержания, а не самого ее характера. Аналогично у США есть претензии к промышленной политике Китая. Но времена борьбы с промышленной политикой в принципе, которые пришлось на 1990–2008 гг. и оказали влияние на российские внутренние реформы, прошли. Мы теперь живем в мире сокращающейся открытости торговли, санкций и экспортных субсидий. Надо полагать, что мощность экспортных субсидий развитых стран сейчас выше, чем у развивающихся. Это противоречит всей логике и букве открытой мировой торговли вообще и ВТО в частности. В сочетании с санкциями и растущим протекционизмом это полностью меняет характер мировой торговли.

Промышленная политика Китая проецируется вовне через экспорт оборудования для производства возобновляемых источников энергии и электромобилей. Здесь возникает проблема «игры с нулевой суммой» в конфликте интересов и когнитивного диссонанса сразу. Нулевая сумма проистекает из желания стран ЕС и США самим производить соответствующее оборудование по ВИЭ для достижения цели 100%-й декарбонизации экономики к 2050 г. Мы видим конфликт интересов между собственными производителями (поддержанными «зелеными» партиями), страдающими странами и регионами мира: вторым нужно скорейшее снижение выбросов с целью удержания прироста глобальной температуры в пределах 1,5–2°C. Евросоюз был и остается лидером движения, но Китай производит несопоставимо больший объем необходимого оборудования в рамках своей промышленной политики.

Обвинения к Китаю нарастают на глазах параллельно с усилением промышленной политики в самих западных странах. Статья в *New York Times* только что обвинила Китай в расходовании в 2017–2019 гг. по 1,7% на поддержку промышленности. Заметим, что обвинение сводится к тому, что это намного больше, чем расходуют другие страны — не принцип, а масштаб: «Принятие Западом промышленной политики — это отход от идеологии открытых рынков и минимального государственного вмешательства, которую ранее отстаивали Соединенные Штаты и их союзники» [Cohen et al. 2024]. В результате Китай оказывается виноват просто в том, что опередил другие страны в проведении промышленной политики, что не требует комментариев. А когнитивный диссонанс состоит в том, что только Китай может поставить оборудование по приемлемым ценам для реализации мировой климатической политики прямо сейчас, а не когда-то в будущем. Так что антикитайская промышленная политика Запада одновременно пытается не только сдержать его технический прорыв на верхних этажах технологий, массовый экспорт технологичных товаров и экономический рост, но и выгородить тарифами место для своих товаров (хотя это приведет к потере времени в климатической политике).

Триллионы долларов, которые проведенный в Дубае в декабре 2023 г. COP-28 ждет от мира для предотвращения изменения климата, пока материализуются довольно медленно. Развивающиеся страны только в 2023 г. впервые получили давно

обещанные 100 млрд долл. в год на реализацию этих целей. Выбор между климатом и доходами на данный момент выражен весьма четко. И это вопрос драйверов роста в ближайшие годы, которые текущие торговые войны тормозят. Заметим, что суммарный объем расходов для обеспечения нулевых выбросов к 2050 г. был оценен в докладе McKinsey 2022 г. [McKinsey 2022] в 275 трлн долл., или в 7,5% мирового ВВП за этот период. Эта величина выглядит как реалистическая по своим масштабам и указывает на то, что мировое сообщество еще фактически не взялось за решение климатической проблемы.

Проблема отставания Евросоюза от США и угроза конкуренции со стороны Китая – не новость для науки и СМИ. Заметим негативные тенденции в производительности труда в ЕС [Arse, Sondermann 2024]. Масштабы и риски этой ситуации для ЕС стали очевидны к 2024 г. Соответственно, встает вопрос «что делать». Пожалуй, наиболее развернутыми и красочными являются анализ и рекомендации McKinsey – доклад от 16 января 2024 г. [Giordano et al. 2024]. Из доклада ясно, что Евросоюз сильно отстает от США и нуждается в срочном решении целого ряда проблем с горизонтом на 2030 год. Список поражает своим размахом и радикализмом:

- Резкое увеличение расходов корпораций на инновации;
- 2–3-кратное снижение цен на электроэнергию и газ;
- Увеличение капиталовложений на 400 млрд евро и на 200 млрд в новые проекты ВИЭ;
- Двукратное увеличение размера европейских фирм;
- Переобучение 18 млн рабочих и автоматизация в промышленности;
- Изменение цепей поставок с большей независимостью импорта;
- Государственное регулирование и сильная промышленная политика.

Сам по себе список вполне адекватный для решения проблемы отставания душевого дохода от США на 27%. Вопрос в том, как 27 стран могут найти средства и обеспечить организацию для всего этого пакета, ведь ЕС – это не Китай с точки зрения координации промышленной политики.

Вопрос смягчения изменения климата имеет несколько связанных между собой аспектов. Прежде всего, инвестиционные вложения в ВИЭ направлены на прирост мощностей энергетики под рост потребностей в энергии, особенно в развивающихся странах. Это сокращает потенциальные выбросы, но не всегда фактические. Например, рост доли ВИЭ в топливно-энергетическом балансе Германии в недавние годы заместил выбытие атомной энергии, а доля угля почти сохранилась. В развитых странах во многих случаях ввод ВИЭ представляет собой замещение традиционных мощностей – расходы без увеличения потребления энергии для производства товаров или услуг. Это неизбежно на данном этапе энергоперехода, но оставляет открытым вопрос о скорости замещения и о росте спроса на первичную энергию. На данный момент наивные представления 2020 г. о быстром исчезновении угля, нефти и даже природного газа из энергобалансов уже «остыли». Сохранение климата планеты реально только при огромных затратах, фокусе на развивающиеся страны, координации логистики, инвестиций, производства соответствующего оборудования и кооперации ведущих держав. Каждый шаг к усилению геополитической напряженности, по сути дела, нагревает планету.

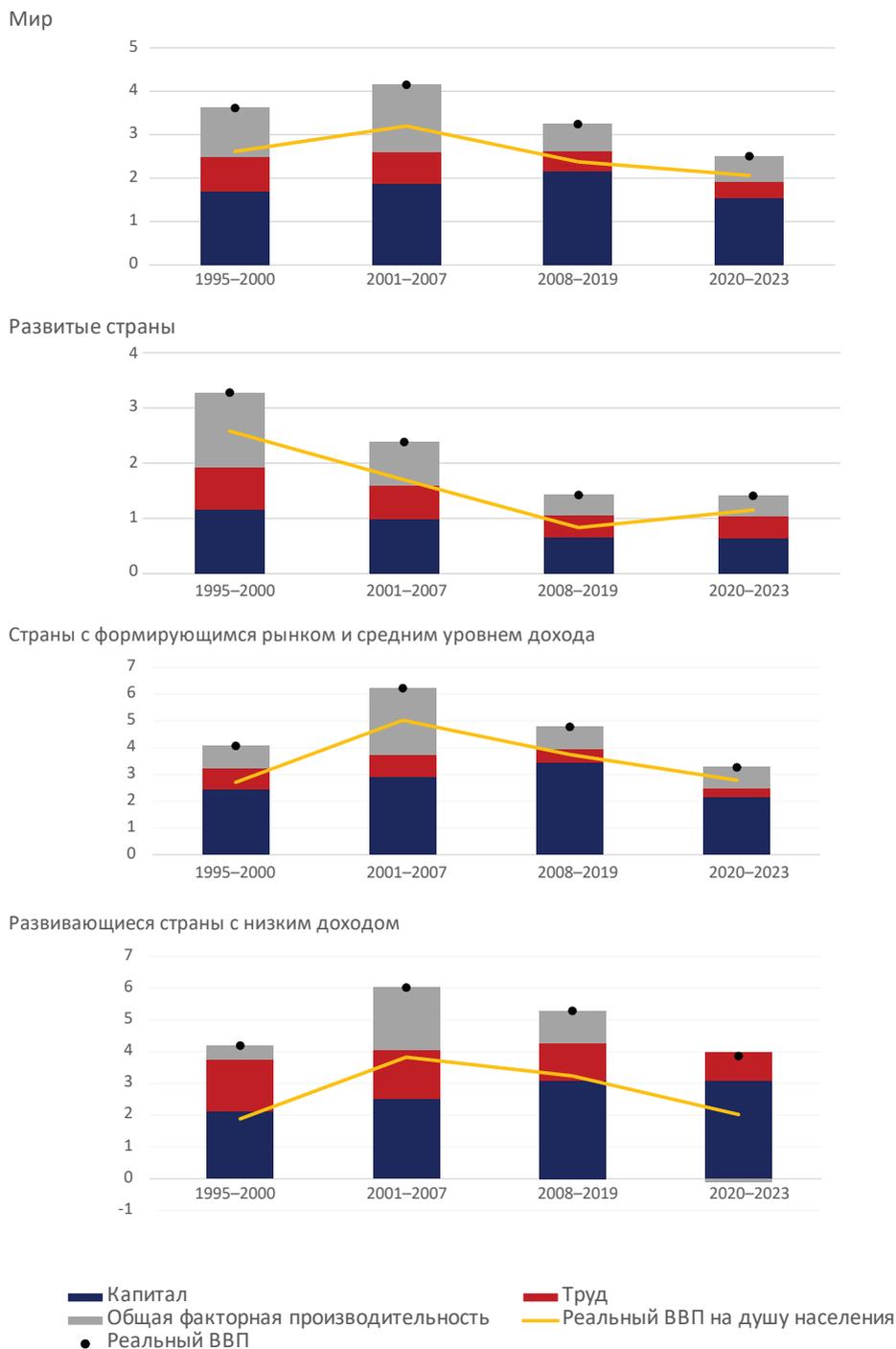
Энергетический прогноз мира российских авторов Кулагина и др. (2024) показывает три сценария развития энергетики мира при отсутствии массированных вложений в климатические программы. Во всех вариантах сохраняется значительное потребление нефти и газа, прежде всего за счет роста спроса развивающихся стран. Доклад Международного экономического форума приходит к следующему выводу: «Для обеспечения достаточных поставок к 2030 г. ежегодные инвестиции в добычу должны увеличиться на 135 млрд долл. до 738 млрд долл. Эта оценка на 2030 г. на 15% выше, чем мы прогнозировали год назад, и на 41% выше, чем прогнозировалось два года назад, главным образом из-за роста затрат и более сильного прогноза спроса. В период с 2025 по 2030 г. в общей сложности потребуется 4,3 трлн долл. США, даже несмотря на то, что рост спроса замедлится и приблизится к плато» [IEF 2024, Р. 4]. Практически это означает, что вложения в ВИЭ даже в весьма значительных масштабах не происходят путем простой переориентации финансовых потоков от нефтегазовых компаний — наблюдается и предстоит в будущем более сложный и длительный процесс. С точки зрения экономического подъема мы видим, что традиционные энергетические отрасли продолжают оперировать в масштабах, поддерживающих подъем, но не генерирующих масштабный бум. При этом они конкурируют за финансирование с зеленой энергетикой.

Совокупность структурных сдвигов обычно играет роль двигателя подъема в традиционных деловых циклах вместе с дешевизной кредита, энергии и рабочей силы. В современном случае в этой роли призваны выступить энергоклиматические программы, и они предназначены, чтобы замещать традиционные энергопотребности и экономить энергию, но одновременно обеспечивать растущие потребительские потребности мира. Производство энергосберегающего и «зеленого» оборудования — это, безусловно, стимулирующий фактор. Но снижение вложений в традиционные мощности и недостаточно высокие инвестиции в энергетику развивающихся стран заставляют задуматься о кумулятивном эффекте. Достижение Целей устойчивого развития к 2030 г. выглядит маловероятным. Циклические факторы сами по себе выглядят вяло: энергия по-прежнему недешевая. Ставки процента остаются высокими для борьбы с инфляцией, которую пытаются задавить до уровня 2010–2019 гг.

Социальные проблемы в ближайшие годы будут обостряться — в частности, шахтеров придется трудоустроить в рамках любой радикальной программы сокращения угольной добычи при сжатии потребления. Будет усиливаться конкуренция между бедными в своих развитых странах и в «чужих» — развивающихся. Военные расходы будут расти, раз вступив на спираль эскалации. И будут продолжаться поиски решений и финансовых средств для дорогостоящих задач ближайших лет:

- финансирование развития беднейших стран;
- финансирование климатических программ;
- финансирование социального выравнивания в ЕС и США;
- финансирование стареющей физической инфраструктуры в развитых странах;
- финансирование растущих военных расходов;
- финансирование национальных и региональных программ в развитых странах в связи с регулярными выборами.

Рисунок 5. Вклад компонентов в рост ВВП, 1995–2023 гг. (%)

Примечание: Выборка с разложением роста включает 140 стран

Источник: IMF (2024). World Economic Outlook: Steady but Slow. Resilience amid Divergence. Washington, DC: International Monetary Fund. P. 68

Рисунок 5 (с. 41) показывает важный аспект глобального развития последних полутора десятилетий — снижение роли вложений реального капитала в экономическом росте развитых стран. Страны с развивающимися рынками и средним уровнем развития, особенно Китай, были драйвером экономического роста мира — во многом за счет отдачи от капиталовложений. Представленная картина ставит вопрос о важной роли этой группы стран и в будущем. Поддержка стран с низким уровнем дохода потребует в части стимулирования роста общей факторной производительности, динамика которой в последние четыре года остается на нуле. Наблюдаемый двухпроцентный прирост ВВП на душу населения у этой группы стран означает очень медленное подтягивание к более развитым странам.

В прогнозах стали появляться варианты, учитывающие положительные эффекты искусственного интеллекта. В целом мы с интересом ждем увеличения качества медицинского обслуживания, диагностирования и индивидуализированного обслуживания, хотя это касается только развитых стран. Процесс только начинается, наверняка он берет расходы — и на изобретение, и на расширение применения. Но пока это ранняя стадия развития отрасли и распространения нового вида услуг. На горизонте 2024–2026 гг. не похоже, как ИИ мог бы переменить направление экономической динамики в среднесрочном периоде.

Заключение: стакан то ли наполовину полон оптимизмом — наполовину пессимизмом, то ли наоборот!

Формирование сложного и не слишком благоприятного режима социально-экономического развития в мире к началу 2024 г. стало осознаваться большинством политических деятелей и аналитиков. Выход из спада в неровный нервный подъем оставляет наблюдателей с невеселым выбором между осторожным среднесрочным оптимизмом или пессимизмом в зависимости от страны, профессии или политической установки. Можно опереться на предложенные главой МВФ К. Георгиевой три возможных пути развития мира в 2020-х гг.: «Избрание правильного выбора политики определит будущее мировой экономики. Это определит, как это десятилетие запомнят:

- войдет ли оно в историю как “турбулентные двадцатые” — время раздора и расхождения в экономическом успехе;
- “трудные двадцатые” — время медленного роста и народного недовольства;
- или “трансформационные двадцатые” — время быстрого технологического прогресса во благо человечества» [IMF 2024].

Наша работа, как нам представляется, указывает на то, что мировая экономика находится в состоянии «турбулентности», и глобальные акторы осознают это и с трудом пытаются выйти из него. Пока в лучшем случае она переходит в «невеселое» состояние. Надежда К. Георгиевой на «трансформационный» путь выглядит очень отдаленной, тем более что она говорит только о технологическом счастье. Международные финансовые институты никогда не дают плохие прогнозы — только рекомендуют выбор хорошей политики. Но сегодня речь должна идти не

только и не столько о быстрых технологических достижениях, которые понемногу реализуются для состоятельных как развитого, так и развивающегося мира. Проблема очевидно в социальной и геополитической стабильности и координации усилий мирового сообщества, в снятии геополитических препятствий для решения глобальных проблем.

Библиография

Григорьев Л.М. Влияние шоков 2020–2023 годов на деловой цикл // Современная мировая экономика. 2023. №1. С. 8–32.

Григорьев Л., Иващенко А. Мировые дисбалансы сбережений и инвестиций // Вопросы экономики. 2011. № 6. С. 4–19.

Григорьев Л.М., Жаронкина Д.В., Майхрович М.-Я. Я., Хейфец Е.А. Механизм смены режимов мировой инфляции: 2012–2023 гг. // Вестник Московского университета. 2024. Серия 6. Экономика. 59(1). С. 72–95.

Григорьев Л.М., Жаронкина Д.В. Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 1. С. 176–200.

Григорьев Л.М., Майхрович М.-Я. Я. Теории роста и реалии последних десятилетий (Вопросы социокультурных кодов — к расширению исследовательской программы) // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 18–42.

Григорьев Л.М., Курдин А.А., Макаров И.А. (ред.). Мировая экономика в период больших потрясений. М.: ИНФРА-М, 2022.

Истерли В. Приключения и злоключения экономистов в тропиках. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006.

Морозкина А.К. Официальная помощь развитию: тенденция последнего десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 86–92.

Arse Ó., Sondermann D. Low for long? Reasons for the recent decline in productivity // The ECB 6 May 2024. Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu/press/blog/date/2024/html/ecb.blog20240506~f9c0c49ff7.en.html>

Bobylev S., Grigoryev L. M. In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS // BRICS Journal of Economics. 2020. No. 2. P. 4–24.

Bolhuis M.A., Chen J., Kett B. The costs of geoeconomic fragmentation: Disruption in trade threatens losses to global living standards as severe as those from COVID-19 // International Monetary Fund. 2023. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2023/06/the-costs-of-geoeconomic-fragmentation-bolhuis-chen-kett>

Carr E. Europe's economy faces a triple shock // The Economist. 2024. Режим доступа: <https://www.economist.com/leaders/2024/03/27/the-triple-shock-facing-europes-economy>

Cohen P., Bradsher K., Tankersley J. How China Pulled So Far Ahead on Industrial Policy // The New York Times. 2024. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2024/05/27/business/economy/china-us-tariffs.html>

Giordano M., Hieronimus, Smit S., Chevasnerie M.A., Mischke J., Koulouridi E., Dagorret G., Brunetti N. Accelerating Europe: competitiveness for a new era? // McKinsey Global Institute. 2024. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/accelerating-europe-competitiveness-for-a-new-era>

Grigoryev L.M., Medzhidova D.D. Global Energy Trilemma // Russian Journal of Economics. 2020. No. 6(4). P. 437–462.

Grigoryev L.M., Zharonkina D.V. China's Capital Formation in the Volatile Time // BRICS Journal of Economics. 2023. Vol. 4. No. 2. P. 4–24.

Hafez C. O., Ghanem Y. E. J., Le Boudier S. The Reform of the Global Financial Architecture: toward a system that delivers for the South // The Policy Center for the New South. 2024. P. 1–35. Режим доступа: <https://www.policycenter.ma/publications/reform-global-financial-architecture-toward-system-delivers-south>

IEF (2024). Upstream Oil and Gas Investment Outlook. International Energy Forum & S&P Global Commodity Insights. Режим доступа: <https://www.ief.org/focus/ief-reports/upstream-oil-and-gas-investment-outlook-2024>

IMF (2023). World Economic Outlook: Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Washington, DC: International Monetary Fund. Режим доступа: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/006/2023/001/article-A001-en.xml>

IMF (2024). World Economic Outlook: Steady but Slow. Resilience amid Divergence. Washington, DC: International Monetary Fund. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/04/16/world-economic-outlook-april-2024>

Immigration is surging, with big economic consequences. The West faces an unprecedented number of new arrivals // The Economist. 2024. Режим доступа: <https://www.economist.comomics.com>

Krishnan M. et al. The net-zero transition. McKinsey & Company. January 2022.

Stiglitz J. Global Elections in the Shadow of Neoliberalism // Project Syndicate. 2024. Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/2024-elections-grappling-with-authoritarian-populism-and-other-legacies-of-neoliberalism-by-joseph-e-stiglitz-2024-04>

United Nations (2023). Global Sustainable Development Report 2023: Times of crisis, times of change: Science for accelerating transformations to sustainable development report. New York: United Nations. Режим доступа: https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-09/FINAL%20GSDR%202023-Digital%20-110923_1.pdf

World Bank (2024). The Great Reversal: Prospects, Risks, and Policies in International Development Association (IDA) Countries. Washington, DC: World Bank. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/research/publication/prospects-risks-and-policies-in-IDA-countries>

Влияние переходных климатических рисков на экспорт регионов России

Соколова Ю.Д.

Соколова Юлия Дмитриевна — инженер-исследователь Лаборатории экономической политики и природных ресурсов, ассистент и аспирант кафедры экономики Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ).

ORCID: 0000-0002-5991-3061

Scopus Author ID: 58172689100

Для цитирования: Соколова Ю.Д. Влияние переходных климатических рисков на экспорт регионов России // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №1(5).

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-1-45-69>

Ключевые слова: экспорт, глобальный энергетический переход, переходные климатические риски, возобновляемая энергетика, регионы России.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Аннотация

В условиях исключительного внимания государства к вопросам развития экспорта на первый план выходит изучение детерминант осуществления экспортных операций регионов России. Экспортирующие компании сталкиваются с такими ограничивающими факторами, как технологическая отсталость, несоответствие качества товаров международному спросу, сложность таможенных процедур. В условиях современной климатической повестки выделяется новый тип экономических рисков для экспортеров — переходные климатические риски. Данная группа рисков формируется как результат намерений государств достичь климатических целей, заявленных в рамках Парижского соглашения, и перейти на рельсы низкоуглеродного развития. Переходные риски для экспортеров могут проявляться в виде торговых ограничений, экологических требований к товарам, стремления стран-импортеров заменить более углеродоемкую

экспортируемую продукцию. Оценка развития экспорта российских регионов в условиях переходных климатических рисков — нетривиальная задача. Глобальный энергетический переход может генерировать как риски, так и возможности для экспорта России. Целью данного исследования выступает моделирование влияния переходных климатических рисков на динамику объемов экспорта российских регионов на основе данных за период 2013–2021 гг. с применением расширенной гравитационной модели международной торговли. Исследование имеет две отличительные особенности: проводится комплексный анализ, представляющий три типа переходных климатических рисков: распространение углеродного регулирования, развитие альтернативной энергетики и электрификация транспорта. Выявляются региональные факторы, определяющие знак влияния каждого из них на объемы экспорта. Исследование выявило, что влияние переходных климатических рисков на экспортные показатели российских регионов различно. Во-первых, углеродное регулирование торговых партнеров создает риски для многих регионов России, но способствует увеличению экспорта из регионов с наиболее благоприятными социально-экономическими условиями для инновационной деятельности и активной региональной климатической политикой. Во-вторых, производство альтернативных источников энергии в странах-партнерах снижает зависимость от российского импорта энергоносителей, что ставит под угрозу устойчивость экономик регионов, специализирующихся на добыче традиционных энергоресурсов. При этом регионы России, богатые полезными ископаемыми, вносят существенный вклад в глобальные тенденции энергетического перехода как поставщики критически важных минеральных ресурсов и увеличивают свой экспорт.

Введение

Развитие экспорта — одна из актуальных задач российской экономики: в 2018 году был объявлен грандиозный проект «Международная кооперация и экспорт», предполагающий существенное увеличение объемов экспорта к 2030 г.¹ Известно, что интенсификация экспортной деятельности страны связана с укреплением позиций экономики на международной арене за счет выстраивания долгосрочных отношений и предоставления уникальной продукции на внешний рынок. Кроме того, экспортная деятельность способствует росту национальной экономики за счет расширения производства, повышения производительности труда, создания новых рабочих мест, а также притока и перераспределения бюджетных средств и иностранной валюты [Kadochnikov and Fedyunina 2013; Islam et al. 2022; Федюнина

¹ Как господдержка помогает экспортерам преодолевать границы и барьеры // <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2023/10/19/1000547-gospodderzhka-pomogaet-eksporteram> (дата обращения: декабрь 2023).

и соавторы 2023]. Таким образом, в контексте продолжающихся кризисных явлений экономики России на первый план выходит изучение возможных факторов, определяющих развитие экспорта в российских регионах.

Российские экспортеры и компании, планирующие выход на международные рынки, сталкиваются с рядом внутренних и внешних ограничивающих факторов. В группу внутренних ограничивающих факторов попадают высокие издержки производства, технологическая отсталость, ограниченный ассортимент, несоответствие качества товаров международному спросу, сложность национальных таможенных процедур, неэффективная национальная торговая политика и неблагоприятная институциональная среда². В свою очередь, список внешних сдерживающих факторов включает в себя требования принимающих рынков, торговые ограничения и геополитические риски [Volchkova 2013; Глазатова и Данильцев 2020]. Вышеперечисленные факторы являются широко изученными в литературе, и стратегии по их преодолению отчасти интегрированы в стратегии развития экспорта.

Глобальная климатическая повестка и процесс энергетического перехода также могут быть отнесены к международным вызовам, с которыми сталкиваются российские компании при осуществлении экспорта. Так, намерения стран достичь целей Парижского соглашения порождают новый вид экономических рисков — *переходные климатические риски*. Основное отличие переходных климатических рисков от физических заключается в том, что финансовые потери компаний возникают не в результате изменения климата, а в результате действий государственного и частного секторов, направленных на сдерживание этих изменений.

Актуальность переходных климатических рисков для экспортеров, особенно тех стран, которые не приспособились к новой низкоуглеродной парадигме, продиктована следующими фактами. Во-первых, экспортные потоки могут стать предметом регулирования в силу особенностей системы учета выбросов парниковых газов, которая не предполагает разграничения ответственности между производителями и потребителями, экспортерами и импортерами — страны предпочитают перекладывать ответственность именно на экспортеров, так как они выступают непосредственными эмитентами парниковых газов [Макаров и Соколова 2014]. Во-вторых, международное сообщество считает, что решение проблемы глобального изменения климата невозможно без вовлечения всех стран мира в климатическую повестку путем всеобъемлющего распространения углеродного регулирования и унификации стандартов. В силу того, что на современном этапе внедрение единого механизма глобального регулирования затруднено, способом активации национальной климатической политики каждой страны выступает использование торговых инструментов углеродного регулирования [Nordhaus 2015]. В-третьих, использование торговых механизмов в целях достижения углеродной нейтральности также оправдывается тем, что отсутствие национального климатического

² Что мешает российскому экспорту: результаты опроса предприятий (аналитическая записка) // https://cbr.ru/StaticHtml/File/120062/analytic_note_apr21_dip.pdf (дата обращения: декабрь 2023); Экспортеры запутались во внутренних проблемах // <https://www.kommersant.ru/doc/4763204> (дата обращения: декабрь 2023).

регулирующего служит способом сохранения конкурентных преимуществ на международном рынке — предполагается, что экспортеры государств со слабым климатическим регулированием не несут дополнительных затрат, связанных с защитой окружающей среды, и способны сохранять цены на низком уровне [Макаров и Шуранова 2023]. Иными словами, получает распространение феномен «экологического протекционизма» или «беневолежного протекционизма» [Кутырев и соавторы 2021; Макаров 2023].

Принимая во внимание структуру экспортных поставок и особенности национального климатического регулирования, для российских экспортеров переходные климатические риски складываются из трех ключевых составляющих: углеродное регулирование, развитие альтернативной энергетики и электрификация транспорта. Так, углеродное регулирование проявляется в виде торговых барьеров, которые частично или полностью ограничивают экспортные потоки, а также требований к российской продукции, что напрямую влияет на способность товаров конкурировать на международных рынках [Широв и Колпаков 2016; Порфирьев и соавторы 2020]. Развитие возобновляемой энергетики и переход на использование электрических автомобилей, в свою очередь, воздействуют на востребованность российской традиционной энергии, которая составляет львиную долю экспорта страны [Саенко и Колпаков 2021; Albert 2021]. С другой стороны, современная литература указывает на тот факт, что глобальный энергетический переход открывает новые возможности для роста экспорта стран, богатых минеральными ресурсами³. Известно, что без редкоземельных элементов и цветных металлов невозможно производство мощностей возобновляемой энергетики (например, солнечных батарей или ветрогенераторов) [Elshkaki et al. 2016; Valero et al. 2018; Islam et al. 2022; Islam and Sohag 2023; Andersen et al. 2024; Harpprecht et al. 2024]. Россия приобретает большое значение для глобального энергетического перехода, поскольку является крупнейшим производителем кобальта, никеля, лития, иридия, палладия, платины, цинка, меди и урана. Принимая во внимание ресурсный потенциал России в данном контексте, ряд регионов могут в значительной степени увеличить экспорт [Чупина 2022].

Со времен подписания Парижского соглашения начала проявляться уязвимость российской экономики и экспорта перед глобальным энергетическим переходом, что обусловлено значительной долей топливно-энергетического сектора в ВВП и высоким углеродным следом экспорта [Makarov et al. 2020]. Однако после политических событий февраля 2022 г. наблюдается существенная интенсификация переходных климатических рисков для российской экономики — западные государства в ускоренном режиме реализуют планы по ограничению углеродоемкого экспорта России и снижению зависимости от импорта российских энергоносителей⁴.

³ Minerals for Climate Action: the Mineral Intensity of the Clean Energy Transition // <https://elperiodicodelaenergia.com/wp-content/uploads/2020/05/20200510-WORLD-BANK-GROUP-Rprrt-MineralsforClimateAction-Transition.pdf> (дата обращения: декабрь 2023).

⁴ Евросоюз полностью прекратил закупки российского угля // <https://www.rbc.ru/politics/10/08/2022/62e229b39a794791f3187fe3> (дата обращения: декабрь 2023); Евросоюз одобрил план по сокращению зависимости от российских энергоносителей // <https://www.kommersant.ru/doc/5356577> (дата обращения: декабрь 2023); Углеродный налог и ныне тут // <https://www.kommersant.ru/doc/6097901> (дата обращения: декабрь 2023).

Насущность переходных климатических рисков для российского экспорта также подкрепляется тем фактом, что перенаправление экспортных потоков из недружественных государств в дружественные не позволит полностью минимизировать подобного рода риски. Во-первых, в дружественных государствах наблюдается активация климатической политики и внедрение инструментов углеродного регулирования (яркий пример Китая, Казахстана, Турции)⁵ [Макаров и Шуранова 2023]. Во-вторых, заключение экспортных контрактов, например на поставку российской энергии, может быть затруднено из-за отсутствия необходимой инфраструктуры. В-третьих, рынки дружественных государств являются менее емкими и на их платежеспособность может повлиять выдвигание санкций со стороны западных государств. В-четвертых, расчет выбросов вдоль всей цепочки добавленной стоимости заставляет непосредственных покупателей российских товаров предъявлять требования к их углеродному следу, если они собираются выходить на глобальные рынки со своей продукцией.

Таким образом, в современной геополитической обстановке остро встает вопрос эффективного управления экспортной деятельностью российских регионов с учетом переходных климатических рисков. Цель данного исследования состоит в том, чтобы с помощью эконометрического инструментария изучить влияние различных аспектов переходных климатических рисков на объемы экспорта регионов России. Кроме того, работа нацелена на то, чтобы пролить свет на региональные характеристики, определяющие знак влияния глобального энергетического перехода на результативность экспорта.

При решении поставленных задач, во-первых, исследование рассматривает три группы переменных, касающихся глобального энергетического перехода: строгость экологического регулирования (прокси переменная для углеродного регулирования), производство альтернативной энергии и готовность стран к энергопереходу. Во-вторых, поскольку региональные характеристики могут предположительно влиять на последствия глобального энергетического перехода для территорий, мы делим российские регионы на подвыборки в зависимости от обеспеченности полезными ископаемыми, индекса социально-экономических условий инновационной деятельности и индекса открытости региона к «Зеленому курсу».

Насколько известно, комплексная взаимосвязь между глобальным энергетическим переходом и показателями экспорта для российских регионов ранее подробно не рассматривалась. Работа восполняет данный пробел и дополняет существующие работы, исследуя взаимосвязь с помощью гравитационной модели международной торговли и оценивая ее методом FE PPML на основе данных по регионам и странам-партнерам за период 2013–2021 гг. Кроме того, если в предыдущих исследованиях выводы по экспорту российской экономики, как правило, носят обобщенный характер, то данное исследование фокусируется на неоднородности влияния рисков переходного периода на объемы экспорта, разделяя регионы на подвыборки.

⁵ Carbon Pricing Dashboard // <https://carbonpricingdashboard.worldbank.org/> (дата обращения: декабрь 2023).

Основная часть данной статьи состоит из четырех разделов: в первом обсуждается понятие переходных климатических рисков; во втором разделе представлен обзор развития экономики и экспорта России в условиях глобального энергетического перехода; в третьем разделе формулируется эмпирическая модель исследования; в четвертом разделе анализируются полученные эмпирические результаты. Далее следует заключение.

1. Переходные климатические риски: классификация и влияние на внешнеэкономическую деятельность

Понятие климатических рисков получило распространение на международном уровне в период 2017–2019 гг. благодаря проекту «Task Force on Climate Related Financial Disclosures (TCFD)», инициированному Группой двадцати⁶.

Риски, связанные с окружающей средой, делятся на две группы: экологические и климатические (см. рисунок 1 на с. 50). Экологические риски подразумевают последствия деградации окружающей среды, истощения природных ресурсов, увеличения выбросов загрязняющих веществ, сокращения биоразнообразия, неэффективного обращения с отходами, тогда как климатические риски обозначают убытки от изменения климата и мер государств, направленных на его смягчение.

Рисунок 1. Классификация климатических рисков

Источник: составлено автором по Task Force on Climate-related Financial Disclosures (URL: <https://www.fsb-tcf.org/>, дата обращения: декабрь 2023), Банк России (URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/143643/Consultation_Paper_21122022.pdf, дата обращения: декабрь 2023).

⁶ Task Force on Climate-related Financial Disclosures // <https://www.fsb-tcf.org/> (дата обращения: декабрь 2023).

Рисунок 2. Каналы влияния климатических рисков на спрос и предложение

Источник: составлено автором по Task Force on Climate-related Financial Disclosures (URL:<https://www.fsb-tcfd.org/>, дата обращения: декабрь 2023), Банк России (URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/143643/Consultation_Paper_21122022.pdf, дата обращения: декабрь 2023).

Традиционное проявление климатических рисков – это физические климатические риски, которые могут быть результатом внезапных экстремальных климатических условий (экстренные риски) или долгосрочных изменений климатической системы (систематические риски). Отличительная особенность физических климатических рисков – непосредственное влияние на физические активы компаний и государства, а также качество жизни населения [Weezel 2020; Buhaug et al. 2023].

Относительно новой группой климатических рисков выступают финансовые климатические риски, ассоциирующиеся с намерениями общества и властей по смягчению изменения климатической системы Земли. Данные риски могут проявляться, например, в виде выдвижения исков и штрафов в сторону компаний, которые не предпринимают активных мер по достижению углеродной нейтральности (риски климатической ответственности), или «бойкотирования» фирм, которые осуществляют большой объем выбросов парниковых газов, со стороны государства, инвесторов и общественности (репутационные климатические риски), или необходимости нести дополнительные издержки, связанные с ужесточением национального климатического регулирования (регулятивные климатические риски) [Sanderson and Stridsland 2022].

Отдельного внимания заслуживает группа переходных климатических рисков, которая неразрывно связана с планами государств по переходу на рельсы низкоуглеродного развития путем активного производства альтернативных источников энергии и ограничения потребления традиционных энергоресурсов, как в национальном, так и в мировом контексте, интеграции «зеленых» технологий в ежедневную практику предприятий (особенно через механизмы климатического регулирования и государственной поддержки производителей), смещения предпочтений в сторону электрического транспорта [Dunz et al. 2021; Ozturk et al. 2022]. Переходным рискам в наибольшей степени подвержены страны, отрасли и предприятия, чья деятельность связана с ископаемым топливом или «грязным» производством.

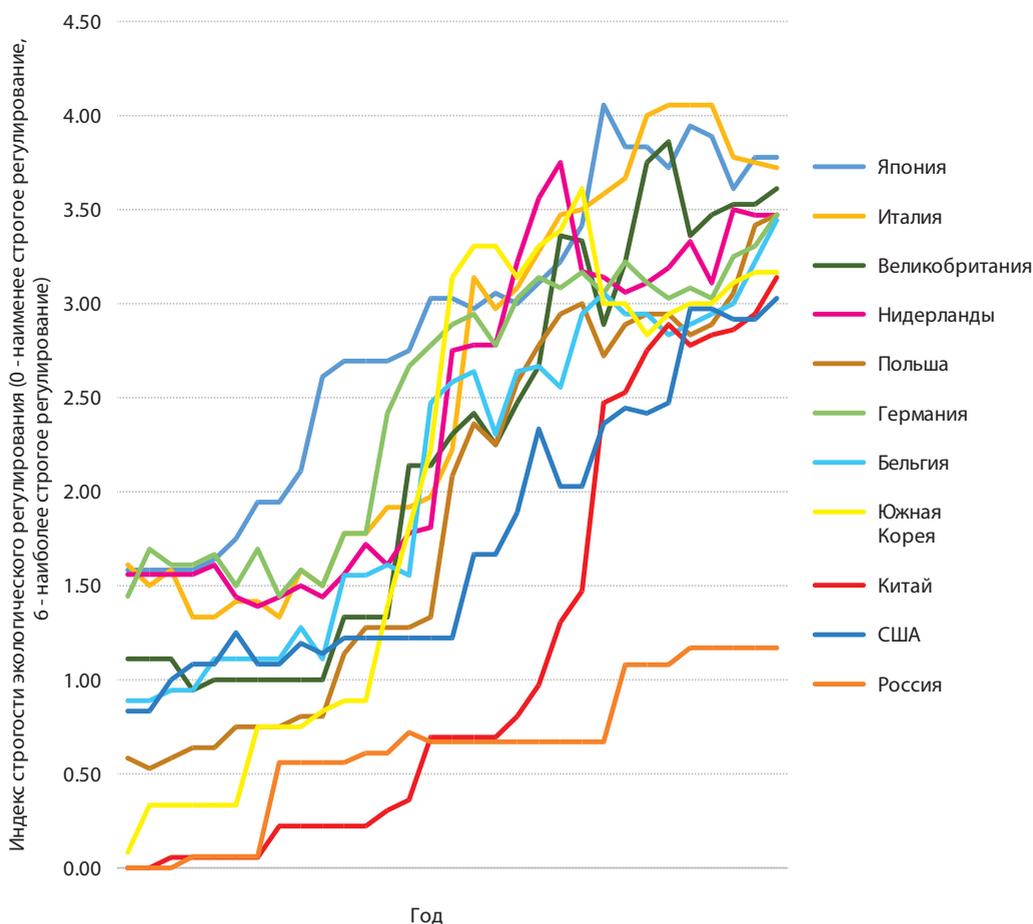
Влияние климатических рисков на внешнеэкономическую деятельность эффективно анализировать в разрезе воздействия данных рисков на спрос и предложение (см. рисунок 2 на с. 51). Негативное воздействие на экспорт возможно из-за сокращения экспортного потенциала страны, движимого увеличением затрат, ростом цен на промежуточные товары, дезорганизацией бизнес-процессов и снижением спроса принимающих рынков, логистических проблем и появления торговых барьеров [Sheng et al. 2022; Carattini et al. 2023]. Положительное влияние на экспорт возможно за счет увеличения производительности (гипотеза М. Портера), усиления спроса стран-импортеров, продиктованного восстановлением материальных потерь, диверсификации экспорта [Porter 1995; Gong et al. 2020; Wang et al. 2021; Chen et al. 2022; Hamaguchi 2023; Yu and Zheng 2024].

2. Экспорт России и регионов в условиях переходных климатических рисков: ограничения и возможности

Оценка экспортных возможностей российских регионов в условиях переходных климатических рисков – нетривиальная задача. Во-первых, Россия является одним из мировых лидеров по объему ежегодных выбросов CO₂. До 20% выбросов в стране приходится на производство экспортных товаров. В географической структуре российского экспорта CO₂ преобладают группы стран с активной экологической позицией и климатической политикой: страны Группы двадцати, ОЭСР, Европейского союза (см. рисунок 3 на с. 53). В России же национальная климатическая политика в значительной степени «отстает», поэтому торговые партнеры могут быть нацелены на активизацию усилий России по достижению глобальных климатических целей, в том числе через торговые механизмы углеродного регулирования [Макаров и Степанов 2017].

Принимая во внимание товарную и географическую структуру экспорта, уязвимость экспорта российских регионов перед углеродным регулированием стран – торговых партнеров можно определить следующим образом – рисунок 4 (с. 54). В то же время, согласно гипотезе М. Портера, торговые барьеры и требования могут стать стимулом для развития экспорта регионов России, особенно тех, что специализируются на производстве экологически чувствительной продукции.

Рисунок 3. Динамика индекса строгости экологического регулирования стран — торговых партнеров России в 1990–2020 гг.

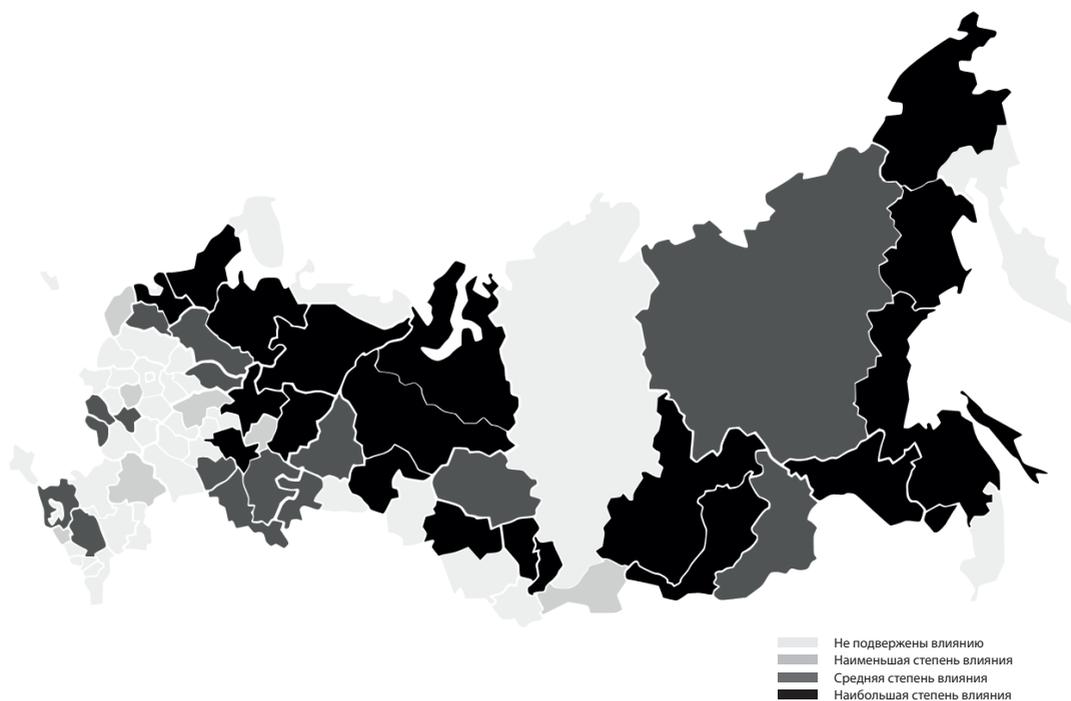

Источник: составлено автором на основе OECDstat (URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EPS>, дата обращения: декабрь 2023).

Во-вторых, в 2021 г. Россия была третьим по величине экспортером ископаемого топлива с долей рынка 8,3%. На протяжении последних двух десятилетий наибольшая доля в географической структуре российского энергетического экспорта приходится на развитые страны. Высокая зависимость от российского импорта энергоносителей вызывала обеспокоенность у правительств многих из них (см. рисунок 5 на с. 55). Существующие намерения политиков отказаться от российского импорта обусловлены стремлением к уровню нулевых выбросов, экстремальными экономическими условиями, такими как потрясения на рынках нефти и газа или кризис COVID-19, а также геополитическими причинами, которые вышли на первый план в 2022 г. [Perdana et al. 2022; Arndt 2023; Crowley-Vigneau et al. 2023; Cheliev et al. 2024; Shang et al. 2024]. Развитие альтернативной энергетики рассматривается как эффективный инструмент снижения зависимости от импорта рос-

сийских энергоносителей. Поэтому глобальный процесс энергетического перехода представляет собой риски для экспорта тех регионов, которые специализируются на производстве ископаемого топлива [Sokhanvar and Sohag 2022].

Рисунок 4. Уязвимость регионов России к климатическому регулированию стран — торговых партнеров: статистический анализ товарной и географической структуры экспорта субъектов

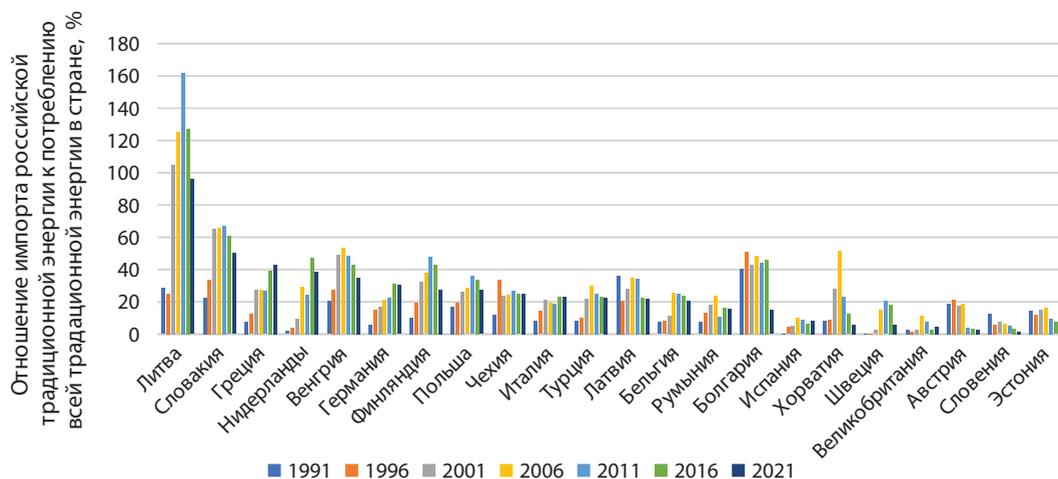

Примечание: рисунок был построен следующим образом. Во-первых, определив экологически «чувствительные» экспортные отрасли и проанализировав товарную структуру экспорта регионов России в 2013–2020 гг., были выделены три группы регионов: регионы с абсолютной доминанцией «чувствительных» отраслей, субъекты, где доля находится в среднем диапазоне, и те, где доля минимальна. Оказалось, что по анализу структуры экспорта для 37 регионов экологическая повестка не является вызовом. В оставшиеся группы вошли по 22 региона. В «красной зоне» оказались те регионы, чей экспорт не диверсифицирован и представлен топливом, черными, цветными металлами. Во-вторых, на 44 «чувствительных» региона наложим дополнительный критерий – доля торговых партнеров со «строгой» экологической политикой и получим три группы. Наблюдаем, что в наиболее уязвимом положении оказались 20 регионов России – они поставляют экологически «небезопасную» продукцию в страны, активно внедряющие экологические меры. Отсюда делаем вывод, что для 38 регионов России экологическая повестка может быть вызовом и ограничивающим экспорт фактором.

Карта России показана в границах на сентябрь 2022 г.

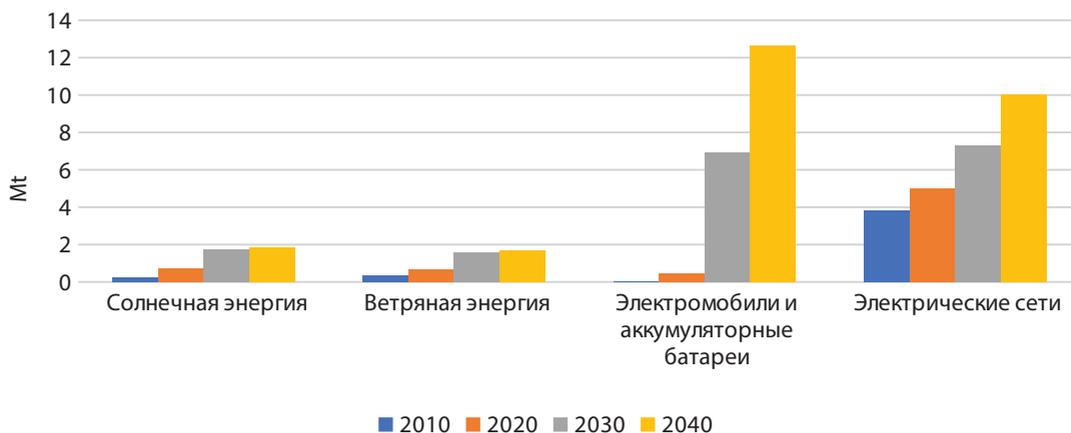
Источник: составлено автором на основе Таможенной статистики федеральных округов РФ (URL:<https://customs.gov.ru/structure/regional>, дата обращения: декабрь 2023).

Рисунок 5. Зависимость стран — торговых партнеров от импорта российской традиционной энергии в 1991–2021 гг., %

Источник: составлено автором на основе International Energy Agency (IEA) (URL: <https://www.iea.org/reports/national-reliance-on-russian-fossil-fuel-imports/which-countries-are-most-reliant-on-russian-energy>, дата обращения: декабрь 2023).

Рисунок 6. Динамика спроса на минеральное сырье для производства технологий чистой энергии в 2010–2040 гг.

Источник: составлено автором по IEA (URL: <https://www.iea.org/reports/the-role-of-critical-minerals-in-clean-energy-transitions/mineral-requirements-for-clean-energy-transitions>, дата обращения: декабрь 2023).

В-третьих, в то время как экспортеры энергоресурсов находятся в зоне риска, глобальный энергетический переход открывает новые возможности роста для

производителей минерального сырья в российских регионах. Такие минеральные ресурсы, как кобальт, никель, литий, иридий, палладий, платина, цинк, медь и уран, представленные в российских регионах, являются востребованными в контексте производства мощностей альтернативной энергетики в странах – торговых партнерах (см. рисунок 6 на с. 55). Таким образом, учитывая ресурсный потенциал России, ряд регионов могут внести значительный вклад в глобальные тенденции энергетического перехода и увеличить свой экспорт [Cherepovitsyn and Solovyova 2022; Чупина 2022; Cherepovitsyn et al. 2023].

Суммировать детерминанты переходных климатических рисков для экспорта российских регионов можно следующим образом – рисунок 7 (с. 56).

Рисунок 7. Детерминанты переходных климатических рисков для российских экспортеров

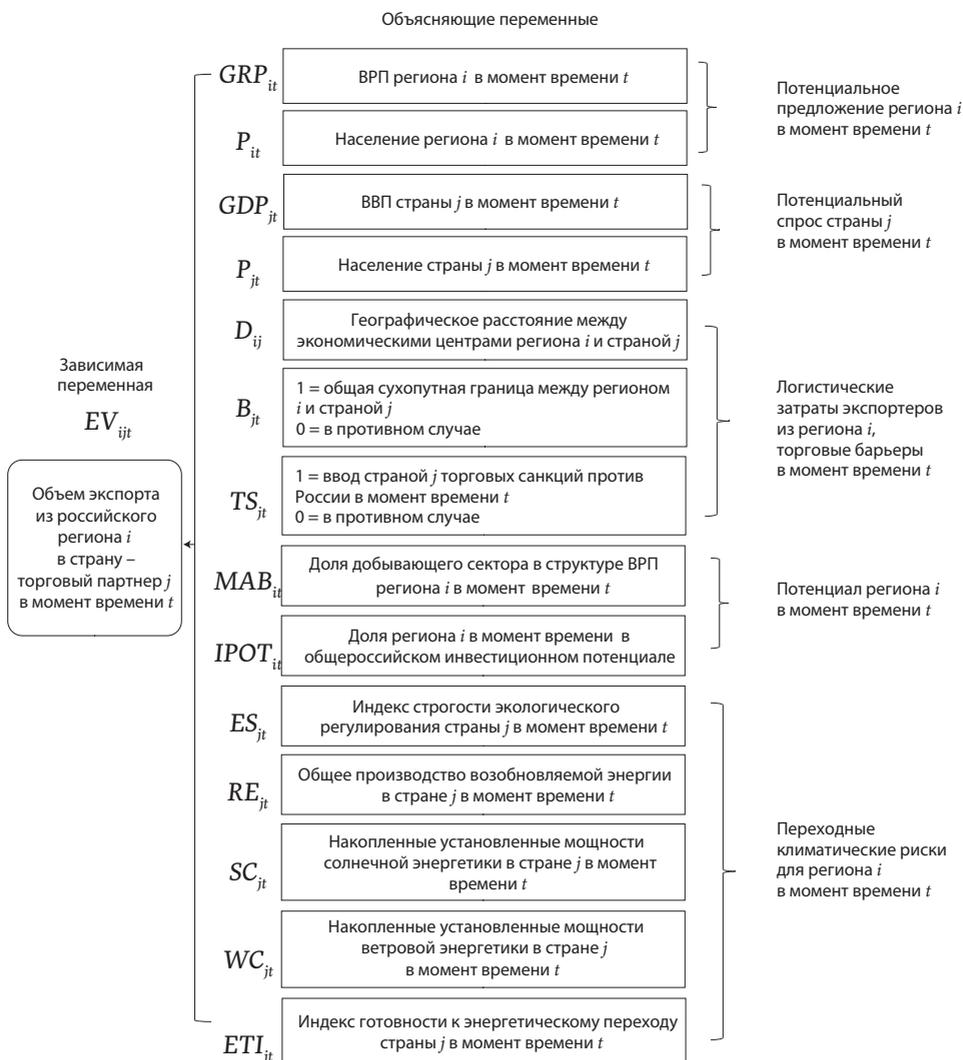

Источник: составлено автором.

3. Методология исследования

Работа получает ответ на исследовательский вопрос о влиянии переходных климатических рисков на экспорт российских регионов при помощи инструментов эконометрического моделирования. Теоретической основой исследования выступает гравитационная модель международной торговли. Для целей исследования традиционное гравитационное уравнение модифицируется следующим образом – рисунок 8 (с. 57).

Рисунок 8. Эмпирическая модель

Примечание: $i = 1, \dots, 84$ (российские регионы-экспортеры), $j = 1, \dots, 204$ (страны – иностранные торговые партнеры), $t = 2013, \dots, 2021$ (период анализа). Источники данных для зависимой и объясняющих переменных: EV_{ijt} (Федеральная таможенная служба: региональные таможенные управления, <https://customs.gov.ru/structure/regional>), GRP_{it} , P_{it} , MAB_{it} (Росстат, <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/>), P_{jt} (WDI, <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POPTOTL?y>), D_{ij} , B_{jt} (расчеты автора на основе Google Maps), TS_{jt} (Syropoulos et al. 2023), $IPOT_{jt}$ (RAEX, https://raex-rr.com/regions/investment_appeal/investment_potential_of_regions/2020/), ES_{jt} (OECDstat, <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EPS>), RE_{jt} (Energy Institute Statistical Review of World Energy, <https://ourworldindata.org/grapher/modern-renewable-prod>), SC_{jt} (IRENA, <https://ourworldindata.org/grapher/installed-solar-pv-capacity?tab=map>), WC_{jt} (IRENA, <https://ourworldindata.org/grapher/cumulative-installed-wind-energy-capacity-gigawatts>), ETI_{jt} (WEF, <https://www.weforum.org/publications/fostering-effective-energy-transition-2023/country-deep-dives-a57a63d0d5/>).

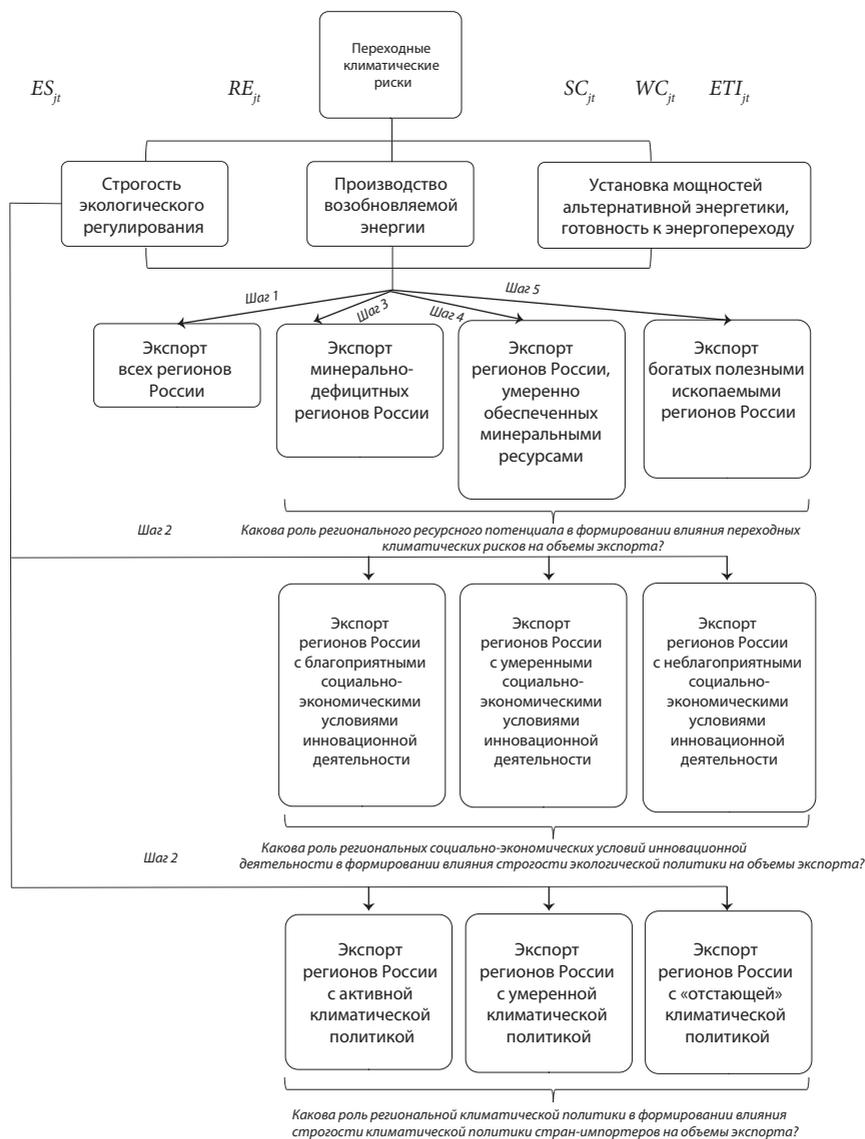
Источник: составлено автором.

В качестве попарной зависимой переменной эмпирической модели рассматриваются экспортные потоки из каждого региона России (84) в каждую страну – торговый партнер (204) за период 2013–2021 гг. Общее количество наблюдений составляет около 155 тыс. Объясняющие переменные представлены пятью блоками, призванными отразить влияние потенциального предложения региона и спроса принимающих рынков, затрат на транспортировку, торговых барьеров и переходных климатических рисков на объемы экспорта. В свою очередь, переходные климатические риски представлены тремя ключевыми составляющими: строгостью экологической политики стран-импортеров (ES_{jt}); производством альтернативной энергии в принимающих экономиках; установленными мощностями альтернативной энергетики (SC_{jt} , WC_{jt}) и индексом готовности к энергетическому переходу (EIT_{jt}) в странах – торговых партнерах. Исследование предполагает, что чем выше индекс строгости экологической политики, тем серьезнее намерения государства ограничить конкурентоспособность стран, не проводящих активную климатическую политику, с помощью торговых барьеров. Объемы производства альтернативной энергии в странах-импортерах отражают возможное сокращение спроса на российскую традиционную энергию. Наконец, глобальный процесс энергетического перехода в значительной степени опирается на использование минерального сырья для производства мощностей альтернативной энергетики и электромобилей, поэтому потенциальный спрос стран-импортеров на минеральные продукты российских регионов представлен с помощью накопленных мощностей альтернативной энергетики и индекса готовности к энергетическому переходу.

Исследование выдвигает гипотезу о том, что влияние переходных климатических рисков различно для регионов России и определяется социально-экономическими характеристиками и особенностями климатической политики субъектов. Именно поэтому анализ проводится по двум ключевым направлениям. Первое направление предполагает оценку влияния каждого компонента переходных климатических рисков на экспорт российских регионов, разделенных по степени обеспеченности полезными ископаемыми. Второе направление анализа предполагает оценку влияния строгости экологического регулирования (одного из компонентов глобального энергетического перехода) на экспортные показатели российских регионов. На этом этапе исследуется роль региональных социально-экономических условий инновационной деятельности и климатической политики в формировании влияния климатического регулирования принимающих рынков на экспортные показатели российских регионов (см. рисунок 9 на с. 59).

Оценка гравитационной модели не является простой задачей. Гравитационная модель имеет ряд эконометрических проблем: нулевые торговые потоки, гетероскедастичность, эндогенность, ненаблюдаемые факторы [Yotov et al. 2016]. Метод пуассоновского псевдомаксимального правдоподобия (PPML) позволяет решить большинство из этих проблем. Метод позволяет включить в модель фиксированные эффекты экспортера и импортера, а также парные эффекты, что дает возможность контролировать влияние ненаблюдаемых факторов. Данный подход оценивает гравитационное уравнение непосредственно из его мультипликативной формы с помощью функции максимального правдоподобия Пуассона. Данный подход также учитывает гетероскедастичность данных [Correia et al. 2019].

Рисунок 9. Методология исследования

Примечание: деление регионов в зависимости от наделенности минеральными ресурсами производится при помощи кластерного анализа (метод k-means) на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/>) о доле добывающего сектора в структуре ВРП региона; деление регионов в зависимости от социально-экономических условий инновационной деятельности производится при помощи кластерного анализа (метод k-means) на основе данных Высшей школы экономики (<https://www.hse.ru/primarydata/rir>) об индексе социально-экономических условий инновационной деятельности; деление регионов в зависимости от степени развитости климатической политики производится на основе данных об индексе открытости российских регионов к «Зеленому курсу» (<https://esg-library.mgimo.ru/publications/reuyting-otkrytosti-regionov-rossii-k-zelyenomu-kursu/>).

Источник: составлено автором.

4. Результаты эмпирического анализа и обсуждение

Связь между переходными климатическими рисками и стоимостью экспорта российских регионов исследуется с помощью гравитационной модели международной торговли, оцененной методом PPML. Результаты для общей подвыборки российских регионов представлены в таблице 1 (с. 60). Основными драйверами развития экспорта российских регионов являются: ВРП региона, ВВП торгового партнера, наличие общей сухопутной границы между регионами-экспортерами и импортерами, наличие природных ресурсов и инвестиционный потенциал. Транспортные расходы и введение торговых ограничений отрицательно влияют на экспортные показатели российских регионов.

Наблюдается отрицательная взаимосвязь климатического регулирования стран – торговых партнеров с экспортными показателями российских регионов. Данная зависимость может быть продиктована следующими факторами: углеродное регулирование выступает в качестве торгового барьера; требования стран-импортеров увеличивают издержки российских экспортеров, что негативно сказывается на конкурентоспособности; российские компании неэффективно реагируют на эти требования.

Таблица 1 также свидетельствует о том, что влияние производства альтернативной энергии в странах-импортерах на экспорт российских регионов является также отрицательным, что указывает на вытеснение российской энергии альтернативными источниками энергии. К подобным выводам приходит исследование [Sokhanvar and Sohag 2022].

Таблица 1. Результаты моделирования влияния переходных климатических рисков на объемы экспорта всех регионов России

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
$lGRP_{it}$	0,802*** (0,088)	0,677*** (0,069)	0,672*** (0,069)	0,680*** (0,071)	0,674*** (0,072)
$lGDP_{jt}$	0,848*** (0,035)	0,804*** (0,027)	0,758*** (0,020)	0,755*** (0,021)	0,772*** (0,021)
lP_{it}	0,008 (0,070)	0,069 (0,061)	0,050 (0,062)	0,063 (0,062)	0,049 (0,064)
lP_{jt}	-0,138* (0,017)	-0,045* (0,014)	-0,066* (0,014)	-0,046* (0,014)	-0,059* (0,013)
lD_{ij}	-1,536*** (0,074)	-1,583*** (0,042)	-1,559*** (0,041)	-1,555*** (0,046)	-1,509*** (0,046)
$l(1 + B_{ij})$	0,862*** (0,221)	0,676*** (0,129)	0,752*** (0,129)	0,661*** (0,132)	0,713*** (0,143)
$lMAB_{it}$	0,315*** (0,123)	0,268*** (0,016)	0,263*** (0,016)	0,270*** (0,016)	0,271*** (0,017)
$lIPOT_{it}$	0,362** (0,135)	0,491*** (0,094)	0,508*** (0,095)	0,490*** (0,090)	0,505*** (0,099)
$l(1 + TS_{jt})$	-0,951*** (0,123)	-0,666*** (0,089)	-0,731*** (0,088)	-0,757*** (0,088)	-0,608*** (0,099)

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
LES_{jt}	-0,341** (0,099)				
IRE_{jt}		-0,140*** (0,010)			
ISC_{jt}			0,030* (0,010)		
IWC_{jt}				-0,010* (0,006)	
$LETI_{jt}$					-0,189 (0,164)
$Pseudo R^2$	0,580	0,652	0,673	0,640	0,510

Примечание: *** – значимость на 1%-м уровне, ** – значимость на 5%-м уровне, * – значимость на 10%-м уровне. С помощью моделей 1–5 отражается влияние переходных климатических рисков на объемы экспорта регионов России. Так как переходные климатические риски рассматриваются в разрезе различных аспектов, было сформулировано 5 различных моделей. Модель 1 служит для отражения влияния строгости экологического регулирования. Модель 2 предназначена для оценки роли производства возобновляемой энергии в странах – торговых партнерах. Модели 3, 4, 5 анализируют, как готовность к процессу энергетического перехода в странах-импортерах сказывается на объемах экспорта.

Источник: рассчитано автором.

Таблица 1 демонстрирует отрицательную зависимость между климатическим регулированием стран – торговых партнеров и экспортной выручкой всех российских регионов. Однако, основываясь на обзоре литературы, исследование выдвигает идею о том, что строгость климатической политики может также способствовать росту экспорта некоторых российских регионов.

Эмпирический анализ позволяет прийти к выводу, что стимулирующий эффект наблюдается в случае регионов с благоприятными условиями инновационной деятельности и активной климатической политикой (см. таблицу 2 на с. 62). При отдельном рассмотрении инновационного потенциала положительный эффект наблюдается для таких регионов, как, например, Республика Татарстан, Москва, Санкт-Петербург, Свердловская область, Томская область. В то же время отрицательный эффект можно идентифицировать для Алтайского края, Брянской области, Забайкальского края, Курганской области и других регионов. Говоря про роль климатической политики, положительный эффект характерен для таких регионов, как Сахалинская область, Свердловская область, Томская область, Ульяновская область, ХМАО, ЯНАО. Отрицательный эффект наблюдается в случае Амурской, Воронежской, Липецкой областей и др. Во-первых, развитая инновационная среда региона позволяет компаниям эффективно реагировать на нормы и требования. Фактически у компаний в таких регионах есть большие возможности для внедрения экологических инноваций, технологий и качественных изменений в продукции. Кроме того, благодаря более высокой производительности труда фирмы могут наиболее эффективно интернализировать экологические издержки. Наши

результаты подтверждают выводы статьи [Costantini and Mazzanti 2012]. Во-вторых, климатическое регулирование в странах-импортерах оказывает минимальное влияние на регионы с собственными экологическими инициативами, поскольку продукция компаний соответствует большинству экологических требований. Кроме того, активная региональная климатическая политика может способствовать диверсификации экспорта и освоению новых рынков. Этот результат подтверждает выводы [Wang et al. 2022].

Таблица 2. Результаты моделирования влияния строгости экологического регулирования на объемы экспорта регионов России: роль социально-экономических условий инновационной деятельности и региональной климатической политики

Переменные	Роль социально-экономических условий инновационной деятельности			Роль региональной экологической политики		
	Регионы России с благоприятными социально-экономическими условиями инновационной деятельности	Регионы России с умеренными социально-экономическими условиями инновационной деятельности	Регионы России с неблагоприятными социально-экономическими условиями инновационной деятельности	Регионы России с активной климатической политикой	Регионы России с умеренной климатической политикой	Регионы России с «отстающей» климатической политикой
$lGRP_{it}$	1,143*** (0,307)	1,396*** (0,101)	3,222*** (0,190)	3,222*** (0,190)	0,725*** (0,154)	0,842*** (0,210)
$lGDP_{jt}$	1,066*** (0,077)	1,112*** (0,080)	0,959*** (0,258)	0,959*** (0,258)	0,914*** (0,075)	0,657*** (0,066)
lP_{it}	0,121 (0,207)	-0,882*** (0,118)	-1,108*** (0,186)	-1,108*** (0,186)	-0,536*** (0,128)	-0,168 (0,145)
lP_{jt}	0,057 (0,058)	0,166*** (0,058)	-0,021 (0,122)	-0,021 (0,122)	0,115 (0,075)	-0,002 (0,045)
lD_{ij}	-1,467*** (0,173)	-1,881*** (0,077)	-0,793*** (0,187)	-0,793*** (0,187)	-1,129*** (0,103)	-1,560*** (0,130)
$l(1 + B_{ij})$	0,956*** (0,211)	0,649*** (0,178)	0,910*** (0,248)	0,910*** (0,248)	0,198 (0,081)	0,671*** (0,123)
$lMAB_{it}$	0,209*** (0,060)	0,287*** (0,030)	0,404*** (0,067)	0,404*** (0,067)	0,224*** (0,042)	0,221*** (0,031)
$lIPOT_{it}$	0,347** (0,026)	0,486*** (0,123)	-1,058 (0,629)	-1,058 (0,629)	0,961*** (0,143)	0,315 (0,207)
$l(1 + TS_{jt})$	-0,604* (0,281)	-0,757*** (0,242)	-1,934* (0,789)	-1,934* (0,789)	-0,623* (0,302)	-1,056 (0,245)
lES_{jt}	0,307*** (0,120)	-1,004*** (0,194)	-0,321 (0,371)	-0,321 (0,371)	0,028* (0,016)	-0,634*** (0,190)
$Pseudo R^2$	0,640	0,581	0,529	0,529	0,612	0,590

Примечание: *** – значимость на 1%-м уровне, ** – значимость на 5%-м уровне, * – значимость на 10%-м уровне.

Источник: рассчитано автором.

Таблица 3. Результаты моделирования влияния переходных климатических рисков на объемы экспорта регионов России: роль ресурсного потенциала

Переменные	Минерально-дефицитные регионы России					Регионы России, умеренно обеспеченные минеральными ресурсами					Богатые минеральными ресурсами регионы России				
	Мод. 1	Мод. 2	Мод. 3	Мод. 4	Мод. 5	Мод. 1	Мод. 2	Мод. 3	Мод. 4	Мод. 5	Мод. 1	Мод. 2	Мод. 3	Мод. 4	Мод. 5
$I_{GRP_{it}}$	1,761*** (0,143)	1,420*** (0,095)	1,562*** (0,099)	1,479*** (0,099)	1,464*** (0,102)	0,700*** (0,099)	0,639*** (0,108)	0,701*** (0,112)	0,636*** (0,104)	0,526*** (0,119)	1,350*** (0,328)	1,345*** (0,291)	1,455*** (0,276)	1,352*** (0,293)	1,361*** (0,294)
$I_{GDP_{it}}$	0,901*** (0,038)	0,674*** (0,026)	0,729*** (0,021)	0,707*** (0,020)	0,703*** (0,021)	0,666*** (0,036)	0,721*** (0,031)	0,669*** (0,025)	0,647*** (0,023)	0,696*** (0,023)	0,928*** (0,067)	1,220*** (0,059)	0,919*** (0,059)	0,986*** (0,046)	0,979*** (0,045)
$I_{P_{it}}$	-0,804*** (0,141)	-0,550*** (0,093)	-0,606*** (0,093)	-0,600*** (0,096)	-0,602*** (0,100)	0,428* (0,254)	1,098*** (0,219)	1,129*** (0,215)	1,165*** (0,222)	1,053*** (0,224)	0,647*** (0,125)	0,571*** (0,109)	0,545*** (0,111)	0,568*** (0,108)	0,593*** (0,111)
$I_{P_{jt}}$	-0,120*** (0,019)	0,016 (0,014)	-0,023 (0,016)	0,033* (0,017)	-0,016 (0,013)	-0,094*** (0,019)	-0,036* (0,017)	-0,066*** (0,018)	-0,045* (0,018)	-0,043* (0,015)	-0,204*** (0,030)	-0,193*** (0,030)	-0,235*** (0,028)	-0,194*** (0,027)	-0,153*** (0,030)
$I_{D_{it}}$	-1,380*** (0,055)	-1,416*** (0,032)	-1,437*** (0,032)	-1,464*** (0,033)	-1,353*** (0,035)	-1,373*** (0,110)	-1,616*** (0,059)	-1,545*** (0,065)	-1,479*** (0,066)	-1,542*** (0,067)	-2,733*** (0,151)	-2,732*** (0,093)	-2,576*** (0,108)	-2,599*** (0,110)	-2,611*** (0,105)
$I(1 + B_{jt})$	1,025*** (0,204)	1,099*** (0,127)	1,129*** (0,127)	1,035*** (0,124)	1,021*** (0,131)	1,378*** (0,289)	0,695*** (0,211)	0,786*** (0,213)	0,822*** (0,210)	0,808*** (0,232)	0,798*** (0,199)	0,604*** (0,243)	0,806*** (0,311)	0,760*** (0,102)	0,812*** (0,230)
$I_{MAV_{it}}$	0,230*** (0,030)	0,202*** (0,020)	0,193*** (0,020)	0,199*** (0,021)	0,219*** (0,022)	1,189*** (0,193)	1,208*** (0,160)	1,225*** (0,159)	1,185*** (0,162)	1,112*** (0,160)	5,739*** (0,526)	4,942*** (0,420)	5,001*** (0,443)	5,147*** (0,449)	5,135*** (0,448)
$I_{IROT_{it}}$	0,030 (0,146)	0,161 (0,100)	0,031 (0,107)	0,134 (0,104)	0,162 (0,108)	1,323*** (0,321)	1,138*** (0,256)	1,264*** (0,265)	1,172*** (0,265)	1,141*** (0,269)	1,315*** (0,468)	1,596*** (0,424)	1,719*** (0,407)	1,407*** (0,430)	1,414*** (0,434)
$I(1 + TS_{jt})$	-1,149*** (0,132)	-1,016*** (0,093)	-1,023*** (0,091)	-1,067*** (0,089)	-0,811*** (0,099)	-0,477*** (0,145)	-0,204*** (0,059)	-0,460*** (0,107)	-0,490*** (0,108)	-0,412*** (0,099)	-0,934*** (0,261)	-0,595*** (0,232)	-0,688*** (0,220)	-0,705*** (0,230)	-0,984*** (0,263)
$I_{ES_{jt}}$	-0,582*** (0,108)					-0,261* (0,101)					-0,427 (0,277)				
$I_{RE_{jt}}$		-0,018 (0,012)					-0,017 (0,016)					-0,143*** (0,027)			
$I_{SC_{jt}}$			-0,040* (0,011)					0,061*** (0,014)					0,145*** (0,044)		
$I_{WC_{jt}}$				-0,058*** (0,008)					0,028*** (0,009)					0,155*** (0,016)	
$I_{ETT_{jt}}$					-0,883*** (0,179)					0,077 (0,259)					1,809*** (0,527)
Pseudo R ²	0,520	0,580	0,610	0,590	0,550	0,520	0,610	0,630	0,599	0,584	0,50	0,645	0,589	0,572	0,525

Примечание. *** – значимость на 1%-м уровне, ** – значимость на 5%-м уровне, * – значимость на 10%-м уровне.

Источник: рассчитано автором.

Результаты, представленные в таблице 3 (с.63), позволяют сделать вывод о роли наделенности минеральными ресурсами регионов РФ в формировании влияния переходных климатических рисков на объемы экспорта. Наблюдается следующая картина: влияние установленных мощностей солнечной и ветровой энергетики, индекс готовности страны-импортера к энергетическому переходу положительно влияют на экспорт регионов, умеренно обеспеченных и богатых минеральными ресурсами (например, Магаданская, Оренбургская, Сахалинская области, Республика Коми, Мурманская, Курская, Свердловская области, Пермский край, Республика Карелия и др.). Исследование устанавливает, что глобальный энергетический переход создает для данных регионов больше возможностей, чем рисков. Данный вывод согласуется с недавним исследованием [Islam et al. 2022].

Заключение

Российские компании, планирующие выход на международные рынки, сталкиваются с рядом ограничений, таких как высокая себестоимость продукции, технологическая отсталость, несоответствие качества товаров международному спросу. В контексте глобальной климатической повестки российские компании-экспортеры подвергаются новому виду экономических рисков – переходным климатическим рискам.

С одной стороны, российская экономика и экспорт уязвимы к глобальному энергетическому переходу, что определяется значительной долей энергетического сектора в ВВП и высоким углеродным следом экспорта. С другой стороны, в существующей литературе содержится вывод о том, что экспорт стран с богатыми минеральными ресурсами может увеличиваться в условиях энергетического перехода в связи с тем, что производство технологий альтернативной энергетики требует активного использования минерального сырья. Кроме того, рост российского регионального экспорта можно наблюдать и по другому каналу: ужесточение климатического регулирования, которое является неотъемлемой частью переходных климатических рисков, вынуждает компании внедрять «зеленые» технологии в свою повседневную практику, что повышает их конкурентоспособность.

Эмпирические результаты исследования демонстрируют, что, во-первых, в случае российской экономики существует отрицательная связь между строгостью экологического регулирования торговых партнеров и объемами экспорта, однако стимулирующий эффект наблюдается в случае регионов с благоприятной инновационной средой и активной климатической политикой. Во-вторых, процесс глобального энергетического перехода и широкое использование альтернативных источников энергии в странах-импортерах снижают зависимость от российского импорта энергоносителей, что подрывает экономическую стабильность российских регионов, специализирующихся на экспорте энергетической продукции. При этом наибольшую выгоду от процесса энергоперехода получают российские регионы, богатые полезными ископаемыми, которые выступают в качестве важнейших поставщиков критически важных минера-

лов, необходимых для производства мощностей альтернативной энергетики и электромобилей.

Таким образом, можно сформулировать рекомендации по минимизации рисков и эффективному использованию возможностей для различных групп регионов в контексте глобального энергетического перехода (см. рисунок 10 на с. 65).

Рисунок 10. Направления рекомендаций исследования по минимизации рисков и эффективному использованию возможностей для экспортеров регионов России в контексте глобального энергетического перехода

Выводы, сделанные в данном исследовании, получены на основе анализа торговых потоков за период с 2013 по 2021 г. Таким образом, анализ влияния переходных климатических рисков на результативность экспорта регионов России не учитывает период значительной интенсификации геополитических рисков, который повлек за собой изменение структуры и переориентацию экспорта. Это обусловлено отсутствием данных по объемам экспорта каждого региона России в каждую страну – торговый партнер после января 2022 г. Тем не менее распространение углеродного регулирования, а также тенденций развития альтернативной энергетики и электромобилей по все большему количеству стран позволяют предположить, что основные положения проведенного анализа, а также обоснованность представленных на рисунке 10 рекомендаций остались актуальными и после событий 2022 г.

Библиография

- Глазатова М., Данильцев А. Основные тенденции в развитии мировой торговли и структурные особенности российского экспорта // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 45. №1. С. 183–192. <https://www.doi.org/10.31737/2221-2264-2020-45-1-8>
- Ислам М., Тареке М., Монируззаман М., Али М. Оценка модели экспортно-ориентированного роста: пример Бангладеш, Китая, Индии и Мьянмы // Экономика региона. 2022. Т. 18. №3. С. 910–925. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-20>
- Кутырев Г., Коломина (Апасова) А., Лебедев М. Экологический протекционизм как фактор трансформации промышленной и внешнеторговой структуры (на примере России и Германии) // Россия и современный мир. 2021. Т. 113. №4. С. 121–140. <https://www.doi.org/10.31249/rsm/2021.04.06>
- Макаров И. Таксономия торговых барьеров: пять типов протекционизма // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1. № 1. С. 74–94. <https://cwejournal.hse.ru/makarov12023>
- Макаров И., Соколова А. Оценка углеродоемкости внешней торговли России // Экономический журнал ВШЭ. 2014. Т. 18. № 3. С. 477–507. <https://ej.hse.ru/2014-18-3/137770485.html>
- Макаров И., Степанов И. Углеродное регулирование: варианты и вызовы для России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 6. С. 3–22. <https://doi.org/10.38050/01300105201761>
- Макаров И., Шуранова А. Климатические изменения как новый фактор международных отношений // Международная аналитика. 2023. Т. 4. №14. С. 52–74. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-52-74>
- Порфирьев Б., Широ А., Колпаков А. Стратегия низкоуглеродного развития: перспективы для экономики России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. №9. С. 15–25. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-15-25>
- Саенко В., Колпаков А. Перспективы российского энергетического экспорта в условиях реализации мер международной климатической политики // Проблемы прогнозирования. 2021. №6. С. 113–124. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-189-113-124>
- Федюнина А., Симачёв Ю., Драпкин И. Интенсивная и экстенсивная компоненты экспорта: детерминанты экономического роста в российских регионах в условиях санкций // Экономика региона. 2023. Т. 19. №3. С. 884–897. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-20>
- Чупина Д. Влияние «зеленого» курса на импорт меди из России в ЕС // Вопросы экономики. 2022. №1. С. 110–125. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-110-125>
- Широ А., Колпаков А. Экономика России и механизмы глобального климатического регулирования // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. Т. 32. №4. С. 87–110. <https://www.econorus.org/repec/journal/2016-32-87-110r.pdf>
- Albert M. The global politics of the renewable energy transition and the non-substitutability hypothesis: towards a 'great transformation'? // Review of International Political Economy. 2021. Vol. 29. Issue 12. Pp. 1–16. <https://doi.org/10.1080/09692290.2021.1980418>
- Andersen E., Shan Y., Bruckner B., Černý M., Hidiroglu K., Hubacek K. The vulnerability of shifting towards a greener world: the impact of the EU's green transition on material demand // Sustainable Horizons. 2024. Vol. 10. No100087. <https://doi.org/10.1016/j.horiz.2023.100087>

- Arndt C. Climate change vs energy security? The conditional support for energy sources among western Europeans // *Energy Policy*. 2023. Vol. 174. No113471. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113471>
- Buhaug H., Benjaminsen T., Gilmore E., Hendrix C. Climate-driven risks to peace over the 21st century // *Climate Risk Management*. 2023. Vol. 39. No100471. <https://doi.org/10.1016/j.crm.2022.100471>
- Carattini S., Heutel G., Melkadze G. Climate policy, financial frictions, and transition risk // *Review of Economic Dynamics*. 2023. Vol. 51. Pp. 778–794. <https://doi.org/10.1016/j.red.2023.08.003>
- Cergibozan R. Renewable energy sources as a solution for energy security risk: empirical evidence from OECD countries // *Renewable Energy*. 2022. Vol. 183. Pp. 617–626. <https://doi.org/10.1016/j.renene.2021.11.056>
- Chen X., He J., Qiao L. Does environmental regulation affect the export competitiveness of Chinese firms? // *Journal of Environmental Management*. 2022. Vol. 317. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2022.115199>
- Chepeliev M., Hertel T., Mensbrugge D. Cutting Russia's fossil fuel exports: short-term economic pain for long-term environmental gain // *The World Economy*. 2022. Vol. 45. Issue 11. Pp. 3314–3343. <https://doi.org/10.1111/twec.13301>
- Cherepovitsyn A., Solovyova V. Prospects for the development of the Russian rare-earth metal industry in view of the global energy transition—a review // *Energies*. 2022. Vol. 15. <https://doi.org/10.3390/en15010387>
- Cherepovitsyn A., Solovyova V., Dmitrieva D. New challenges for the sustainable development of the rare-earth metals sector in Russia: transforming industrial policies // *Resources Policy*. 2023. Vol. 81. No103347. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.103347>
- Correia S., Guimaraes P., Zylkin T. Fast Poisson estimation with high-dimensional fixed effects // *The Stata Journal*. 2019. Vol. 20. Issue 1. Pp. 95–115. <https://doi.org/10.1177/1536867X20909691>
- Costantini V., Mazzanti M. On the Green and Innovative Side of Trade Competitiveness? The Impact of Environmental Policies and Innovation on EU Exports // *Research Policy*. 2021. Vol. 41. Issue 1. Pp. 132–153. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2011.08.004>
- Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Ketenci N. What motivates the 'green' transition: Russian and European perspectives // *Resources Policy*. 2023. Vol. 81. No103128. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103128>
- Dunz N., Naqvi A., Monasterolo I. Climate sentiments, transition risk, and financial stability in a stock-flow consistent model // *Journal of Financial Stability*. 2021. Vol. 54. No100872. <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2021.100872>
- Elshkaki A., Graedel T., Ciacci L., Reck B. Copper demand, supply, and associated energy use to 2050 // *Global Environmental Change*. 2016. Vol. 39. Pp. 305–315. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2016.06.006>
- Gong M., You Z., Wang L., Cheng J. Environmental regulation, trade comparative advantage, and the manufacturing industry's green transformation and upgrading // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. Issue 8. <https://doi.org/10.3390/ijerph17082823>
- Hamaguchi Y. Environmental tax evasion as a determinant of the Porter and Pollution Haven Hypotheses in a corrupt political system // *Economic Analysis and Policy*. 2023. Vol. 79. Pp. 610–633. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2023.06.032>
- Harpprecht C., Xicotencatl B., Nielen S., Meide M., Li C., Li Z., Tukker A., Steubing B. Future environmental impacts of metals: a systematic review of impact trends, modelling approaches, and challenges // *Resources, Conservation and Recycling*. 2024. Vol. 205. No107572. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2024.107572>

- Islam M., Sohag K. Mineral import demand and wind energy deployment in the USA: co-integration and counterfactual analysis approaches // *Mineral Economics*. 2023. <https://doi.org/10.1007/s13563-023-00382-2>
- Islam M., Sohag K., Alam M. Mineral import demand and clean energy transitions in the top mineral-importing countries // *Resources Policy*. 2022. Vol. 78. No 102893. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.102893>
- Kadochnikov S., Fedyunina A. Economic growth due to export externalities: a spatial econometric analysis for Russian regions, 2003–2008 // *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*. 2013. Vol. 6. Issue 4. Pp. 358–374. <https://doi.org/10.1504/ijepee.2013.057909>
- Makarov I., Chen H., Paltsev S. Impacts of climate change policies worldwide on the Russian economy // *Climate Policy*. 2020. Vol. 20. Issue 10. Pp. 1242–1256. <https://doi.org/10.1080/14693062.2020.1781047>
- Nordhaus W. Climate Clubs: Overcoming Free-riding in International Climate Policy // *American Economic Review*. 2015. Vol. 105. Issue 4. Pp. 1339–1370. <https://doi.org/10.1257/aer.15000001>
- Ozturk S., Demirer R., Gupta R. Climate uncertainty and carbon emissions prices: the relative roles of transition and physical climate risks // *Economics Letters*. 2022. Vol. 217. No110687. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2022.110687>
- Porter M., Linde C. Toward a new conception of the environment-competitiveness relationship // *Journal of Economic Perspectives*. 1995. Vol. 9. Pp. 97–118. <https://doi.org/10.1257/jep.9.4.97>
- Sanderson H., Stridsland T. Cascading transitional climate risks in the private sector—risks and opportunities // *In Climate Adaptation Modelling*. 2022. Pp. 179–186. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86211-4_21
- Shang Y., Sang S., Tiwari A., Khan S., Zhao X. Impacts of renewable energy on climate risk: a global perspective for energy transition in a climate adaptation framework // *Applied Energy*. 2024. Vol. 362. No122994. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2024.122994>
- Sheng X., Gupta R., Çepni O. The effects of climate risks on economic activity in a panel of US states: the role of uncertainty // *Economics Letters*. 2022. Vol. 213. No110374. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2022.110374>
- Sokhanvar A., Sohag K. What does the clean energy transition look like for Russian oil exports? // *Energy Science & Engineering*. 2022. Vol. 10. Issue 12. Pp. 4512–4519. <https://doi.org/10.1002/ese3.1286>
- Syropoulos C., Felbermayr G., Kirilakha A., Yalcin E., Yotov Y. The global sanctions data base release 3: COVID-19, Russia, and multilateral sanctions // *Review of International Economics*. 2023. <https://doi.org/10.1111/roie.12691>
- Valero A., Valero A., Calvo G., Ortego A. Material bottlenecks in the future development of green technologies // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2019. Vol. 93. Pp. 178–200. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2018.05.041>
- Volchkova N. How costly is exporting: an empirical assessment of trade model with heterogeneous firms? // *SSRN Electronic Journal*. 2013. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2243135>
- Wang J., Jin Z., Yang M., Naqvi S. Does strict environmental regulation enhance the global value chains position of China's industrial sector? // *Petroleum Science*. 2021. Vol. 8. Issue 6. Pp. 1899–1909. <https://doi.org/10.1016/j.petsci.2021.09.023>
- Weezel S. Local Warming and violent armed conflict in Africa // *World Development*. 2020. Vol. 126. No104708. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104708>

Yotov Y., Piermartini R., Monteiro A., Larch M. An advanced guide to trade policy analysis: the structural gravity model // World Trade Organization. 2016. 144 p. <https://doi.org/10.30875/ABC0167E-EN>

Yu H., Zheng C. Environmental regulation, land use efficiency and industrial structure upgrading: test analysis based on spatial Durbin model and threshold effect // Heliyon. 2024. Vol. 10. Issue 5. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e26508>

ВТО: накопившиеся проблемы и перспективы после МК-13

Портанский А.П.

Портанский Алексей Павлович — к.э.н., профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.

SPIN РИНЦ: 9015-4017

ORCID: 0000-0001-5025-9190

ResearcherID: K-8066-2015

Для цитирования: *Портанский А.П.* ВТО: накопившиеся проблемы и перспективы после МК-13 // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №1 (5).

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-1-70-82>

Ключевые слова: ВТО, МК-13, глобализация, реформа, США, Китай.

Аннотация

Отталкиваясь в качестве повода от прошедшей в начале 2024 г. очередной министерской конференции ВТО (МК-13), автор рассматривает первоначальный успех этого института, а затем анализирует накопившиеся проблемы организации и ее ослабление в последние годы. Эффективное решение этих проблем связано с реформированием ВТО. Однако этому препятствуют многочисленные разногласия среди членов организации и в первую очередь значительное различие в подходах к реформе между двумя главными акторами глобальной экономики и торговли — США и Китаем. Пока же реформа продвигается небольшими шагами, которые носят скорее технический характер. Несмотря на явное ослабление ВТО в последние годы и накопившиеся проблемы, никто из ее членов никогда не высказывался за прекращение или ограничение ее деятельности. При наихудшем сценарии в глобальной экономике нельзя исключать значительного ущерба для ВТО. Впоследствии возродить организацию будет намного труднее, чем сохранить уже действующую.

Введение

В конце февраля — начале марта 2024 г. в Абу-Даби прошла 13-я Министерская конференция Всемирной торговой организации (МК-13), которая обычно проводится

раз в два года. ВТО — один из крупнейших институтов глобального управления, ряды которого продолжают пополняться, — после МК-13 число членов организации достигло 166. В то же время за последние годы ВТО не раз становилась мишенью для критических нападок.

Однако критике подвергаются сегодня практически все без исключения международные институты, начиная с ООН. О слабости и неэффективности ее механизмов высказываются ныне и рядовые дипломаты, и всемирно известные персоны. ООН в том виде, в котором она функционировала с момента своего основания, «больше не соответствует новым реалиям», писал не так давно папа Франциск в связи с конфликтом в Украине¹. На устах у многих инициативы и требования о необходимости реформирования ООН, включая в первую очередь Совет Безопасности. При этом никто всерьез не предлагает закрыть, распустить ООН из-за ее недостаточной эффективности. И это разумно. Но в отношении других уважаемых международных организаций, например ВТО, такой взвешенный подход почему-то не используется.

Всемирную торговую организацию называют «ООН для мировой торговли». Кстати, и по числу членов (166 с 2024 г.) ВТО вполне сравнима с ООН. А если вспомнить число государств-учредителей, то ООН окажется в проигрыше: 51 государство против более 100 при создании ВТО. В начале марта с.г. авторитетное агентство Bloomberg, комментируя скромные, по его мнению, итоги состоявшейся МК-13, сочло уместным распространить сообщение под заголовком «Смерть ВТО теперь выглядит неизбежной». Одновременно примечательным оказался подзаголовок сообщения: «Немногие глобальные институты приносили такую пользу, подвергаясь при этом столь пренебрежительному отношению»². С этим тезисом трудно не согласиться. Одновременно встает вопрос: почему так получилось?

В предлагаемой статье автор ставит целью показать, что, несмотря на переживаемые трудности, ВТО непременно должна сохраниться, хотя пройти через неизбежное реформирование организации будет весьма непросто.

Как ВТО стала жертвой своего успеха

На рубеже XX–XXI вв. была сформулирована мысль, что система ГАТТ/ВТО со временем стала «жертвой своего собственного успеха». История этого успеха такова. В 1929-х гг. на мир обрушилась Великая депрессия — первый в прошлом веке глобальный экономический кризис. Осознание его уроков передовыми странами к началу 1940-х гг. привело к формулированию принципов недискриминации. Это был эпохальный поворот в отношениях между странами, ибо речь шла об отказе от господствовавшего на протяжении тысячелетий правила «разори соседа» ради

¹ Mares C. Pape François : Nous sommes témoins de “l’impuissance” de l’ONU dans la guerre en Ukraine. Catholic News Agency. 2022. April 6. Режим доступа: <https://www.catholicnewsagency.com/news/250898/pope-francis-we-are-witnessing-the-impotence-of-the-un-in-the-ukraine-war>

² La mort de l’OMC semble désormais inévitable. Bloomberg. 2024. March 8. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2024-03-08/world-trade-organization-s-death-is-a-momentous-error?srnd=opinion>

собственного процветания. Выяснилось, что хозяйственная взаимозависимость между государствами в XX в. стала столь глубокой, что спастись в условиях экономического кризиса поодиночке уже не получается. К концу Второй мировой войны в 1944 г. конференция в Бреттон-Вудсе, исходя из упомянутых принципов недискриминации, задалась целью создать такие международные институты, которые гарантировали бы международное сообщество от возникновения глобальных экономических кризисов, способных привести к очередной войне. Договоренность о двух институтах, МВФ и МБРР³, была достигнута, и они заработали после 1945 г., а с третьим, который первоначально получил название «Международная торговая организация», вышло заметно сложнее. Сначала фрагмент ее устава (*Trade Policy*) был преобразован в Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ-1947), носившее временный характер, и лишь спустя без малого полвека в результате восьми раундов сложнейших торговых переговоров в рамках ГАТТ удалось прийти к созданию полноценного международного института — Всемирной торговой организации.

Принятие решений путем консенсуса и принцип «единого пакета» («не согласовано ничего, пока не согласовано всё») обеспечили надежность правовой базы и эффективность механизма по разрешению споров. Это и придало ВТО уникальный характер, ибо ни один другой универсальный институт в мире не располагал (и не располагает) подобным механизмом. Число зафиксированных торговых споров в ВТО с 1995 г. давно перевалило за 600, и, кстати, одним из самых активных участников этих споров остаются США, откуда как раз чаще всего и доносятся упреки в адрес ВТО. Огромную значимость функции ВТО по разрешению споров признают все, включая ее убежденных противников-антиглобалистов. Именно эта функция обеспечивает реализацию задуманной еще в Бреттон-Вудсе задачи — обеспечение безопасности торгово-экономических отношений.

Итак, функционирование на основе общепринятых правил с четкими механизмами обеспечения их действенности, укрепление в результате международного авторитета и быстрый рост членства — в этом состоял несомненный успех организации.

Создание ВТО идеально совпало с «золотым веком» глобализации, который пришелся на 1990-е гг., когда вслед за разрушением Берлинской стены рухнули преграды для установления прямого и взаимовыгодного сотрудничества между вчерашними идеологическими противниками. Фрэнсис Фукуяма на философском уровне осмыслил произошедшие в мире эпохальные перемены, предложив концепцию «конца истории». Первая четверть XXI века, к сожалению, изменила прежние представления о непрерывном поступательном развитии взаимовыгодного международного сотрудничества в духе глобализации 1990-х и «игры с положительной суммой» (*win-win game*).

Успех созданной к концу XX столетия ВТО не избавил ее от проблем. Среди наиболее острых следует выделить такие, как:

- кризис системы принятия решений в ВТО при значительно возросшем числе членов организации;

³ МБРР — Международный банк реконструкции и развития, в дальнейшем — Всемирный банк.

- как следствие предыдущего — серьезное замедление функции ВТО генерирования новых правил, востребованных меняющейся торговлей;
- серьезнейшим вызовом для ВТО с начала XXI в. стал протекционизм, особенно его новые формы, а также экономические санкции, несовместимые с духом и буквой ВТО. Приход к власти в США в 2017 г. Д. Трампа был ознаменован непредвиденным всплеском протекционизма и тенденцией отхода от правил ВТО по соображениям национальной безопасности [Портанский — Императив 2019].

Проблемы, которые остаются без решения

Кризис системы принятия решений в ВТО при значительно возросшем числе членов организации. ВТО в полной мере унаследовала от ГАТТ систему принятия решений посредством механизма консенсуса, и в настоящее время это является, без преувеличения, наиболее чувствительной проблемой ВТО.

При консенсусе у стран-членов безусловно появляется ощущение суверенного равенства. При голосовании же оно зачастую не гарантировано, ибо работает фактор экономического и политического веса государства. Однако при консенсусе каждый участник обладает возможностью заблокировать решение. Механизм консенсуса работал вполне удовлетворительно во времена ГАТТ, когда число участников переговоров не превышало нескольких десятков, и среди них явно господствовали развитые государства, преследовавшие, как правило, схожие цели. Другое дело, когда число участников давно превысило полторы сотни, при этом не менее двух третей из них — это развивающиеся государства, нередко руководствующиеся при голосовании протестным настроением. В этих условиях достижение консенсуса стало процессом весьма трудным и обременительным.

В 2003 г. на очередной Министерской конференции в Канкуне (Мексика) проблема проявилась со всей остротой, и из-за невозможности принятия решений по ключевым вопросам повестки конференция завершилась провалом. Раскол в Канкуне, как подчеркивал занимавший в то время пост представителя США на торговых переговорах Роберт Зеллик, пролегал не между богатыми и бедными странами, а между теми, кто способен к реальным переговорам (*can do countries*), и теми, кто просто не желает договариваться (*won't-do countries*) [Zoellick 2003]. Иными словами, в последние годы и десятилетия консенсус фактически превратился в ничем не ограниченное право вето в ВТО, с помощью которого любой участник имеет силу заблокировать решение, несмотря на то что в нем заинтересована значительная группа стран-членов.

Однако при всем при том консенсус остается уникальным способом обеспечения легитимности принимаемых в ВТО решений, особенно в рамках процедуры разрешения споров. В результате складывается некий «институциональный тупик». Выход из этого тупика, очевидно, должен быть найден на пути институционального реформирования ВТО.

Проблему серьезного замедления функции ВТО генерирования новых правил для торговли следует рассматривать как прямое следствие кризиса системы принятия решений в организации.

В течение почти всей второй половины XX в. ГАТТ вполне отвечало задачам регулирования торговли, выполняя три базовые функции: сбалансированная взаимная либерализация рынков; выработка правил путем переговоров; дипломатическое урегулирование торговых споров. Международная торговля в основном вписывалась в простую схему: «Произведи товар здесь, продай его за рубежом». С наступлением XXI в. характер торговли стал кардинально меняться — теперь границы пересекают не только товары и услуги (хотя физически услуги могут и не пересекать границы), но и целые производства. Поэтому наряду с товарами через границы также идут и потоки инвестиций, идей, ноу-хау, рабочей силы. И все эти сферы требуют правил торговли, которые прежде не существовали.

Как предполагалось, ВТО с 1995 г. должна была обеспечивать появление новых правил. Но эти надежды сбылись далеко не в полной мере. Почти за три десятилетия существования ВТО странам-членам удалось подписать лишь одно полноценное многостороннее соглашение — Соглашение об упрощении процедур торговли⁴. Дефицит современных правил ощущается, к примеру, в таких областях, как регулирование торговли в рамках глобальных цепей добавленной стоимости (GVC), использование «зеленой» энергии, международное инвестирование, валютная политика, не говоря уже о таких новейших сферах, как регулирование цифровых рынков и искусственный интеллект⁵.

Чтобы эти новые правила появились в рамках ВТО, соответствующие вопросы должны быть внесены в повестку Дохи, т.е. ее требуется изменить. Но сделать это непросто — этому препятствует значительная часть стран-членов (в основном развивающиеся страны), настаивающая на обязательном выполнении всех пунктов первоначальной утвержденной повестки до того, как перейти к новым вопросам. В результате отсутствие своевременного генерирования необходимых правил неизбежно снижает эффективность ВТО, т.е. ослабляет ее.

Новый этап роста протекционизма после прихода к власти в США Трампа и тенденция отхода от правил ВТО по соображениям национальной безопасности. Протекционистская политика администрации 45-го американского президента Трампа практически полностью отошла от принципов торговой политики, проводившейся всеми его предшественниками, начиная с Франклина Рузвельта, подразумевавшей последовательную либерализацию рынков, уважение правил международной торговли и совместно созданных институтов многостороннего регулирования, прежде всего — ГАТТ/ВТО [The Trump administration 2018].

Острую отрицательную реакцию ближайших торговых партнеров США вызвала серия заявлений представителей администрации Трампа о готовности Вашингтона проигнорировать правила ВТО, если они будут препятствовать реализации национальных интересов страны, а также крайне субъективное толкование Вашингтоном положения ГАТТ/ВТО об угрозе национальной безопасности, результатом которого,

⁴ Соглашение об упрощении (процедур) торговли — Trade Facilitation Agreement — было подписано на 9-й Министерской конференции ВТО на о. Бали в декабре 2013 г.

⁵ В ноябре 2022 г. вошел в силу Закон ЕС о цифровых рынках, а в марте 2024 г. Европарламент принял Закон об искусственном интеллекте.

в частности, стало увеличение импортных пошлин на сталь и алюминий в 2018 г. [Портанский – Д.Трамп 2019].

Торговая война между США и Китаем, в которой Вашингтон преследовал стратегическую цель не допустить превращения КНР в первую мировую экономику и которая явилась потрясением для мировых рынков, предельно обострила вопрос: способна ли ВТО разрешить эти новые проблемы и конфликты в торговле? Первым признаком отсутствия позитивного ответа на него стал досрочный уход со своего поста предыдущего главы ВТО бразильца Роберто Азеведо весной 2020 г. со ссылкой на личные обстоятельства [Azêvedo 2020]. Для экспертов причина этого чрезвычайного шага была более-менее ясна: опытейший и авторитетный дипломат, поняв, что для прекращения торговой войны США и Китая имеющихся инструментов ВТО явно недостаточно, принял для себя решение спокойно уйти, не подвергая дальнейшему риску свою репутацию. В том, что у ВТО действительно не было достаточных возможностей для остановки этой торговой войны, Азеведо был прав. И это, пожалуй, можно было считать тем моментом, когда слабость ВТО стала очевидной.

Торговая война США и Китая стала, пожалуй, самой убедительной иллюстрацией резко возросшего в XXI в. влияния геополитики на торговлю. Другими подтверждениями этого феномена следует считать последствия технологической расстыковки (*decoupling*) между экономиками США и КНР; напряженность между Вашингтоном и Пекином вокруг Тайваня; негативное воздействие новой промышленной политики крупных государств на торговлю, как, например, резкое недовольство в ЕС принятым в США в августе 2022 г. Законом о сокращении инфляции с его разрушительными последствиями для экономик стран Евросоюза.

Сегодня крупнейшие игроки глобальной экономики предпринимают шаги, которые напрямую противоречат нормам ВТО. Примеров тому немало: ограничения США на поставки чипов, ограничения Китая на экспорт редкоземельных металлов, принцип френдшоринга. Последний пример, пожалуй, самый яркий. О желании следовать принципу френдшоринга, т.е. вести торговлю со странами, разделяющими общие с США ценности, не раз заявляла министр финансов Джаннет Йеллен⁶. Но это означает ни много ни мало прямое нарушение базового принципа международной торговли (принципа ВТО) – взаимного предоставления РНБ (режима наибольшего благоприятствования).

В самое последнее время обозначилась новая тревожная тенденция восприятия ведущими странами практики введения торговых барьеров. В конце марта – начале апреля 2024 г. Офис Торгового представителя США (USTR) опубликовал доклад об «Иностраных торговых барьерах» [Foreign Trade Barriers 2024]. Как следует из доклада, USTR изменил свой подход к выявлению торговых барьеров. Признается, что любая страна, включая США, имеет суверенное право проводить независимую торговую политику, отталкивающуюся от национальных интересов. Данный тезис явно перекликается с недавней практикой торговой политики администрацией Трампа, отличавшейся явным неуважением к нормам ВТО. Доклад USTR фактиче-

⁶ Yellen calls out China's trade practices during South Korea visit. 2022. July 18. Режим доступа: https://www.business-standard.com/article/international/yellen-calls-out-china-s-trade-practices-during-south-korea-visit-122071801525_1.html

ски подтверждает тенденцию на вольное толкование странами положений ГАТТ/ВТО о национальной безопасности [Смеетс 2014]. Это может привести к неконтролируемому росту числа торговых барьеров, вводимых под прикрытием существенных интересов национальной безопасности, что приведет к новой большой проблеме. И если ее не внести в ближайшее время в повестку ВТО, то международную торговлю будут ждать новые потрясения.

Есть ли выход из создавшейся ситуации? Он есть, но лежит через долгий путь реформирования ВТО. Об этом знают все и согласны, что это необходимо. Но активно приступить к реформе пока не представляется возможным в силу отсутствия ключевого условия – сближения позиций США и Китая по содержанию реформы.

Почему реформировать ВТО сегодня сложнее, чем вчера

О необходимости реформирования ВТО заговорили уже вскоре после начала функционирования организации на рубеже XX–XXI вв. В реформе ВТО заинтересованы все ее участники, поэтому данный вопрос так или иначе присутствовал в повестке всех последних Министерских конференций ВТО.

Тупик переговоров Доха-раунда, невозможность разрешить имеющимися у ВТО инструментами торговый конфликт США – Китай, появившиеся за три десятилетия существования правовой базы ВТО в виде соглашений Уругвайского раунда новые сферы торговли – всё это требует новых правил, которые необходимо согласовать на многостороннем уровне. Но разные страны имеют различные экономические приоритеты и подходы к решению этих проблем, а поиск компромиссов на переговорах в ВТО занимает, как правило, достаточно много времени. При этом чем позднее приступить к реформированию ВТО, тем оно будет более трудоемким, т.к. правовая база организации в любом случае со временем расширяется и усложняется.

Во втором десятилетии XXI в. стало очевидно, что состояние глобальной экономики и торговли в значительной мере определяют два игрока – США и Китай. Соответственно, ставить вопрос о практическом начале реформирования ВТО можно только в случае существенного сближения подходов к вопросу этих двух сторон. Пока же такого сближения не наблюдается.

США неоднократно выражали свое недовольство существующими правилами и их применением в таких областях, как конкурентная политика, права интеллектуальной собственности, которые нарушаются, по мнению Вашингтона, в отношении американского бизнеса в Китае. Особую озабоченность вызывает у США положение в ВТО большой группы стран, которые, присоединившись в свое время к организации со статусом развивающихся, продолжают и сегодня считать себя таковыми, хотя многие из них достигли существенного прогресса в ряде отраслей экономики и даже обогнали некоторые развитые страны. При этом целый ряд развивающихся стран имеет непрозрачную торговую политику. В результате эти члены ВТО де-факто пользуются неоправданными, с точки зрения Вашингтона, привилегиями, что блокирует прогресс в выработке новых правил ВТО и дальнейшей либерализации. И главные претензии США среди этой группы стран как

раз обращены к Китаю. Китайская экономика, как неоднократно подчеркивали представители американской администрации, имеет в силу ранее обретенных привилегий огромные преимущества перед американской [Meltzer 2023].

Настаивая на своих требованиях, американская сторона фактически блокирует с самого начала какое-либо продвижение на едва начавшихся консультациях по реформированию ВТО, выставляя в качестве условия их выполнение. Это безусловно противоречит самому духу и сложившимся за много десятилетий традициям многосторонних переговоров в рамках ГАТТ/ВТО, не говоря о том, что еще раз ставит под вопрос многолетнее лидерство США на этих переговорах. В то же время позиция американской стороны имеет некоторые основания. Характерным в этой связи является пример с приостановкой функционирования Апелляционного органа (АО) с конца 2019 г. в системе разрешения споров ВТО. Как заявил замглавы Минэкономразвития РФ Владимир Ильичев, комментируя итоги МК-13, нельзя сказать, что критика апелляционного органа со стороны США полностью лишена оснований. Некоторые аргументы американцев справедливы: на стадии апелляции с легкостью опровергались выводы третейских групп, иногда давались интерпретации правил ВТО, весьма далекие от первоначального смысла, который был в них заложен. Да и сама эта стадия зачастую использовалась проигравшей стороной лишь как возможность затянуть разбирательство, сохраняя при этом в силе меры, признанные в ходе спора не соответствующими нормам ВТО. Однако тактика, которую выбрали США, — «подвесить» назначение арбитров в АО, заморозив таким образом его работу, сделала всех остальных участников организации заложниками их амбиций [Замглавы 2024].

Таким образом, суть подхода Вашингтона к реформированию ВТО — ликвидировать неоправданные, устаревшие привилегии группы развивающихся стран, которые сегодня фактически парализуют торговые переговоры и многостороннюю торговую систему в целом. Данный подход можно понять, но оправдать лишь отчасти. Вместе с тем Вашингтон стремится поддерживать имидж твердого сторонника реформирования ВТО.

Что касается позиции Китая по реформе ВТО, то в конце ноября 2018 г. Министерство торговли КНР опубликовало документ с ее разъяснением. В нем выделено три главных принципа: защита фундаментальных ценностей многосторонней торговли, защита интересов развивающихся стран-членов и уважение практики принятия решений через механизм консенсуса [Zhu V. 2019]. Особое внимание уделяется второму принципу. Пытаясь оставаться главным защитником интересов развивающихся стран в ВТО, Китай акцентирует внимание на необходимости сохранения их привилегий, в частности режима SDT⁷ в ВТО, что прямо противоречит основному требованию США, поддерживаемому Евросоюзом.

Несмотря на внушительные размеры своей экономики, Китай остается именно развивающейся страной, настаивают китайские представители. Стране еще предстоит вывести из бедности миллионы своих граждан.

⁷ SDT — Специальный и дифференцированный режим, который был установлен при создании ВТО для развивающихся стран, позволявший снижать уровень их обязательств (например, по импортным пошлинам) при присоединении к ВТО.

В ответ на повторяющиеся упреки Вашингтона о несоответствии Китая критериям рыночной экономики, о закрытости его рынка Пекин, с одной стороны, признает важность проведения дальнейших глубоких реформ и расширения открытости в экономике, но с другой — отвергает рекомендации США о «трех нулях в торговле» (*“three zero trade”*), означающих нулевой тариф, нулевые барьеры на рынке и нулевые субсидии, квалифицируя их как совершенно несправедливые в отношении Китая как развивающейся страны [Ghosal Singh A. 2019].

Одновременно, не желая оставаться в положении оправдывающегося, Китай предъявляет ряд претензий США. Так, по мнению китайской стороны, лозунг американской администрации при Трампе «Америка прежде всего» подрывает базовые принципы ВТО — РНБ и Национальный режим. Аналогичной критике подвергаются известные злоупотребления Вашингтона с исключениями из торгового режима по соображениям национальной безопасности и односторонними мерами по защите своего рынка, что представляет собой, по существу, откровенный протекционизм. Все это несовместимо с правилами ВТО, подрывает сложившуюся в торговле систему, основанную на правилах, полагают в китайском правительстве [Zhong Nan/Ren Xiaojin 2019].

Согласно упомянутому документу правительства, в КНР придают важнейшее значение сохранению принципа консенсуса при принятии решений в ВТО, что в принципе сочетается с его позицией по сохранению привилегий для развивающихся стран. Такой подход, безусловно, обеспечивает Пекину поддержку со стороны последних. Напротив, подход развитых стран к реформированию ВТО, в частности Евросоюза, состоит в преодолении или преобразовании механизма консенсуса в ту или иную форму голосования. Как показали многие исследования, ВТО не сможет эффективно функционировать в будущем без преобразования механизма консенсуса [Elsig M., Cottier 2011].

Выражая поддержку реформированию ВТО, китайская сторона пока ограничивается достаточно общими заявлениями, подчеркивая важность незыблемости базовых принципов и правил ВТО. Представляется, что Пекин вряд ли будет готов безоговорочно откликнуться на требования Вашингтона об упразднении существующих привилегий для развивающихся стран — членов ВТО. В противовес этому на первый план Китай скорее будет выдвигать необходимость борьбы против протекционизма, несущего угрозу свободной торговле.

Важно также отметить, что среди китайских исследователей существует и иной взгляд на участие Китая в реформировании ВТО. Так, по мнению главы Института морского развития в Океанском университете Китая и почетного профессора Научно-технологического университета Макао Пан Чжунъина, Китаю не стоит настаивать на статусе развивающейся страны и соответствующих привилегиях в ВТО, ибо не в интересах страны оставаться на позициях Индии и других развивающихся стран. Вместо этого следовало бы повернуться в сторону позитивной и конструктивной координации усилий по реформированию ВТО совместно с США, ЕС и Бразилией, что несомненно способствовало бы более активному участию Китая в глобальном управлении в целом [Ghosal Singh A. 2019].

Анализируя подходы США и Китая к реформированию ВТО, нельзя не сказать об инициативе Евросоюза, которую можно считать примиряющей в контексте существующих американско-китайских противоречий.

Перечень конкретных предложений (Концепция) по реформе ВТО был выдвинут Евросоюзом в конце лета — начале осени 2018 г. [European Commission 2018]. Эту позицию поддержали Канада и еще ряд государств, образовавших так называемую Группу Оттавы. В предложенной концепции обозначены три ключевых направления реформирования:

- Приведение правил ВТО в соответствие с современной глобальной экономикой;
- Усиление роли ВТО в мониторинге торговли;
- Преодоление надвигающейся тупиковой ситуации в системе разрешения споров ВТО.

Как уже было отмечено выше, поиск компромиссов на переговорах в ВТО — дело весьма непростое и занимает, как правило, немало времени. Это напрямую касается и «реформенной» повестки организации. Однако определенный прогресс здесь все-таки есть. За два года, прошедшие после предыдущей МК-12, удалось серьезно продвинуться в реформе так называемой повседневной работы ВТО. Речь идет, например, об упрощении доступа к информации о вновь принимаемых участниками организации мерах регулирования, оказывающих влияние на торговлю. Для этого внедряются новые цифровые инструменты, создаются электронные базы данных, удобные для пользователей. Конечно, все это носит в известной мере технический характер и не затрагивает принципиальных проблем реформирования. Тем не менее продвижение к цели мелкими шагами происходит.

Скромный, но важный итог МК-13

На прошедшей в начале года в Абу-Даби МК-13 прорыва в виде подписания каких-либо новых соглашений не произошло, да на это, в общем, никто особенно и не рассчитывал, учитывая известное ослабление ВТО в последние годы в силу накопившихся проблем, существующих разногласий между членами организации, а также современных геополитических рисков. В этих обстоятельствах даже принятие финальной Министерской декларации министров (на МК-11 в 2017 г. и этого не удалось добиться) и позитивных решений по некоторым пунктам повестки уже следует рассматривать как приемлемый результат [Abu Dhabi 2024].

В итоге на МК-13 принято решение, признающее прогресс, достигнутый в целях создания полностью и хорошо функционирующей системы разрешения споров, доступной для всех членов в 2024 г. Министры поручили своим постоянным делегациям в Женеве ускорить обсуждение данной темы.

Важным вопросом повестки ВТО на протяжении нескольких десятилетий остается электронная торговля. Переговоры по выработке соответствующего соглашения ведутся в плюрилатеральном формате (то есть в них участвуют не все члены ВТО). На протяжении последних лет процесс подготовки документа продвигался относительно медленно, ведь речь идет о новой для ВТО сфере. При этом во многих

юрисдикциях (США, ЕС, КНР) в данной сфере уже сформировались национальные регулятивные нормы, и они зачастую противоречат друг другу на концептуальном уровне. В конце 2023 – начале 2024 г. переговоры заметно ускорились и вполне могут завершиться до конца этого года.

Россия, как и многие другие члены организации, предлагала либо объявить мораторий на таможенные пошлины на электронные передачи постоянным, либо хотя бы продлить его действие, как это происходило на нескольких предыдущих министерских конференциях подряд. Однако некоторые крупные развивающиеся страны, как, например, Индия, пока блокируют такие решения. Аргумент индийских представителей заключается в том, что прекращение действия моратория создает возможности для увеличения фискальных поступлений в бюджеты развивающихся стран, которые можно было бы направить на индустриализацию их экономик. Но проблема в том, что у стран-членов отсутствует единое определение электронных передач – собственно предмета взимания пошлин. Поэтому существуют опасения, что такие пошлины могут использоваться в качестве инструмента несправедливой конкурентной борьбы. По итогам обсуждений на МК-13 принято решение продлить в очередной раз до следующей конференции мораторий на таможенные пошлины на электронные передачи. Как пояснил в этой связи В. Ильичев, данный мораторий на текущий момент фактически единственная «специальная» договоренность ВТО в сфере электронной коммерции [Замглавы 2024].

Другой важный вопрос повестки – выработка соглашения об упрощении инвестиций, подготовка которого началась еще на МК-11 в Буэнос-Айресе. Вырабатываемый документ должен пополнить правовой пакет ВТО в виде плюрилатерального соглашения. Оно, как сообщили в российской делегации, должно облегчить российским инвесторам доступ на рынки развивающихся стран за счет снижения бремени излишних административных барьеров. В то же время участие России в этой договоренности будет способствовать повышению доверия к российскому рынку со стороны инвесторов из дружественных государств. Однако пока некоторые партнеры РФ по БРИКС (Индия, ЮАР) сохраняют осторожное отношение к идее соглашения. Работа по соглашению об упрощении инвестиций будет продолжена в Женеве.

Не удалось добиться ожидавшегося продвижения по рыболовным субсидиям для вступления в силу соответствующего соглашения и соглашения по сельскому хозяйству. Переговоры по этим и другим вопросам также будут продолжены в Женеве.

Как и ожидалось, МК-13 одобрила присоединение к ВТО двух новых членов, ими стали Коморы и Восточный Тимор. Из постсоветских республик в процессе присоединения к ВТО находятся Азербайджан, Беларусь, Туркменистан и Узбекистан.

Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что, несмотря на критику в адрес ВТО в последние годы и ее очевидное ослабление, никто среди представителей государств-членов ни разу не высказался за прекращение или ограничение деятельности организации. Когда же подобные высказывания в том числе скандального характера о грядущей «смерти ВТО» звучат из уст отдельных политиков, то их корни

следует искать не столько в сфере деятельности организации, сколько в специфике текущей политической конъюнктуры той или иной страны, например в нюансах предвыборной президентской гонки в США — имеем в виду нашумевшие высказывания Трампа против ВТО в период его первого мандата, которые в 2024 г. вновь пускаются в ход.

Разумеется, нельзя исключать, что при наихудшем сценарии ВТО может быть нанесен значительный ущерб. Элементами такого сценария может быть наметившаяся в глобальном масштабе фрагментация торговли, а также приход к власти Трампа в 2025 г.: он уже сделал некоторые заявления, которые чреваты ударом по системе правил международной торговли [Stein 2024]. Все это неизбежно обернется серьезными потерями для государств и мировой экономики в целом. И тогда вновь встанет вопрос о возрождении ВТО, если сейчас она пострадает. Однако сделать это будет неизмеримо сложнее, чем сохранить уже действующую организацию.

Библиография

Замглавы Минэкономразвития РФ: все участники ВТО заинтересованы в ее реформе. 2024. 28 февраля. Режим доступа: <https://www.wto.ru/news/zamglavy-minekonomrazvitiya-rf-vse-uchastniki-vto-zainteresovany-v-ee-reforme/>

Портанский А. Императив реформирования ВТО в эпоху роста протекционизма и торговых войн // Вестник международных организаций. 2019. №2. С. 304–318.

Портанский А. Дональд Трамп: отход от принципов своих предшественников // Международная экономика. 2019. №2. С. 21–32.

Портанский А. Трамп оправдывает торговые войны и намерен побеждать в них. ИМЭМО. 2018. 5 марта. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/news/events/text/tramp-opravdivaet-torgovie-voyni-i-nameren-pobezhdaty-v-nih>

Смеетс М. Несовместимые цели: экономические санкции и ВТО // Россия в глобальной политике. 2014. №4. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/nesovmestimye-czeli-ekonomicheskie-sankczii-i-vto/>

Abu Dhabi Ministerial Declaration. 2024. March 2. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN24/DEC.pdf&Open=True>

DG Azevêdo: “We’ve achieved a lot, but much remains to be done” // Financial Times. 2020. May 14.

Foreign Trade Barriers. The 2024 National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers. Office of the United States Trade Representative Ambassador Katherine C. Tai.

Elsig M., Cottier T. Reforming the WTO: the decision-making triangle revisited. Governing the WTO. Cambridge Univ. Press, 2011. P. 125.

European Commission presents comprehensive approach for the modernisation of the World Trade Organization. Brussels, 18 September 2018. Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-5786_en.htm (дата обращения: 29.12.18).

Ghosal Singh A. Within China, arguments rage about how to shape the future of the World Trade Organization. 2019. May 21. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2019/05/what-does-china-want-from-wto-reforms/> (дата обращения: 29.04.20)

Meltzer J. Il est important de distinguer la politique économique américaine de celle de la Chine pour gagner les coeurs et les esprits // Brookings. 2023. May 8. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/distinguishing-us-economic-policy-from-chinas-is-important-to-win-hearts-and-minds/>

Stein J. Donald Trump is preparing for a massive new trade war with China // Washington Post. 2024. January 27.

The Trump administration's trade strategy is dangerously outdated // The Economist. 2017. March 2.

Zhong Nan/Ren Xiaojin. China submits proposal for WTO reform // China Daily. 2019. May 25.

Zhu V. La Chine Et La Réforme de L'OMC: Qui Veut Le Moins... Veut Le Moins // China Trends. Mars 2019.

Zoellick R. America will not wait for the won't-do countries. Bureau of International Information Programs. US Department of State. 2003. Sept. 22.

Цифровые трансграничные инициативы Экономического сообщества АСЕАН как инструмент развития экономики Сингапура

Канаев Е.А., Федоренко Д.О.

Канаев Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0002-7988-4210

Федоренко Дмитрий Олегович — магистр НИУ ВШЭ.

ORCID: 0009-0000-8831-5821

Для цитирования: Канаев Е.А., Федоренко Д.О. Цифровые трансграничные инициативы экономического сообщества АСЕАН как инструмент развития экономики Сингапура // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №1 (5).

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-1-83-104>

Ключевые слова: Сингапур, цифровая трансформация, Экономическое сообщество АСЕАН, многостороннее сотрудничество, локализация данных, ЦХОД, инструменты развития.

Аннотация

В статье проведена попытка определить возможности цифрового сотрудничества между Республикой Сингапур и ее партнерами по Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в формате Экономического сообщества (ЭС) АСЕАН как инструмента развития сингапурской экономики. Рассмотрены особенности экономической модернизации Республики Сингапур, дана оценка эффективности ее подхода к цифровой трансформации экономики. Проанализирован подход Сингапура к интеграционным инициативам Ассоциации, прежде всего — ЭС АСЕАН, определены возможности обеспечения многосторонних трансграничных экономических проектов АСЕАН эффективной цифровой поддержкой. Последнее проанализировано с точки зрения уровня развития инфраструктуры и цифровых компетенций в странах АСЕАН, а также специфики их законодательного регулирования трансграничных цифровых обменов и развития центров хранения и обработки данных

(ЦХОД). Особое внимание уделено глобальным цепочкам стоимости (ГЦС) на пространстве Юго-Восточной Азии (ЮВА) как фактору, определяющему перспективы трансграничных цифровых проектов АСЕАН. Согласно позиции авторов, негативная интеграция как основа подхода АСЕАН к осуществлению многосторонних экономических инициатив распространяется на цифровую сферу и препятствует цифровому сопровождению уже работающих проектов. Это сводит к минимуму возможности Сингапура использовать направления и механизмы сотрудничества с партнерами по ЭС АСЕАН для расширения инструментальной базы собственного экономического развития. Актуальность проведенного исследования определяется своевременностью анализа цифровой повестки сотрудничества стран АСЕАН перед завершением второго этапа формирования Экономического сообщества АСЕАН, запланированного на 2025 г., равно как выявления пределов эффективности модернизационной стратегии Республики Сингапур накануне шестидесятилетнего юбилея ее независимости. Научная и практическая значимость исследования определяется его ракурсом, поскольку возможности «перезагрузки» сингапурской версии новоиндустриализма в увязке с политикой Республики Сингапур в отношении ЭС АСЕАН и с акцентом на осуществление Ассоциацией многосторонних трансграничных цифровых проектов до сих пор не являлись предметом специального анализа в отечественном и зарубежном научном сообществе.

Введение

Республика Сингапур — один из четырех т.н. «азиатских тигров» — экономик, перешедших «из третьего мира в первый» при помощи модели развития, основанной на экспортной ориентации при оптимальном сочетании инструментов этатизма и рыночных механизмов. Однако с начала 2000-х гг. темпы роста сингапурской экономики замедлились, в связи с чем руководство страны вынуждено искать альтернативные инструменты экономического развития безотносительно его привязки к экспорту.

В качестве одного из таких инструментов сингапурское руководство видит цифровую трансформацию экономики и общества. Ее значимой составляющей и одновременно направлением сингапурской политики является участие в интеграционных процессах, в том числе в цифровых инициативах, реализуемых Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [Ministry of Trade and Industry 2023; Singapore Declaration 2024].

Однако реалии интеграции на пространстве ЮВА свидетельствуют о том, что АСЕАН не обладает эффективными инструментами, позволяющими ей осуществлять цифровую поддержку крупных трансграничных проектов и масштабировать их отдачу. Вдобавок к этому по многим параметрам цифровой зрелости Сингапур опережает практически всех своих партнеров по АСЕАН. Соответственно, преуве-

личивать влияние Экономического сообщества АСЕАН и его цифровых инициатив на возможности Республики Сингапур обрести дополнительные инструменты развития едва ли целесообразно.

Цель статьи состоит в оценке возможностей Сингапура использовать многосторонние инициативы АСЕАН и их цифровое сопровождение в качестве инструмента повышения конкурентоспособности собственной экономики в контексте специфики экономической модернизации страны.

Основу методологии исследования составляет статистический и сравнительный анализ. Он используется для выявления ключевых трендов экономического развития Сингапура и оценки промежуточных результатов его государственной политики, в частности поддержки цифровых инструментов и практик.

В структурном отношении работа начинается с проведения качественного и статистического анализа особенностей экономического развития Республики Сингапур и его цифровой составляющей. Далее авторы выявляют место Экономического сообщества АСЕАН во внешнеэкономической политике Сингапура с точки зрения возможностей использования страной механизмов интеграции АСЕАН как фактора своего экономического роста. Третий раздел фокусируется на возможностях унифицировать цифровое сотрудничество в ЮВА, что является одним из ключевых условий успешной реализации многосторонних проектов АСЕАН и стимулом развития сингапурской экономики. В заключительном разделе представлены обобщающие оценки проведенного исследования.

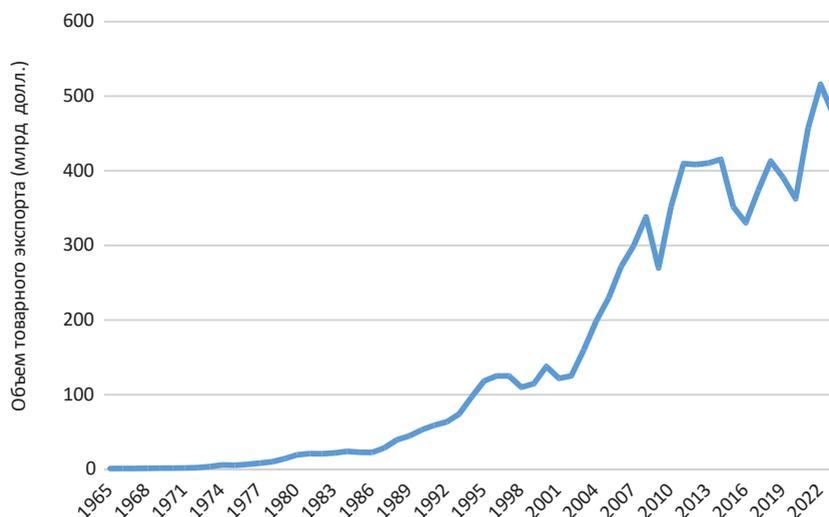
Цифровая трансформация в контексте экономического развития Республики Сингапур

Обретя независимость в 1965 г., Сингапур приступил к осуществлению экономической модернизации. С учетом своих географических особенностей и естественных ограничителей, в числе которых небольшая численность населения (на 1965 г. население города-государства составляло 1,9 млн человек), Сингапур избрал стратегию развития экспортноориентированных и высокотехнологичных отраслей. Важным преимуществом Сингапура как в то время, так и на современном этапе является его географическое расположение, обусловившее акцент на развитии логистики и реэкспорта, а также судостроении. Не менее важными факторами были бездефицитный бюджет, стабильный курс сингапурского доллара и высокая обязательная норма резервов для коммерческих банков.

В таких условиях сингапурское правительство сделало ставку на развитие крупных государственных компаний и поддерживающих их финансовых структур. Снижение налоговой нагрузки и обеспечение прозрачности законодательства стали основными стимулами (помимо выгодного географического расположения и на тот момент дешевой рабочей силы) для привлечения иностранных инвесторов. Как итог, в 1968 г. производство полупроводников на острове открыла компания Texas Instruments [National Library Board], а в 1969 г. к ней присоединилась еще одна американская компания — National Semiconductor [NTU Singapore]. Эта политика привлечения иностранных производителей, усиленная параллель-

но проводившимися программами строительства объектов инфраструктуры, облегчения условий ведения бизнеса и подготовки кадров, принесла плоды: в 1976–1999 гг. товарный экспорт Сингапура вырос с 6,6 млрд долл.¹ до 114,7 млрд долл., т.е. в 17,4 раза (см. рисунок 1 на с. 86), со среднегодовым приростом 14,4%. С 2001 по 2023 год товарный экспорт вырос в 4 раза, со среднегодовым приростом 7,1%.

Рисунок 1. Объем товарного экспорта Сингапура в 1965–2023 гг., млрд долл.

Источник: UNCTAD

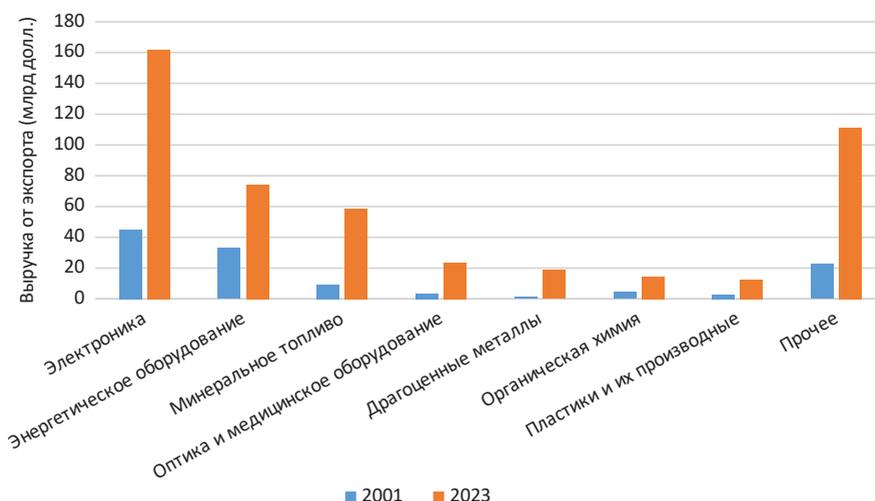
Привлечение иностранных производителей для нужд промышленности на территории Сингапура, а также сектора услуг, в первую очередь банковского и страхового, позволило городу-государству обеспечить развитие смежных отраслей и, что самое главное – человеческого капитала для повышения качества рабочей силы. В Северо-Восточной Азии схожие модернизационные стратегии взяли на вооружение Гонконг, Тайвань и Республика Корея. В 1970-е – 1980-е гг. некоммунистические страны Юго-Восточной Азии, вошедшие, наряду с Сингапуром, в АСЕАН, тоже стали привлекать иностранных инвесторов для развития производств на своей территории, делая ставку на дешевые трудовые ресурсы. Эти факторы подтолкнули Сингапур усилить активность, и в 1970-е гг. он приступил к реализации экспортоориентированной модели экономики, сосредоточившись на производстве и поставках на мировой рынок продукции с высокой добавленной стоимостью: электроники, энергетического оборудования, нефтепродуктов, химических продуктов и ряда других (см. рисунок 2 на с. 87).

Индустриализация Сингапура проходила успешно, отражением чего стало его превращение в наиболее экономически развитое государство ЮВА. К этому выводу подталкивает и динамика привлечения прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) в экономику Республики Сингапур. Иностранные инвестиции в акционер-

¹ Доллары США, если не указано иное.

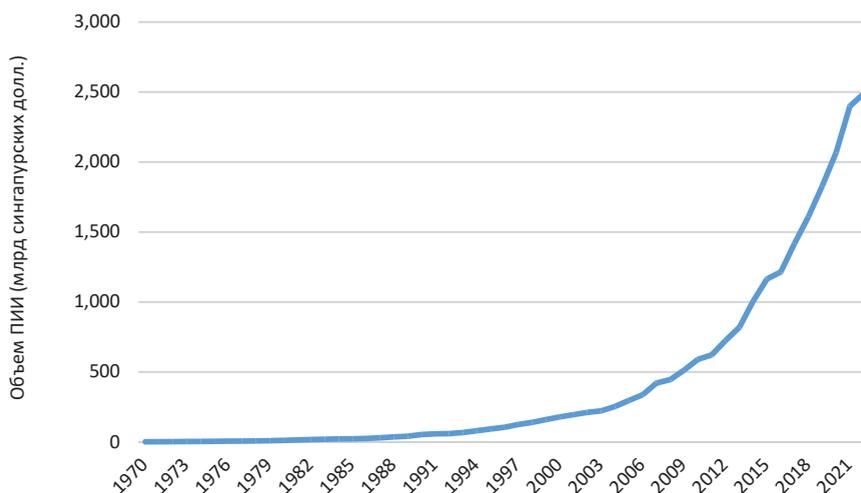
ный капитал Сингапура с 1979 по 2000 год выросли в 20,7 раза, со среднегодовым приростом 16%, в то время как в период с 2000 по 2022 год объем инвестиций вырос в 13,9 раза, со среднегодовым значением 13% (см. рисунок 3 на с. 87). При этом наибольший объем инвестиций направлялся в холдинговые структуры, отрасли по производству компьютеров, электроники и оптики, а также в розничную торговлю [Department of Statistics Singapore 2024a].

Рисунок 2. Выручка от экспорта основных товарных групп Сингапура в 2001 и 2023 гг., млрд долл.

Источник: Trademap

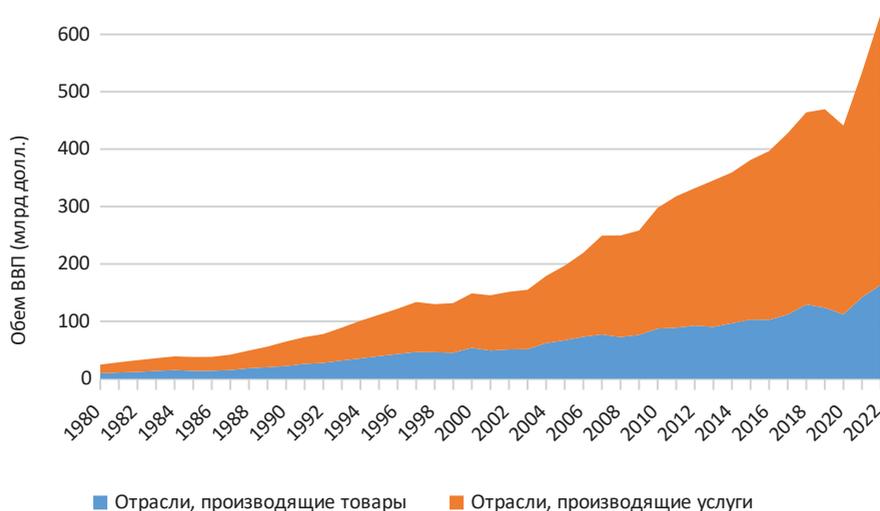
Рисунок 3. Объем ПИИ в Сингапур накопленным итогом на конец года в 1970–2022 гг., млрд сингапурских долл.

Источник: Department of Statistics Singapore, 2024b

Важной составляющей экономических успехов Сингапура была устойчивая финансовая система, развитию которой руководство страны уделяло и продолжает уделять повышенное внимание. Как итог, благодаря накопленным резервам и их умелому использованию страна не только относительно безболезненно пережила азиатский финансовый и экономический кризис 1997–1998 гг. и финансовый кризис 2008 г. [SG101 2024], но и увеличила объем накопленных ПИИ. Не вступая в конкуренцию с другими восточноазиатскими экономиками, Республика Сингапур абсорбирует все большие объемы финансовых потоков, технологического и управленческого ноу-хау, тем самым повышая свою значимость как регионального промышленного, финансового и логистического центра. О степени успешности такой стратегии дает представление рисунок 4 на с. 88: с 2004 г. наблюдается значительное увеличение объема сектора услуг и его доли в структуре ВВП при продолжающемся росте промышленного сектора. Это отражает результативность сингапурской политики по развитию в первую очередь финансового и банковского секторов.

Рисунок 4. Рост и структура ВВП Сингапура в текущих ценах в 1980–2022 гг., млрд долл.

Источник: Department of Statistics of Singapore, 2024c

Вместе с тем в экономике Республики Сингапур уже не первый год накапливаются проблемы. Постоянным источником уязвимости было и остается практически полное отсутствие сельскохозяйственного производства [International Trade Administration 2024b] и природных ресурсов, включая пресную воду [International Water Association 2024]. Отметим и высокую степень зависимости от импорта и гипертрофированную роль экспорта как инструмента экономического роста. Наконец, нарастает конкуренция со стороны других региональных транспортно-логистических хабов, прежде всего расположенных в Таиланде и Малайзии, которые развивают свои возможности с опорой на китайскую Инициативу «Пояс и Путь».

Рассмотренные выше факторы выступают барьером для дальнейшего экономического развития Республики Сингапур, подталкивая ее руководство к поиску новых источников роста. Этому стремлению есть весомые основания. С 2003 г. объем сектора услуг в ВВП растет быстрыми темпами (рисунок 4). В 2000–2023 гг. средний темп роста всего ВВП (в ценах 2015 года) составил 4,8%, в то время как с 1976 по 1999 год ВВП рос в среднем на 7,6% [Singapore Department of Statistics 2024d]. Безусловно, на темпах роста отразились крупные экономические кризисы — 1997, 2000 и 2008–2009 годов, однако их влияние было незначительным — сокращение в 1998 на 2,2%, в 2001-м — на 1,1%, а в 2008-м рост составил 1,9%, в то время как в 2009-м — 0,1% в годовом выражении [Singapore Department of Statistics 2024d]. С точки зрения динамики ВВП влияние этих кризисов проявилось только в трех годах из 24 рассматриваемых (2000–2023).

Это обстоятельство подталкивает к выводу, что сокращение темпов роста ВВП, при их в целом положительной динамике, обусловлено иными факторами — например, сокращением промышленного выпуска в обрабатывающей промышленности [S&P 2023] и конкуренцией со стороны развивающихся стран Азии, которые с началом XXI века обеспечили развитие как человеческого капитала, так и отраслей с высокой добавленной стоимостью, а также приток иностранных инвестиций [Max Alston, Ivailo Arsov and others 2018]. Аналогично динамике ВВП, сокращение темпов роста демонстрировал показатель добавленной стоимости на одного работника, как в целом по экономике, так и по большинству отраслей Сингапура. Если с 1984 г. (самые ранние доступные данные) по 1999 г. среднегодовой рост составлял 4,1%, то в период с 2000 по 2023 г. он сократился до 1,9%, демонстрируя снижение эффективности выпуска в экономике (данные Singapore Department of Statistics 2024). На этом фоне цифровые сервисы и технологии стали конкурентным преимуществом и одним из ключевых составляющих положительной динамики ВВП Сингапура — в 2023 г. сектор ИКТ вошел в топ-три сектора с наибольшим ростом к прошлому году [Ministry of Trade and Industry 2024].

В Индексе глобальных инноваций (Global Innovation Index) Сингапур занимает 5-е место в мире [WIPO 2023], добившись этого показателя в 2018 г. [Аналитический центр при Правительстве России 2018]. Этот индекс учитывает не только экономические, но и социальные аспекты, степень развития инфраструктуры и развитость рынков, то есть охватывает большинство макроэкономических показателей для составления репрезентативной оценки страны.

Рассматривая цифровые инструменты в качестве новых источников экономического роста, руководство Республики Сингапур осознает два момента. Первый — возникновение и развитие этих источников связано не столько с внутренними, т.е. с собственно сингапурской политикой, сколько с внешними по отношению к стране факторами. Второй — Сингапуру нужнократно повысить собственную готовность использовать эти факторы, развивая цифровые инструменты.

Внешняя сторона рассматриваемой проблемы такова, что налаживание и расширение цифрового сотрудничества между Сингапуром и его партнерами будет содействовать решению ряда важных для города-государства задач. Развитие цифровых технологий в агропромышленной сфере (т.н. AgriTech) снизит остроту продовольственной проблемы в ЮВА, позитивно сказавшись и на Сингапуре, сократив его

уязвимость от бесперебойных поставок пресной воды и продуктов питания (как было указано выше, своего сельского хозяйства у Сингапура нет). Переформатирование глобальных цепочек стоимости в регионе на фоне углубляющихся китайско-американских противоречий по вопросам технологий (оно варьируется от «Китай + 1» до «Китай + множество») при эффективном цифровом сопровождении сделает эти цепочки более стрессоустойчивыми, а следовательно, позволит Сингапуру хотя бы частично хеджировать риски. Включение сингапурских компаний, в том числе малых и средних, в трансграничные цифровые проекты даст этим компаниям возможность выполнять задания, требующие высокой квалификации, без существенных издержек. Последние быстро растут: в сентябре 2023 и в марте 2024 г. правительство Республики Сингапур повысило требования к пороговой зарплате, позволяющей привлекать иностранных специалистов, с 4500 до 5000 сингапурских долларов и с 5000 до 5600 сингапурских долларов соответственно [NKTDC Research 2024].

Но главное — цифровая трансформация социума позволит Республике Сингапур в полной мере воспользоваться плодами китайской Инициативы «Пояс и Путь» (ИПП). Сингапур является пересечением Экономического пояса шелкового пути (там заканчивается Экономический коридор Китай — Индокитай, связанный железной дорогой Куньминь — Сингапур) и Морского шелкового пути XXI века. Учитывая, что ИПП предполагает не только транспортное, но и промышленное сотрудничество (хотя страны ЮВА, в частности Индокитай, готовы к нему в разной степени [Raymond 2021]), его активизациякратно усилит нагрузку на сингапурские портовые мощности, принося большие доходы. Развивая Цифровой шелковый путь, Китай уделяет большое внимание цифровой поддержке связанных с ИПП проектов.

Осознавая эти моменты, Республика Сингапур уделяет повышенное внимание цифровым инструментам своего развития. Тем более что на этом направлении страна наработала солидный задел еще с 1980-х гг. Причина заключалась в необходимости дать ответ на ряд вызовов, в первую очередь связанных с конкуренцией за приток иностранных инвестиций с соседними странами. Эти государства в десятки раз превосходили Сингапур по населению и расширяли возможности развивать трудоемкие отрасли. Не перечисляя все значимые программы и инициативы, остановимся на ключевой на нынешнем этапе программе «Умная нация» (Smart Nation), стартовавшей в 2014 г. Ее результатом стало то, что в настоящее время Республика Сингапур является одним из глобальных «центров превосходства» с точки зрения цифровой трансформации.

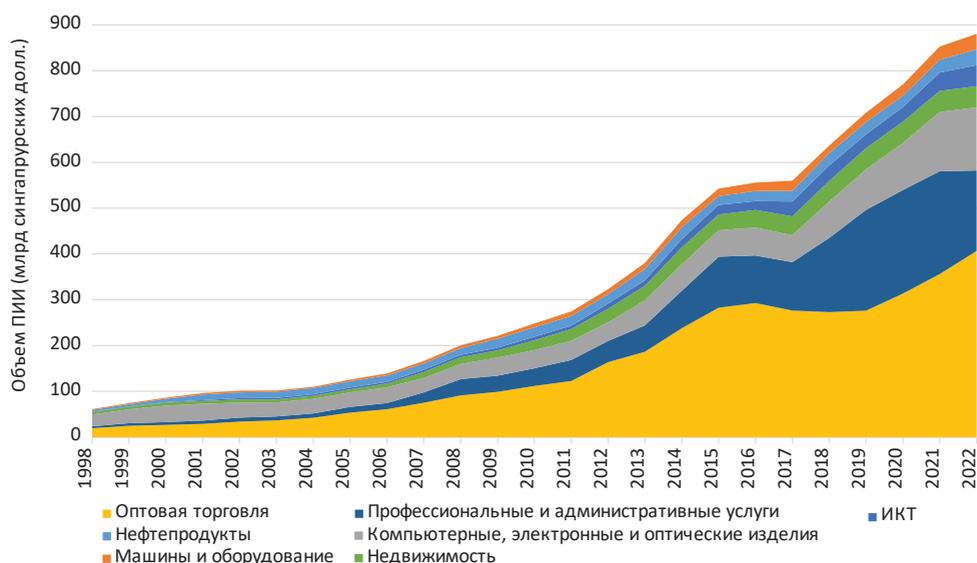
Во-первых, страна одной из первых в мире обеспечила интернетом девять из десяти домохозяйств [GovTech 2024], а уровень охвата интернетом в 2022 г. составил 96% [WorldBank 2024]. Во-вторых, Сингапур сформировал архитектуру эффективного государственного управления экономикой, в первую очередь с помощью аффилированных с государством компаний, развивающих цифровые программы как в Сингапуре, так и за его пределами. В-третьих, цифровая трансформация экономики и общества приобрела прочную, а главное — расширяющуюся основу: доля сектора ИКТ в ВВП Сингапура в ценах 2015 года к 2022 году выросла до 6,1% [Department of Statistics of Singapore 2024d], с 3,1% в 2000 году. Экономический эффект цифровой трансформации Сингапура (с учетом самого сектора ИКТ и цифровой поддержки остальных секторов

экономики) составил 106 млрд сингапурских долл. [Singapore Digital Economy Report 2023], а реализация программ (в первую очередь — Singapore Digital Government Blueprint в 2018 г.) по цифровой трансформации государственного сектора, а затем и торговли, финансового сектора, промышленности и логистики Республики Сингапур позволила ей обеспечить среднегодовой прирост объема добавленной стоимости от цифрового сопровождения экономики на 12,9% с 2017 по 2022 год.

Успех Республики Сингапур в осуществлении цифровой трансформации проявляется и на других примерах. В 2022 г. на микро-, малых и средних предприятиях уровень внедрения технологий (использование компанией как минимум одного цифрового сервиса) достиг 94,3% [Department of Statistics of Singapore 2024d]. Активному внедрению цифровых сервисов способствует строительство центров хранения и обработки данных (ЦХОД): в 2023 г. в Сингапуре было 100 ЦХОД, на которые приходилось 7% от совокупного потребления электроэнергии в городе, около 2 тыс. поставщиков облачных услуг и 22 сетевых инфраструктурных кластера [ASEANBriefing 2023]. Уместно отметить и коммерчески привлекательные решения в энергетике: внедрение инструментов «умного» мониторинга спроса, его оптимизации и повышения эффективности домохозяйств, примером чего служит цифровой двойник энергосистемы Сингапура. Таким образом, использование цифровых решений во всех секторах экономики города — от государственных услуг до частного сектора и транснациональных компаний — является практически повсеместным.

Программа «Умная нация» послужила одним из наиболее значимых факторов притока инвестиций в сингапурскую экономику. О его динамике дает представление рисунок 5 на с. 91.

Рисунок 5. Динамика ПИИ в топ-7² отраслей Сингапура по объему ПИИ, млрд сингапурских долл.

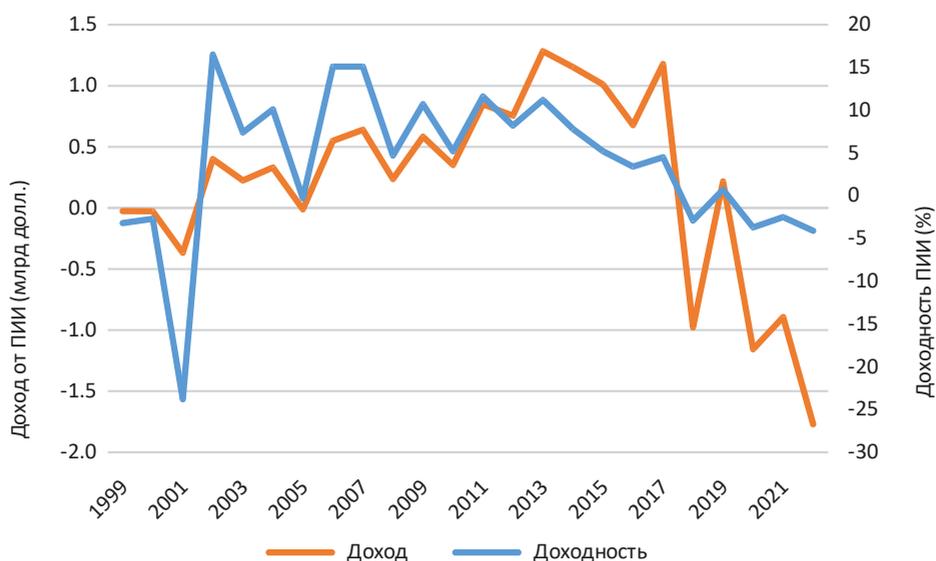

Источник: Department of Statistics of Singapore, 2024e

² Без учета холдинговых компаний.

Вместе с тем Республика Сингапур уже сейчас сталкивается с естественным потолком эффективности инструментов цифровой трансформации. Речь идет прежде всего о негативной динамике показателей рентабельности и дохода от ПИИ в секторе ИКТ (см. рисунок 6 на с. 92). То обстоятельство, что внедрение цифровых технологий в экономику Сингапура происходит преимущественно в рамках деятельности компаний, аффилированных с государством, снижает приток инвестиций. Например, 55% акций одной из крупнейших компаний Республики – Singtel, сеть 5G которой в 2022 г. охватывала 95% территории Сингапура [International Trade Administration 2024a], принадлежит Temasek Holdings, которая, в свою очередь, принадлежит правительству Сингапура [Temasek Review 2023]. Узость рынка по сравнению с соседними странами тоже выступает естественным барьером на пути роста отдачи от инвестиций.

Рисунок 6. Доходность и доход от ПИИ в Сингапуре в секторе ИКТ, % и млрд долл.

Источник: Department of Statistics Singapore, 2024fg

Рассмотренные выше факторы подталкивают к ряду оценок. Цифровая трансформация экономики Республики Сингапур идет быстрыми темпами и включает не только ИКТ, но и традиционные сектора экономики. Однако ряд особенностей Сингапура, прежде всего отсутствие возможностей масштабировать экономические эффекты вследствие узости внутреннего рынка (под которой, уточним, понимается объем спроса, в данном случае со стороны потенциальных интернет-пользователей), выступают естественными ограничителями цифровой трансформации. Это стимулирует сингапурское руководство и корпоративный сектор искать возможности роста за пределами страны.

Одно из таких направлений – сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии в формате Экономического сообщества АСЕАН, нацеленного на создание в ЮВА

единого пространства ведения производственной и коммерческой деятельности, а с недавних пор — на кратное расширение трансграничного сотрудничества в цифровой сфере. Последнее для Республики Сингапур особенно привлекательно, учитывая как уже рассмотренный высокий уровень включенности Республики Сингапур в процессы цифровой трансформации, так и переход мировой экономики к новому технологическому укладу.

Экономическое сообщество АСЕАН в политике Республики Сингапур

В целеполагании Республики Сингапур сотрудничество с партнерами по АСЕАН традиционно занимало значимое место. Решение о формировании зоны свободной торговли АСЕАН и перенос сроков создания Сообщества АСЕАН с 2020 на 2015 год были приняты во время сингапурского председательства в Ассоциации. Именно Сингапур выдвинул в 2002 г. предложение о формировании Экономического сообщества АСЕАН [Grzywacz 2021]. Понимая, что ключевым фактором успеха ЭС АСЕАН является создание в Юго-Восточной Азии единого пространства ведения производственной и коммерческой деятельности, Республика Сингапур поддерживает проекты, направленные на устранение разрывов между странами Ассоциации. Показательно, что инициатива интеграции АСЕАН, с которой начались мероприятия по выравниванию уровней инфраструктурного развития между странами «десятки», была принята в 2000 г. во время сингапурского председательства в Ассоциации [ASEAN Secretariat].

В реализации совместных многосторонних инициатив АСЕАН Сингапур всегда был на шаг впереди своих партнеров по Ассоциации. Показательный пример: помимо участия в формировании зоны свободной торговли Китай — АСЕАН (China — ASEAN Free Trade Area, CAFTA, КАФТА), которое было подписано в 2002-м и вступило в силу в 2010 г., Республика Сингапур в 2008 г. заключила отдельное двустороннее соглашение о свободной торговле с КНР [Ministry of Commerce 2024]. Не менее показательна и нацеленность Сингапура на отход от принципа консенсуса в АСЕАН при принятии экономических решений³, поскольку такой шаг мог как существенно облегчить достижение договоренностей, так и ускорить начало их практического осуществления. В целом интересам Республики Сингапур отвечает форсирование процессов экономической интеграции АСЕАН на основе совместного развития крупных трансграничных проектов.

Однако Республика Сингапур вынуждена отталкиваться от экономических реалий Юго-Восточной Азии. Во-первых, нет ГЦС, созданных предприятиями исключительно стран ЮВА (кроме разве что швейных и обувных производств), оказывающих эффект мультипликатора на многосторонние проекты Ассоциации. В 1960–1980-е гг. предприятия некоммунистических государств ЮВА выстраивали свою трансграничную деятельность преимущественно вокруг японских

³ См.: Wong J., Tan K.S., Mu Y., Tong S., Lim T.S. Study on Singapore's Experience of Regional Economic Cooperation. Research Collection School of Economics. 2009. № 6. https://ink.library.smu.edu.sg/cgi/viewcontent.cgi?article=2177&context=soe_research

глобальных цепочек стоимости, а несколько позже Ассоциация стала развивать собственные многосторонние инициативы с опорой на инструменты негативной интеграции. Сама по себе негативная интеграция не способствует развитию внутриотраслевого и межфирменного сотрудничества настолько, чтобы привести к созданию высокотехнологичного продукта АСЕАН (наподобие автомобиля, смартфона или иного) или услуги вроде общеазиатского туристического маршрута на основе создания связанных друг с другом туристических кластеров и обеспечивающей их инфраструктуры (ЮВА была и остается привлекательным направлением международного туризма).

Отсутствие трансграничных ГЦС предопределило недостаточную развитость международного транспортно-логистического сотрудничества в ЮВА и разную степень готовности расположенных там стран его выстраивать. С точки зрения развития транспортной инфраструктуры Юго-Восточная Азия была и остается фрагментированным пространством, где реализация крупных трансграничных проектов — сети автомагистралей АСЕАН, создание единого рынка морских и воздушных перевозок, равно как других транспортно-логистических инициатив — тормозится нежеланием стран АСЕАН передавать вопросы совместной транспортной политики на наднациональный уровень [Глазатова, Аветисян, Алешин 2023].

Во-вторых, далеки от ожидаемых оказались результаты деятельности Делового консультативного совета (ДКС) АСЕАН. Назначение этой переговорной площадки состоит в создании стимулов для корпоративного сектора стран ЮВА, в том числе микро-, малых и средних предприятий, расширять трансграничные коммерческие обмены. Однако инструменты негативной интеграции, на основе которых Ассоциация выстраивает свои многосторонние проекты, не предполагают налаживания долгосрочного межфирменного взаимодействия. Как итог, проведение регулярных совещаний, заседаний, семинаров и иных форм установления и развития профессиональных контактов в формате ДКС АСЕАН поставлено на регулярную основу, что, однако, не привело к заметному расширению масштаба и повышению качества деловых связей. Не смогли этому содействовать и сингапурские площадки диалога между государством и бизнесом: их потенциала оказалось недостаточно для облегчения выхода предприятий стран АСЕАН на рынки друг друга.

В-третьих, Ассоциация не сочла целесообразным создать собственный орган международного коммерческого арбитража и медиации на основе опыта такого глобального «центра превосходства», как Сингапурский центр международного арбитража (Singapore International Arbitration Center, SIAC). Международный коммерческий арбитраж (МКА) имеет ряд преимуществ, очевидных для корпоративного сектора: конфиденциальность (зачастую участники спора не хотят привлекать к арбитражному разбирательству внимание широкой общественности и конкурентов), возможность самостоятельно выбирать арбитров, окончательность принятых решений и обязательность их исполнения. Особенностью SIAC является то, что он предоставляет возможность перехода от коммерческого арбитража к коммерческой медиации, предполагающей примирение сторон в процессе разрешения спора, если вовлеченные в него стороны сочтут такой шаг целесообразным. То обстоятельство, что в Республике Сингапур размещены штаб-квартиры многих

крупных компаний, в том числе из стран АТР, кратно повышает привлекательность Сингапура и SIAC, учитывая их заслуженную и практически безукоризненную деловую репутацию. Учитывая, что ЭС АСЕАН — масштабный и долгосрочный проект, создание Центра МКА АСЕАН отвечало бы интересам Ассоциации как в содержательном, так и в репутационном отношении.

Заметное, а главное — растущее влияние на формирование ЭС АСЕАН и связанные с ним планы Республики Сингапур играет китайская Инициатива «Пояс и Путь» и американоцентричное Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение (ИТЭРС). Говоря об АСЕАН, подчеркнем главное: ИПП привносит сильный элемент политизации в ее экономическую повестку, а ИТЭРС подрывает готовность Ассоциации действовать как единое целое. В частности, содействуя странам ЮВА в строительстве дорогостоящих и долгореализуемых инфраструктурных проектов, Пекин подталкивает Ассоциацию и входящие в нее страны к решению проблем безопасности ЮВА, прежде всего противоречий из-за Южно-Китайского моря, на выгодных для КНР условиях⁴. Что касается ИТЭРС, то присутствие в его составе семи из десяти стран Ассоциации само по себе негативно сказывается на асеановских перспективных планах, препятствуя повышению инвестиционной и коммерческой привлекательности пространства ЮВА как единого целого.

Процеируя это на интересы Сингапура, отметим следующие моменты. Учитывая, что его население на 76,2% состоит из этнических китайцев [Singapore Academy of Corporate Management 2024], и страна фактически является неофициальной столицей китайского делового сообщества не только в ЮВА, но и за ее пределами, Республика Сингапур активно подключилась к реализации ИПП. Одновременно Сингапур входит в ИТЭРС, а это экономическое направление проекта ИТР, архитекторы которого изначально не скрывали его антикитайской направленности [Борох, Вода и др. 2020]. Это привносит сильный элемент политизации в региональное экономическое сотрудничество, не лучшим образом сказываясь на городе-государстве, учитывая его зависимость от мировой экономической конъюнктуры.

Проблемы Сингапура усугубляются и иным обстоятельством: поскольку собственные ГЦС и инструменты их развития страны АСЕАН не создали, они естественным образом стали ведомыми в эволюции уже работающих моделей и практик сотрудничества. Частный пример, иллюстрирующий общую картину: пандемия COVID-19 изменила приоритеты с быстроты и пунктуальности поставок (just-in-time, «точно в срок», предполагает гибкость в управлении складскими запасами, в идеале — их минимизацию) на их стабильность и безопасность (just-in-case, «на всякий случай», делает акцент на создании дополнительных, зачастую избыточных складских запасов). Учитывая, что существенная часть логистической инфраструктуры находится за пределами ЮВА, предприятия стран АСЕАН не только вынуждены принимать правила, устанавливаемые внерегиональными (так в документах Ассоциации называются ее партнеры не из стран ЮВА) игроками, но

⁴ Подробнее см.: Канаев Е.А., Лю Синтао. Азиатско-тихоокеанские системы безопасности: динамика и факторы развития // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2022. Т. 2. № 2 (55). С. 11–25.

и все ощутимее отстают в отношении развития собственных производственно-технологических связей и реализации совместных проектов. К последним относятся создание общих резервных объектов и фондов на случай чрезвычайных ситуаций, формирование производственных альянсов и обеспечение сквозной прозрачности созданных на их основе ГЦС, совместная ESG-повестка и множество иных. Все это не лучшим образом сказывается на интересах Сингапура, имеющего перспективные наработки по многим из этих направлений.

В общем и целом у АСЕАН нет единой промышленной политики, которая позволила бы создать унифицированное пространство ведения производственной и коммерческой деятельности с эффектом мультипликатора для всех его участников, позитивно сказавшись на Республике Сингапур. Тем более что последний имеет достаточно возможностей играть одну из ключевых ролей в создании, брендировании и продвижении на мировом рынке произведенного странами АСЕАН продукта или услуги. Отсюда — обоснованные сомнения в том, что инструменты Экономического сообщества АСЕАН могут придать заметный импульс развитию Республики Сингапур.

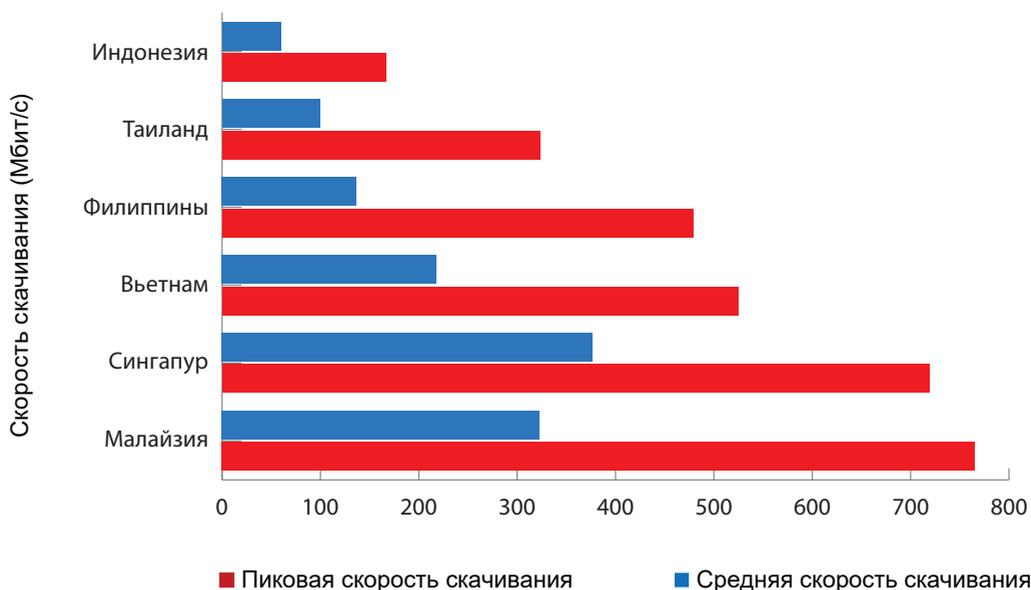
Препятствия на пути реализации цифровых проектов АСЕАН

Возможно ли, что рассмотренные выше узкие места асеановской интеграции будут хотя бы отчасти компенсированы цифровыми инструментами, позволив Сингапуру добрать необходимые ему ресурсы посредством участия в многосторонних цифровых инициативах АСЕАН? Таких инициатив много: начиная от подписания в 2000 г. Рамочного соглашения АСЕАН о сотрудничестве в цифровой сфере (E-ASEAN Framework Agreement) и заканчивая перспективой заключения Рамочного соглашения о развитии цифровой экономики (Digital Economy Framework Agreement), что, как ожидается, произойдет в 2025 г. Однако практические реалии говорят об ином: успешная реализация таких инициатив маловероятна вследствие разрывов в уровнях развития инфраструктуры и цифровых компетенций стран АСЕАН, а также сложностей на пути формирования хотя бы частично унифицированного правового пространства в ЮВА.

С точки зрения развития инфраструктуры важно отметить, что между странами ЮВА остаются значительные разрывы в обеспечении доступа населения к интернету. По последним данным, предоставленным Статистическим ежегодником АСЕАН, в 2022 г. доступ населения стран ЮВА к интернет-услугам варьировался от 98,2% (Бруней) до 44% (Мьянма) [ASEAN 2023a], хотя в последнем случае важна не инфраструктурная, а политическая составляющая проблемы. Еще более показательная ситуация относится к состоянию интернета пятого поколения (5G-интернета) (данные по некоторым странам АСЕАН отсутствуют) (см. рисунок 7 на с. 97).

Учитывая значительный отрыв Сингапура от партнеров по АСЕАН (кроме Малайзии) по этим показателям, сложившаяся ситуация препятствует эффективному развитию трансграничных цифровых инициатив «десятки», будь то интеграция систем государственных услуг, реализация отраслевых образовательных проектов, программ поддержки микро-, малых и средних предприятий и иные.

Рисунок 7. Средняя и пиковая скорость скачивания 5G в странах АСЕАН в 2023 г., Мбит/с

Источник: Statista, OpenSignal

Не менее существенны между государствами АСЕАН и разрывы в уровне развития *цифровых компетенций*, необходимых для эффективного сопровождения инициатив экономического регионализма. Частный пример, иллюстрирующий общую картину, относится к противодействию киберугрозам. В 2020 г. на банки стран АСЕАН пришлось 21.30% фишинговых атак от их общего количества в мире, что больше, чем соответствующие показатели компаний Facebook (запрещена в РФ), Apple, Amazon и WhatsApp⁵.

Осознавая серьезность этой угрозы, государства Ассоциации пока не могут проводить в ее отношении скоординированную политику. В значительной степени это обусловлено разрывами в уровне их соответствующих компетенций (см. рисунок 8 на с. 98).

Не менее актуальная проблема, связанная с реализацией многосторонних цифровых проектов АСЕАН, относится к вопросам *регулирования* трансграничной коммерческой деятельности в цифровой сфере.

Ситуация в ЮВА является производной глобального измерения проблемы. Нормы международного права, регулирующие ведение бизнеса в интернет-пространстве, заметно отстают от практических реалий⁶. Отсюда — сложности в цифровом

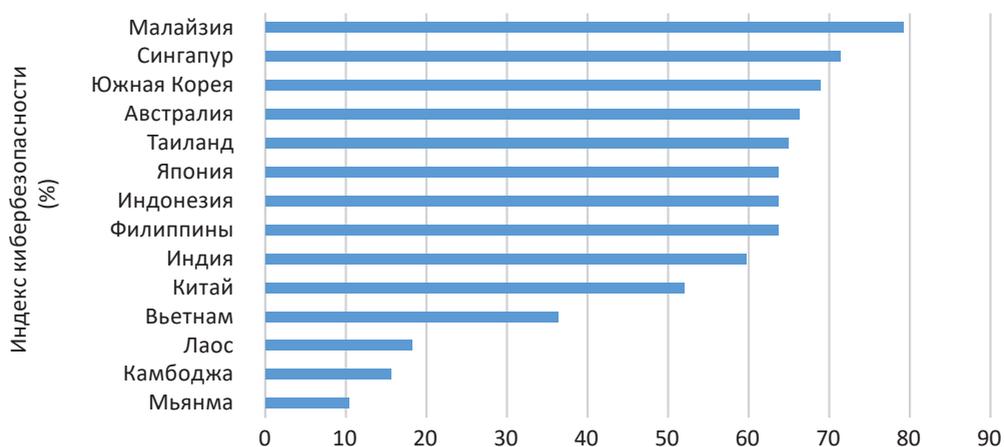
⁵ См. Figure 9. Brands Most Targeted by Phishing Attacks. ASEAN Cyberthreat Assessment 2021. Interpol. [n.p.] P. 16. <https://www.interpol.int/content/download/16106/file/ASEAN%20Cyberthreat%20Assessment%202021%20-%20final.pdf>

⁶ См., например: Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4. С. 3–13.

сопровождении инициатив экономического регионализма в различных регионах, в числе которых ЮВА. Об этом свидетельствуют примеры локализации данных и развития ЦХОД в странах АСЕАН.

Подходы этих государств к возможности трансграничного обмена данными существенно разнятся. На противоположных полюсах находятся Индонезия и Вьетнам с ограничительным подходом и Сингапур со значительно более либеральными взглядами.

Рисунок 8. Страны ЮВА в Национальном индексе кибербезопасности по сравнению с некоторыми внерегиональными партнерами АСЕАН в 2023 г., %

Источник: Statista

Руководство *Республики Индонезия* исходит из того, что любые данные, относящиеся к вопросам безопасности и деятельности правительства, должны храниться на индонезийских серверах. Это распространяется на поставщиков общественно значимых услуг — государственные и частные структуры, работающие в финансовом секторе, страховании, промышленности и социальной сфере⁷.

Схожим образом трактует вопросы локализации данных *Социалистическая Республика Вьетнам* (СРВ). В апреле 2023 г. был издан закон о защите данных (Декрет № 13/2023/ND-CP), согласно которому все поставщики цифровых услуг (электронная коммерция, онлайн-платежи, социальные сети и мессенджеры) должны хранить информацию о гражданах СРВ исключительно на местных серверах или создавать в стране свои представительства. Закон предусматривает специальные требования к трансграничной передаче данных, в частности формирование специального досье об оценке последствий передачи данных за границу (Overseas Data Transfer Impact Assessment) и уведомление правительственных структур о каждом таком факте [Sangfor 2023].

⁷ См.: Panday J., Malcolm J. The Political Economy of Data Localization. PACO. 2018. Issue 11(2). P. 511–527. P. 515. Режим доступа: <http://siba-ese.unisalento.it/index.php/paco/article/viewFile/19553/16635>

Позиция *Республики Сингапур* принципиально иная. Интересам Сингапура локализация данных напрямую противоречит, поскольку она препятствует созданию эффекта масштаба и его последующей капитализации за счет развития трансграничных цифровых проектов. Сингапур, где в 2022 г. проживало 5,637 миллиона человек [ASEAN 2023b], заинтересован в налаживании и расширении трансграничных обменов данными со всеми, кто к этому готов. Согласно вступившему в силу в 2021 г. Закону Республики Сингапур о защите персональных данных, трансграничный обмен информации осуществляется на основе т.н. требований «адекватности данных» (data adequacy requirements), т.е. в соответствии со стандартами не ниже действующих на территории Республики Сингапур (разумеется, при согласии лица, чьи данные передаются). Помимо этого, сингапурское руководство рассматривает в качестве образца передачи данных положения Правил трансграничной конфиденциальности АТЭС (APEC Cross-Border Privacy Rules) [Bhunia 2018].

Остальные страны ЮВА пока не приняли законодательных актов, специально регулирующих вопросы о локализации данных. Однако характер их подходов к обеспечению национальной безопасности и внешнеэкономической деятельности свидетельствует о том, что эти государства склоняются к тому, чтобы информация, как государственная, так и коммерческая, хранилась на национальных серверах.

С вопросами локализации данных тесно связано развитие ЦХОД. Интерес к ним в странах ЮВА обусловлен прежде всего усиливающейся цифровой трансформацией экономических и коммерческих практик и сотрудничеством с Китаем в реализации мероприятий Цифрового шелкового пути. Существенный импульс развитию ЦХОД придала пандемия COVID-19.

Примеров того, что страны ЮВА уделяют повышенное внимание вопросам, связанным с ЦХОД, множество. В *Малайзии* это направление курируется несколькими ведомствами, чья деятельность нацелена на повышение привлекательности страны в целеполагании глобальных цифровых компаний, включая Amazon Web Services (AWS), Microsoft, GDS, Equinix, Yondr и некоторые другие [Singh, Naharu 2023]. Амбициозные планы в отношении ЦХОД строят *Таиланд* и *Индонезия*. Первый рассчитывает стать цифровым коридором между Индией и Китаем в сотрудничестве с крупными глобальными игроками ИКТ-сектора [Onag 2021]. Вторая делает ставку на численность своего населения и планирует к 2025 г. контролировать 40% рынка ЦХОД в ЮВА [Vietnam Plus 2021]. Развивают ЦХОД и *Филиппины*, увязывая их с инфраструктурной составляющей национальных перспективных планов [Business World 2023].

Особый интерес представляет пример *Вьетнама*, стремящегося повысить свою цифровую и, как следствие, международную конкурентоспособность с параллельным укреплением кибербезопасности (посредством законов о локализации данных) и «зеленой» повесткой развития. Хотя успехи *Лаоса*, *Камбоджи*, *Мьянмы* и *Брунея* пока оставляют желать лучшего, можно отметить их стремление интегрировать строительство и обслуживание ЦХОД в субрегиональные инициативы сотрудничества (один из примеров — создание в Нейпидо в сентябре 2022 г. ЦХОД в рамках реализации проекта Ланьцанцзян — Меконг [Xinhua 2022]), в том числе в кооперации с иностранным бизнесом.

По уровню развития ЦХОД Республика Сингапур заметно опережает своих партнеров по АСЕАН. Сингапур адаптировал к этому направлению ранее созданные и хорошо себя зарекомендовавшие нецифровые ресурсы: политическую стабильность, удобство ведения бизнеса, включая налоговые льготы, множество ЗСТ, которые служат площадками для обкатки разнообразных, в том числе передовых, практик цифрового сотрудничества. Соответственно, Сингапур, уступая некоторым другим странам Ассоциации по количеству ЦХОД на своей территории, создает и отлаживает их работу (хотя сравнивать Сингапур с той же Индонезией некорректно в силу множества причин). ЦХОД являются важной составляющей конкурентоспособности Сингапура как глобального делового хаба, где крупные компании размещают свои штаб-квартиры. Эти факторы повышают заинтересованность как сингапурского, так и иностранного бизнеса инвестировать в сингапурские ЦХОД, даже несмотря на ограничивающие факторы — небольшие размеры территории Сингапура, высокая стоимость электроэнергии и иные.

Кумулятивный эффект рассмотренных выше цифровых разрывов между странами АСЕАН не позволяет их компаниям двигаться в сторону выстраивания эффективно работающих трансграничных ГЦС с цифровым сопровождением. Такое сопровождение предполагает обмен данными на основе интеграции ИТ-систем различных звеньев ГЦС (которые могут быть размещены в разных странах), их быструю диагностику и профилактику, использование цифровых двойников физических объектов, задействованных в промышленном цикле, и множество других направлений. Из последних отметим появление таких экзотических, как «цифровой дизайн клиентского опыта» (digital experience design). Невозможность такого сопровождения затрудняет создание асеановского продукта или услуги с цифровой поддержкой и под брендом «Сделано в АСЕАН» даже в средне- и долгосрочной перспективе.

В целом многосторонние инициативы АСЕАН в цифровом пространстве не получили и, скорее всего, еще долгое время не получают законченного оформления. Соответственно, нацеленность Республики Сингапур использовать цифровые инструменты асеановской интеграции для расширения инструментов собственного экономического развития не подкреплена практическими реалиями.

Выводы

Рассмотрение того, каким образом Республика Сингапур выстраивает собственную стратегию развития, позволяет выявить характерные черты, возможности и ограничения сингапурской версии современного новоиндустриализма, ставшего продолжением движения от импортозамещения к экспортноориентированной модели догоняющего развития и увязанного с современными процессами экономической интеграции при ее цифровой поддержке. Признавая несомненные успехи Республики Сингапур в развитии своей экономики и ее цифровой составляющей, нельзя не отметить, что страна нуждается в новых инструментах, способных придать ее развитию новый импульс.

Эти инструменты вряд ли могут быть выстроены вокруг участия Сингапура в цифровых многосторонних проектах АСЕАН. Негативная интеграция, положенная в основу политики АСЕАН, препятствует созданию единого цифрового пространства как необходимого элемента унификации условий и возможностей ведения производственной и коммерческой деятельности, которую становится затруднительно осуществлять даже на уровне отдельных секторов. И тем более вряд ли можно ожидать прорывов в цифровой поддержке всей совокупности хозяйственных связей между странами ЮВА как самостоятельного направления политики АСЕАН.

Это обстоятельство не только подрывает, но и фактически сводит на нет планы Республики Сингапур использовать механизмы асеановского сотрудничества, в том числе – цифровые инициативы, в качестве инструмента стимулирования роста своей экономики. С учетом того, что Сингапур по ряду ключевых параметров цифровой зрелости опережает партнеров по АСЕАН, он оказывается в зависимости от готовности этих партнеровкратно нарастить усилия по повышению своей цифровой конкурентоспособности. Отсюда – основания ожидать, что руководство Республики Сингапур будет вынуждено скорректировать свои приоритеты как в отношении Экономического сообщества АСЕАН, так и реализуемых Ассоциацией многосторонних инициатив сотрудничества в цифровой сфере.

Не менее важно и иное: ставка Республики Сингапур на оптимальные формы и методы участия в международном разделении труда с опорой на дирижизм и азиатские ценности может оказаться не в полной мере релевантной новым условиям. Нынешние реалии дают основания считать, что сингапурская версия новиндустриализма будет в возрастающей степени концентрироваться не столько на внутренних преобразованиях, сколько на формировании внешнего контекста развития страны. Речь идет о создании в ЮВА новой системы размещения производств на фоне углубления инфраструктурных диспропорций расположенными там государствами, производстве товаров и услуг «Сделано в АСЕАН» и их комплексной цифровой поддержке и иных направлениях. Успех в их развитии, учитывая ограниченную готовность к необходимым преобразованиям партнеров Сингапура по Ассоциации, станет важным условием осуществления экономической модернизации страны в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Библиография

Аналитический центр при Правительстве России, 2018. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики №36, «Сингапур: социально-экономические основы процветания». Режим доступа: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/18296.pdf>

Борох О.Н., Вода К.Р. и др. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 124–134. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2020/2020-009.pdf>

Гамза Л.А. Технологический аспект азиатского турне Нэнси Пелоси. М.: ИМЭМО РАН, 2022. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/news/events/text/tehnologicheskij-aspekt-aziatskogo-tur-ne-nensi-pelosi>

Глазатова М. К. (рук. авт. кол.), Аветисян С. С., Алешин Д. А. и др. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2023. Междунар. докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. 2023. С. 232–256. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2024/03/01/2082508483/%D0%9E%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86.%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B2_%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1_%D0%B2_%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5_%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B8_2023-%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4-2.pdf

ASEAN Briefing, 2023. Singapore’s Data Center Sector: Regulations, Incentives, and Investment Prospects. Режим доступа: <https://www.aseanbriefing.com/news/singapores-data-center-sector-regulations-incentives-and-investment-prospects/>

ASEAN Secretariat. Initiative for ASEAN Integration & Narrowing Development Gap (IAI & NDG). Режим доступа: <https://asean.org/our-communities/initiative-for-asean-integration-narrowing-development-gap-iai-ndg/>

ASEAN. ASEAN Statistical yearbook 2023. 2023. Режим доступа: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/12/ASEAN-Statistical-Yearbook-2023.pdf>

Bhunia P. Singapore Joins. APEC Cross-Border Privacy Roles for data Controllers and Processors // OpenGovAsia. 2018. Режим доступа: <https://opengovasia.com/singapore-joins-apec-cross-border-privacy-rules-for-data-controllers-and-processors/>

Business World. PHL Data Center Capacity Set to Soar Five Times by 2025 – DICT. 2023. Режим доступа: <https://www.bworldonline.com/corporate/2023/07/27/536218/phl-data-center-capacity-set-to-soar-five-times-by-2025-dict/>

GovTech Singapore, 2024. History of internet in Singapore – from niche toy to must-have essential. Режим доступа: <https://www.tech.gov.sg/media/technews/history-of-the-internet>

Grzywacz A. Singapore’s Approaches towards ASEAN Integration // ResearchGate. 2021. P. 11. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/350783338_Singapore's_approaches_toward_ASEAN_integration

HKTDC Research, 2024. Singapore: Rules Changed for Hiring Foreign Professionals. Режим доступа: <https://research.hktdc.com/en/article/MTY0NTk3Nzg5Mw#:~:text=On%204%20March%202024%20Singapore,to%20obtain%20an%20employment%20pass>

Infocomm Media Development Authority, 2023. Singapore Digital Economy Report 2023. Режим доступа: <https://www.imda.gov.sg/-/media/imda/files/infocomm-media-landscape/research-and-statistics/sgde-report/singapore-digital-economy-report-2023.pdf>

International Trade Administration, 2024a. Information and Telecommunications Technology. Режим доступа: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/singapore-information-and-telecommunications-technology>

International Trade Administration, 2024b. Singapore Agriculture. Режим доступа: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/singapore-agriculture>

International Water Association, 2024. Singapore. Режим доступа: <https://iwa-network.org/city/singapore/>

Interpol. Brands Most Targeted by Phishing Attacks. ASEAN Cyberthreat Assessment 2021. P. 16. Режим доступа: <https://www.interpol.int/content/download/16106/file/ASEAN%20Cyberthreat%20Assessment%202021%20-%20final.pdf>

Max Alston, Ivailo Arsov, Matthew Bunny and Peter Rickards. Developments in Emerging SouthEast Asia // Reserve Bank of Australia. 2018. Режим доступа: <https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2018/dec/developments-in-emerging-south-east-asia.html>

Ministry of Commerce, People's Republic of China. China – Singapore FTA. 2024 Режим доступа: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/ensingapore.shtml>

Ministry of Trade and Industry, 2023. ASEAN Launches Negotiations on ASEAN Digital Economic Framework Agreement and Bolsters Regional Economic Integration. Режим доступа: <https://www.mti.gov.sg/Newsroom/Press-Releases/2023/09/ASEAN-launches-negotiations-on-ASEAN-Digital-Economic-Framework-Agreement>

Ministry of Trade and Industry, 2024. MTI Maintains 2024 GDP Growth Forecast at “1.0 to 3.0 Per Cent”. Режим доступа: <https://www.singstat.gov.sg/-/media/files/news/gdp4q2023.ashx>

National Library Board. Texas Instruments plant officially opens. Режим доступа: <https://nlb.gov.sg/main/article-detail?cmsuuid=1f22a763-35e6-4587-8f50-d77b65e59b3c>

NTU Singapore. Fairchild Semiconductor. Режим доступа: <https://blogs.ntu.edu.sg/microelectronics/companies/fairchildsemiconductor/>

Onag G. Thailand's EEC on Track with Digital Innovation Hub Goal. // FutureIOT. 2021. Режим доступа: <https://futureiot.tech/thailands-eec-on-track-with-digital-innovation-hub-goal/>

Raymond G., 2021. Jagged Sphere. Lowy Institute Analyses. Режим доступа: <https://www.loyyinstitute.org/publications/jagged-sphere>

S&P, 2023. Singapore economy continues to be hit by slumping exports. Режим доступа: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/mi/research-analysis/singapore-economy-continues-to-be-hit-by-slumping-exports-sep23.html#:~:text=Singapore's%20economic%20growth%20momentum%20in,contracting%20manufacturing%20output%20and%20exports.>

Sangfor. What Is Data Localization? A Special Focus on Southeast Asia. 2023. Режим доступа: <https://www.sangfor.com/blog/cloud-and-infrastructure/what-is-data-localization-a-special-focus-on-se-asia>

Singapore Academy of Corporate Management. Demographics of Singapore. 2024. Режим доступа: <https://singapore-academy.org/index.php/en/education/library-media-center/singapore-presentation/item/218-people-and-nationalities-of-singapore>

Singapore Declaration, 2024. Building an Inclusive and Trusted Digital Ecosystem. Режим доступа: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ENDORSED-Singapore-Declaration_30-Jan-2024-CLN.pdf

Singapore Department of Statistics, 2024a. Foreign Direct Investment in Singapore by Industry (Stock as at Year-End). Режим доступа: <https://tablebuilder.singstat.gov.sg/table/TS/M084831>

Singapore Department of Statistics, 2024b. Principal Statistics of Foreign Direct Investment in Singapore. Режим доступа: <https://tablebuilder.singstat.gov.sg/table/TS/M083791>

Singapore Department of Statistics, 2024c. Gross Domestic Product at Current Prices, By Industry (SSIC 2020). Режим доступа: <https://tablebuilder.singstat.gov.sg/table/TS/M015731>

Singapore Department of Statistics, 2024d. Gross Domestic Product in Chained (2015) Dollars, By Industry (SSIC 2020). Режим доступа: <https://tablebuilder.singstat.gov.sg/table/TS/M015721>

Singapore Department of Statistics, 2024e. Foreign Direct Investment in Singapore by Industry (Stock as at Year-End). Режим доступа: <https://tablebuilder.singstat.gov.sg/table/TS/M084831>

Singapore Department of Statistics, 2024f. Return On Foreign Direct Investment in Singapore by Industry (During The Year). Режим доступа: <https://tablebuilder.singstat.gov.sg/table/TS/M084911>

Singapore Department of Statistics, 2024g. Income of Foreign Direct Investment in Singapore by Industry (During The Year). Режим доступа: <https://tablebuilder.singstat.gov.sg/table/TS/M084871>

Singapore Government, SG101, 2024. 1997 to 2009: Overcoming Multiple Crises. Режим доступа: <https://www.sg101.gov.sg/economy/growing-our-economy/1997/#:~:text=In%201997%2C%20during%20the%20Asian,global%20financial%20crisis%20in%202008>

Singh R., Naharu M.A. Malaysia, the Next Regional Data Center Hub // The Malaysian Reserve. 2023. Режим доступа: <https://themalaysianreserve.com/2023/04/17/malaysia-the-next-regional-data-centre-hub/>

Smart Nation Singapore. Transforming Singapore Through Technology. Режим доступа: <https://www.smartnation.gov.sg/about-smart-nation/transforming-singapore/>

Temasek Review, 2023. A Trusted Steward. Режим доступа: <https://www.temasekreview.com.sg/stewardship/a-trusted-steward.html>

Trademap, 2024. Режим доступа: <https://www.trademap.org>

UNCTADStat, 2024. Merchandise: Total trade and share, annual. Режим доступа: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal>

Vietnam Plus., 2021 Indonesia Aims for 40pct of ASEAN's Digital Economy Market Share by 2025. Режим доступа: <https://en.vietnamplus.vn/indonesia-aims-for-40-pct-of-aseans-digital-economy-market-share-by-2025/206855.vnp>

WIPO, 2023. Global Innovation Index 2023 Innovation in the face of uncertainty. Режим доступа: <https://wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023-en-main-report-global-innovation-index-2023-16th-edition.pdf>

World Bank, 2024. Individuals using the Internet (% of population) - Singapore. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=SG>

Xinhua, 2022. Myanmar Inaugurates Lancang-Mekong Data Center. Режим доступа: http://www.lmcchina.org/eng/2022-09/01/content_42098568.html

Цифровое завтра: как АСЕАН стимулирует рост цифровой экономики

Титов А., Налеванко О., Гайнтдинов Р., Дизон Д., Макланг А.

Титов Александр — PhD, заместитель генерального секретаря Международной ассоциации цифровых экономик (IDEA), руководитель направления ведения международного бизнеса маркетинговой компании *GeiserMaclang Marketing Communications Inc* (Филиппины) и крупнейшей частной экосистемы высокотехнологичных компаний Филиппин *Digital Pilipinas*, соучредитель консалтингового сервиса для помощи инвесторам, стартапам и масштабируемым компаниям *Astrolabe*.

Налеванко Оливер — менеджер по международному бизнесу и маркетингу маркетинговой компании *GeiserMaclang Marketing Communications Inc* (Филиппины), крупнейшей частной экосистемы высокотехнологичных компаний Филиппин *Digital Pilipinas* и консалтингового сервиса для помощи инвесторам, стартапам и масштабируемым компаниям *Astrolabe*.

Гайнтдинов Роман — независимый эксперт по региону Юго-Восточной Азии.

Дизон Дуэйн — менеджер по стратегическим и кризисным коммуникациям маркетинговой компании *GeiserMaclang Marketing Communications Inc* (Филиппины) и крупнейшей частной экосистемы высокотехнологичных компаний Филиппин *Digital Pilipinas*.

Макланг Амор — почетный доктор Университета Рай, участник программы *UID-MIT IDEAS Asia Pacific* Школы менеджмента Слоана Массачусетского технологического института, генеральный секретарь и соучредитель Международной ассоциации цифровых экономик (IDEA), основатель и руководитель крупнейшей частной экосистемы высокотехнологичных компаний Филиппин *Digital Pilipinas*, директор-основатель маркетинговой компании *GeiserMaclang Marketing Communications Inc* (Филиппины).

Для цитирования: Титов А., Налеванко О., Гайнтдинов Р., Дизон Д., Макланг А. Цифровое завтра: как АСЕАН стимулирует рост цифровой экономики // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №1(5).

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-1-105-127>

Ключевые слова: АСЕАН, цифровая экономика, Мировое большинство, цифровизация, экономическое развитие, развивающийся регион.

Аннотация

Появление цифровизации предоставляет беспрецедентные возможности для трансформации в нашу эпоху. Ключевые отрасли, имеющие фундаментальное значение для развития общества, такие как здравоохранение, образование, энергетика и сельское хозяйство, всё больше опираются на глобальную связь и обмен данными. Однако инфраструктура, поддерживающая эти взаимосвязи, должна соответствовать критериям финансовой и физической доступности, а также безопасности, чтобы обеспечить бесперебойное использование.

Интернет, постоянно развивающийся благодаря таким инновациям, как искусственный интеллект (ИИ), открывает уникальные перспективы. Тем не менее, неравенство сохраняется, особенно в развивающихся странах, в которых доступ к ежедневному использованию интернета и владение цифровыми технологиями отстают от развитых государств. Без сопоставимых возможностей доступа и необходимых навыков миллиарды людей, особенно в странах Мирового большинства, рискуют оказаться лишёнными современных технологических достижений.

По состоянию на 2023 г. примерно треть населения планеты — почти 3 млрд человек¹ — остаются без доступа в интернет. Устранение этого цифрового разрыва требует активизации глобального сотрудничества для ускорения внедрения технологий и распространения преимуществ подключения для всех.

Переход к цифровизации требует грамотного обеспечения баланса между снижением рисков и максимизацией возможностей. По мере того, как частные лица и предприятия внедряют цифровую трансформацию, первостепенное значение приобретает принятие защитных мер для повышения доверия пользователей. Для создания устойчивых, взаимосвязанных цифровых экосистем необходима основополагающая политика, включающая правила обеспечения конфиденциальности данных, протоколы кибербезопасности и надёжные институциональные рамки. Передовые системы должны не только проводить идентификацию, но и обеспечивать безопасные и выгодные транзакции, одновременно способствуя ответственному обмену данными.

Азия как один из наиболее динамичных и быстро развивающихся регионов мира является олицетворением экспансивного прогресса в условиях глобальной цифровой экономики. Главный фокус данной статьи — впечатляющие достижения, наблюдаемые в регионе Юго-Восточной Азии, которая, по сути, превратилась в координационный центр растущей цифровизации.

¹ World Economic Forum. These Are the Places in the World Where Internet Access Is Still an Issue – And Why. Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2023/09/broadband-no-luxury-basic-necessity/> (дата обращения: 10 апреля 2024)

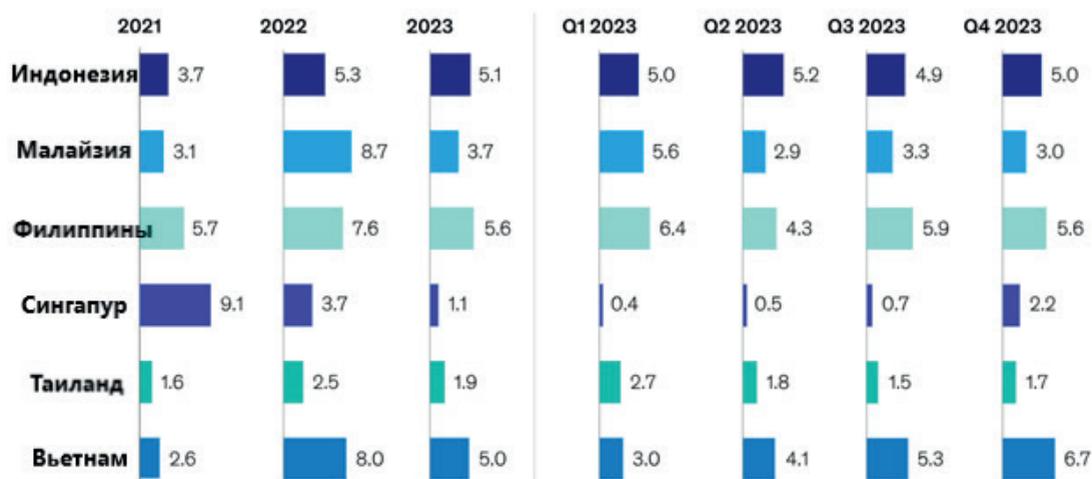
Введение: АСЕАН и ее роль в Мировом большинстве

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) выделяется как успешная модель региональной интеграции, способствующая экономическому росту, стабильности и региональной дипломатии среди десяти государств-членов. Основанная в 1967 г., АСЕАН первоначально сосредоточилась на экономическом сотрудничестве и урегулировании конфликтов. Однако со временем она превратилась в многогранную организацию, занимающуюся безопасностью, социально-культурными проблемами и региональной дипломатией. Такие принципы, как невмешательство во внутренние дела, уважение суверенитета и принятие решений на основе консенсуса, сыграли важную роль в поддержании стабильности и укреплении позиций АСЕАН на мировой арене.

Этот акцент на региональной интеграции стал ключевым драйвером прогресса АСЕАН. Совместными усилиями решая проблемы экономики, безопасности и социальной сферы, государства-члены добились значительного экономического роста (см. рисунок 1 на с. 107): совокупный ВВП в 3,3 трлн долл. в 2021 г. ставит АСЕАН на пятое место в глобальной экономике. Эта экономическая мощь делает объединение основной силой в мировой торговле и инвестициях.

Глобальный сдвиг в сторону многополярного мира открывает перед АСЕАН уникальные возможности. Как представитель развивающегося Глобального Юга АСЕАН служит примером успешной стратегии развития для других развивающихся регионов. Его комплексный подход представляет собой ценную модель сотрудничества по линии Юг–Юг, подчеркивая важность регионального сотрудничества в решении общих проблем и содействии инклюзивному глобальному управлению.

Рисунок 1. Реальный рост ВВП в сравнении с предыдущим периодом, %

Источник: [McKinsey 2024]

Меняющийся глобальный ландшафт подчеркивает значимость интеграции АСЕАН и ее модели регионального и глобального сотрудничества. Действительно, в последнее время глобальный геополитический и экономический ландшафт стал свидетелем заметного перехода к многополярности. Этот процесс отражает растущее влияние стран Мирового большинства. В основном речь идет о регионах, для которых характерны более низкий уровень доходов, развивающаяся экономика и многообразие культур, прежде всего это Африка, Латинская Америка, Азия и отчасти Ближний Восток. Однако в последние годы многие из этих стран достигли значительного экономического роста и развития благодаря таким факторам, как богатство природных ресурсов, индустриализация, прорывные технологии и стратегическое геополитическое положение. АСЕАН, как одно из самых прогрессивных региональных объединений, служит отличным примером для многих.

Кроме того, подъем этих стран привлек внимание к таким вопросам, как сотрудничество Юг–Юг, содействие развитию и необходимость более инклюзивных структур глобального управления, которые бы отражали разнообразие населения мира и помогали противодействовать вызовам, с которыми сталкиваются страны в этих регионах. Таким образом, сдвиг в сторону многополярности подчеркивает направление развития международного сообщества, сигнализируя о более разнообразном и сложном глобальном ландшафте, в котором традиционные структуры власти перестраиваются новыми силами из ранее маргинализированных регионов.

Организация Объединенных Наций (ООН) высоко оценивает и поддерживает АСЕАН как ключевого игрока Мирового большинства. Всемирная организация выражает глубокую благодарность АСЕАН за партнерство и непоколебимую приверженность принципам многосторонности и регионального взаимодействия. АСЕАН играет ключевую роль в продвижении прав человека, основных свобод и инклюзивного политического участия, которые являются неотъемлемыми компонентами построения настоящего, устойчивого и гармоничного общества. Кроме того, вклад АСЕАН безусловно важен для укрепления глобальной экономики в мировом масштабе. ООН неоднократно подтверждала готовность быть надежным партнером АСЕАН в преодолении грядущих вызовов [United Nations].

В этой статье детально рассматривается модель АСЕАН, в частности как именно интегрированный подход ассоциации формирует ее участие в цифровой экономике. Изучается историческое участие АСЕАН в процессе цифровизации, возможности и вызовы, с которыми она сталкивается, ее уникальный вклад и будущая траектория развития. Благодаря этому анализу мы получим понимание решающей роли АСЕАН в продвижении регионального и глобального цифрового развития.

1. Эволюция цифровой повестки АСЕАН

На протяжении более четверти века АСЕАН активно вовлечена в цифровую трансформацию, а именно с момента принятия в 1997 г. «Видения АСЕАН – 2020» (ASEAN Vision 2020). Этот документ был нацелен на укрепление сообщества АСЕАН и положил начало инициативам, направленным на развитие информационных и коммуникационных технологий во всем регионе [ASEAN 1997]. Впоследствии, в 2000 г.

лидеры АСЕАН подписали Рамочное соглашение об электронной АСЕАН (e-ASEAN), ставшее важным шагом на пути к «цифровой реальности» [Agreements, ASEAN]. С тех пор были запущены десятки других инициатив по стимулированию цифровизации в рамках АСЕАН.

С начала XXI в. в Юго-Восточной Азии в целом и в АСЕАН в частности наблюдается быстрое распространение цифровых технологий, чему способствует технически подкованное молодое поколение и почти 700-миллионное население региона, 61% которого, т.е. 383 млн, — это люди моложе 35 лет. В регионе АСЕАН произошел резкий рост числа интернет-пользователей — на 100 млн за четыре года с 2015-го и еще на 100 млн с 2019-го. К 2022 г. насчитывалось уже 460 млн интернет-пользователей [ASEAN 2022].

С началом интернет-бума мессенджеры, социальные сети, кар- и кикшеринг, мобильные приложения служб доставки, интернет-банкинг и многие другие «цифровые продукты» стали неотъемлемой частью жизни большинства людей в Юго-Восточной Азии. Распространенность онлайн-покупок подкрепляется доступностью и использованием цифровых устройств. Это стало очевидным на фоне пандемии COVID-19, когда произошел существенный сдвиг в ретейле — из традиционных магазинов в онлайн. В 2022 г., когда пандемия все еще вызывала беспокойство в некоторых отраслях, валовая выручка цифровой экономики Юго-Восточной Азии достигла почти 200 млрд долларов [Bain and Company].

За последние два десятилетия АСЕАН заключила около семидесяти соглашений, программ комплексного развития, рамочных договоренностей, планов действий и связанных с ними деклараций, что показывает, насколько серьезно эта тема освещена в регионе. Это выходит за рамки простого согласования политики государств — членов АСЕАН по содействию торговле и инвестициям в продукты ИКТ и цифровые услуги и сродни многогранной экономической интеграции, которая выходит за рамки либерализации и упрощения процедур торговли товарами, услугами и инвестициями. Такая цифровая интеграция включает в себя несколько ключевых компонентов, в т.ч. развитие инфраструктуры ИКТ, поощрение цифровых инноваций, сотрудничество в области кибербезопасности, создание вспомогательных учреждений для государств — членов АСЕАН, улучшение цифрового образования и развитие цифровых навыков рабочей силы. Важно отметить, что она включает в себя транзакции как между странами, так и внутри страны, например, инициативы, направленные на расширение широкополосного доступа в сельских районах, где отсутствует адекватная связь.

Однако важно подчеркнуть значительные различия среди членов АСЕАН с точки зрения их готовности к цифровой экономике. Например, в Индексе сетевой готовности 2023 г. Сингапур занял 2-е место из 131 страны мира, Малайзия заняла 40-е место, Индонезия — 59-е, а Филиппины — 69-е. Камбоджа и Лаосская Народно-Демократическая Республика, напротив, имеют низкий рейтинг — 108-е и 109-е места соответственно. Это говорит о том, что прогресс стран АСЕАН в области цифровизации пока неоднородный.

Тем не менее, даже отстающие страны предпринимают ощутимые усилия по укреплению своей цифровой экономики. Возьмем, к примеру, Лаос, который осу-

ществляет активные шаги на пути к цифровому будущему. Телекоммуникационная инфраструктура в стране стала доступна для более чем 98% населения. Около миллиона лаосцев пользуются услугами мобильного банкинга, что свидетельствует о развитии цифровой финансовой экосистемы. Более того, в столице появляется все больше цифровых стартапов, что свидетельствует о расцвете предпринимательской деятельности в цифровой сфере [The World Bank 2022].

Камбоджа также предприняла серьезные шаги, благодаря которым удалось достичь быстрых результатов в цифровой трансформации. Страна достигла одного из самых быстрых в мире темпов внедрения цифровых технологий. В 2023 г. количество пользователей мобильных телефонов и интернета превысило население Камбоджи, составляющее 16 млн человек, а число активных пользователей социальных сетей составило 65% от общей численности населения [UNESCO 2023]. Одновременно страны, занимающие передовые позиции, в настоящее время смещают акцент на расширение своего цифрового присутствия, что укрепит позиции АСЕАН в глобальной цифровой экономике.

2. Основные вехи и инициативы на цифровом пути АСЕАН

На пути АСЕАН в цифровую сферу можно выделить основные вехи и стратегические инициативы, формирующие ее траекторию к цифровому интегрированному сообществу.

Первой важной вехой стало заключение Рамочного соглашения об электронной АСЕАН (e-ASEAN) в 2000 г. В этом знаковом документе были определены ключевые цели, включая содействие сотрудничеству для ускорения развития и конкурентоспособности сектора ИКТ, преодоление цифрового разрыва между участниками объединения и внутри каждой из стран, а также активизация взаимодействия между государством и частным сектором для реализации концепции электронной АСЕАН и содействия либерализации торговли ИКТ-товарами, услугами и инвестициями.

Следующей важной вехой стало подписание «Плана создания Экономического сообщества АСЕАН» в 2007 г. К основополагающим целям усиления динамики экономического развития, устойчивого процветания, инклюзивного роста и комплексного развития в документ в рамках расширения экономической интеграции добавлены задачи, связанные с цифровыми технологиями [ASEAN 2012a].

Следующей вехой стало обнародование Плана комплексного развития ИКТ — 2015, в котором отмечались достижения в сфере ИКТ в странах АСЕАН. В частности, речь шла о расширении экспорта ИКТ-услуг, снижении стоимости доступа к интернету и мобильной связи, а также такие успехи, как рост занятости, связанный с развитием ИКТ, цифровизация государственных услуг и информирование о киберугрозах [ASEAN 2015].

В 2015 г. также был разработан проект Экономического сообщества АСЕАН, представляющий собой комплексный стратегический план, направленный на достижение экономической интеграции между государствами — членами АСЕАН. В Плане изложена дорожная карта по преобразованию АСЕАН в единый рынок

и производственную базу, способствующую экономическому росту и развитию во всем регионе. План структурирован по четырем ключевым направлениям, а именно: единый рынок и производственная база, конкурентоспособный экономический регион, справедливое экономическое развитие, интеграция в мировую экономику [The ASEAN Secretariat 2008].

В 2016 г. был создан Координационный комитет АСЕАН по электронной торговле, что свидетельствовало о приверженности объединения цифровой интеграции. Комитет, сформированный на совещании старших должностных лиц по экономике, играет ключевую роль в обеспечении сближения секторов ИКТ и электронной торговли, а также реализации инициатив по цифровой интеграции в рамках ассоциации.

Еще одной вехой стал Рамочный план действий по цифровой интеграции (DIFAP), который консолидирует усилия, перечисленные в различных стратегических документах, включая проект Экономического сообщества АСЕАН – 2025 и план комплексного развития ИКТ – 2020. Являясь наиболее полным рамочным документом в рамках АСЕАН, DIFAP охватывает широкий спектр областей, подчеркивая значительные достижения в консолидации цифровой политики [Economic Research Institute for ASEAN and East Asia 2023].

Быстрая цифровая трансформация, ускоренная пандемией COVID-19, дополнительно подчеркнула важность цифровизации в рамках экономической интеграции АСЕАН. Это понимание подтолкнуло АСЕАН к смещению стратегического фокуса на приоритеты цифровой политики и постановке цифровых инициатив на передний план своей повестки дня.

Ожидается, что Рамочное соглашение по цифровой экономике (DEFA) и Повестка дня на период после 2025 г. станут предстоящими вехами, намечающими курс цифрового будущего АСЕАН. В совокупности эти инициативы отражают приверженность АСЕАН целям расширения цифровой экономики и реализации своего видения интегрированного в цифровом отношении сообщества.

3. Возможности АСЕАН в новой цифровой экономике

АСЕАН находится в авангарде самого быстрорастущего цифрового рынка в мире с ежедневным притоком более 100 000 новых пользователей. Пандемия COVID-19 стала катализатором глубокого перехода к цифровой трансформации, приняв в ряды дополнительно 60 млн цифровых потребителей. В результате этого всплеска число интернет-пользователей в АСЕАН в 2022 г. превысило 460 млн, и эта цифра продолжает расти (см. таблицу 1 на с. 111).

Таблица 1. Число интернет-пользователей в Юго-Восточной Азии, млн чел.

2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
360	400	440	460

Источник: [The ASEAN Magazine 2022]

Помимо традиционных цифровых продуктов еще пять технологических трендов — интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект, блокчейн и финтех — изменят экономику АСЕАН и окажут влияние на производство, структуру промышленности и внешнюю торговлю [Asia – Nikei 2021]. Развитие интернета вещей, включая облачные сервисы, межмашинное взаимодействие и сенсорные технологии произведут революцию в различных сферах в АСЕАН. По прогнозам, к 2030 г. 25 млрд взаимосвязанных умных устройств будут обеспечивать эффективность производства, логистики и цепочек поставок, что позволит сократить затраты и повысить производительность. И все это найдет применение в странах АСЕАН.

Большие данные, основанные на сложной аналитике, позволят бизнесу, правительствам и частным лицам использовать массивы информации для принятия решений и совершенствования продукции в режиме реального времени. Понимание данных позволит предприятиям, правительствам и частным лицам отслеживать и совершенствовать свою деятельность, а также принимать решения в режиме реального времени на основе полученной информации. Это также дает организациям возможность совершенствовать свои продукты и услуги для лучшего удовлетворения потребностей клиентов. В сочетании с искусственным интеллектом большие данные меняют такие отрасли, как финансы, улучшают алгоритмическую торговлю и аналитику рынка, а также открывают путь для квантовых вычислений и достижений в области телекоммуникаций.

3.1. Углубленный анализ технологий в регионе

Искусственный интеллект представляет собой преобразующую силу, примером которой является появление генеративного ИИ, такого как ChatGPT [INNOMA 2023]. Используя анализ данных и машинное обучение, ИИ управляет автономным принятием решений и адаптивной робототехникой, что позволяет им работать в различных рабочих средах и постоянно независимо обучаться. Более того, стартапы в области искусственного интеллекта заработали более 2,5 млрд долл. в странах Юго-Восточной Азии [INNOMA 2023], что подчеркивает растущий интерес к искусственному интеллекту в регионе.

Искусственный интеллект, 5G, блокчейн и Web 3.0 способствуют развитию технологического сектора в регионе. В частности, ИИ наращивает обороты — 149 компаний [The New York Times 2023] активно используют его возможности. Эти компании задействуют такие ИИ-технологии, как машинное обучение, глубокое обучение, обработка текстов на естественном языке, компьютерное зрение, прогностическая аналитика, нейросети, древовидная схема принятия решений и кластеризация.

Значительные инвестиции в ИИ-компании подтверждают важную роль интеллекта во внедрении инноваций. Рост инвестиций отражает популярность основанных на данных стратегий, автоматизации и умных решений, направленных на революционное изменение индустриальных норм и повышение эффективности работы.

Блокчейн, который часто ассоциируется с криптовалютой, также представляет собой революционную технологию. Это децентрализованная база данных, функционирующая как открытый и надежный публичный реестр, устойчивый к попыткам взломов и при этом доступный всем. Обеспечивая трансфер ценностей через компьютерные сети, протоколы повышают доверие к транзакциям без какого-либо центрального регулирования. Блокчейн изначально был связан с криптовалютами, но затем продемонстрировал более масштабный потенциал. Его применение охватывает различные секторы, включая финансовые транзакции, ведение учета, системы проверки и смарт-контракты. Например, блокчейн способен совершить революцию в сфере трансграничных переводов, существенно сократив комиссии за операции. Кроме того, он обещает повысить прозрачность и доступность регистрации земли и подтверждения владения активами, одновременно укрепляя целостность государственных отчетов и сервисов, таких как сбор налогов.

Еще одна возможность, которая открывается для АСЕАН в новой цифровой экономике, — это финансовые технологии (финтех), переживающие фактически взрывной рост в регионе. Этому процессу способствует молодое технически продвинутое население, которому удобно совершать цифровые транзакции, а также бум цифровой экономики. Мобильный кошелек и оплата по QR-коду — самые популярные сервисы, а с улучшением доступа к интернету на горизонте появляется перспектива бесшовных трансграничных платежных операций. Финтех оказывает существенное воздействие на финансовую инклюзивность, позволяя быстрее одобрять заявки на кредиты и интегрируя финансовые возможности в повседневную онлайн-деятельность. Затронута и сфера страхования. InsurTech предлагает такие инновационные продукты, как микрострахование, которое привлекательно для тех, у кого нет достаточного доступа к банковским услугам. Но и это еще не всё. Финтех стремится вовлечь талантливых людей, бесшовно интегрировать финансовые услуги в повседневную жизнь и найти баланс между передовыми разработками и прибыльностью.

Перечисленные выше технологии, безусловно, окажут значительное влияние на производительность труда, экономический рост, развитие профессиональных навыков, распределение доходов, благосостояние и экологическую устойчивость в странах АСЕАН. Ряд исследований показывает преимущества, связанные с «будущей промышленной революцией», или индустрией 4.0. Эта революция предполагает интеграцию цифровых технологий в промышленное производство, стимулирование инноваций, эффективности и в некоторых случаях создание новых товаров и услуг [Raykan 2023].

Но как можно преобразовать технологии в преимущества и прибыль для жителей стран АСЕАН? Почему регион заслуживает глобального внимания и какие возможности требуют детального изучения?

3.2. Молодое и технически продвинутое население

Пандемия COVID-19 стала серьезным испытанием на прочность и способность адаптироваться, особенно для молодого поколения. Жители Юго-Восточной Азии

продемонстрировали впечатляющие успехи в адаптации к современным реалиям и вызовам. Включившись в цифровизацию, молодежь стран АСЕАН доказала свои умения, стремление к инновациям и готовность использовать открывшиеся в пост-пандемийную эпоху возможности [The World Economic Forum 2020b].

Как следствие, государства — члены АСЕАН становятся свидетелями всплеска цифровой трансформации, способствующей формированию поколения, владеющего технологиями и готового обеспечить устойчивый рост цифровой экономики. Опрос, проведенный среди более чем 68 000 человек в возрасте от 16 до 35 лет в шести странах АСЕАН, дал убедительные выводы. Почти девять из десяти молодых людей сообщили об активном использовании по меньшей мере одного цифрового инструмента в период пандемии, почти половина (42%) освоили хотя бы один новый цифровой инструмент [The World Economic Forum 2020a]. Кроме того, молодежь региона оказалась вовлеченной в различные цифровые виды деятельности, включая онлайн-шопинг, цифровое обучение, электронный банкинг, электронные кошельки, онлайн-игры (GameFi, Play-To-Earn) и исследование метавселенной. (Прогноз для возрастной структуры населения стран ЮВА см. на рисунке 2 на с. 115.)

Цифровой сдвиг не ограничился только потребителями, продавцы тоже охотно приняли цифровую сферу. Как показывают исследования, треть предпринимателей фиксирует рост использования платформ электронной торговли, а четверть из них впервые вышли на эти платформы во время пандемии.

3.3. Растущая цифровая экономика

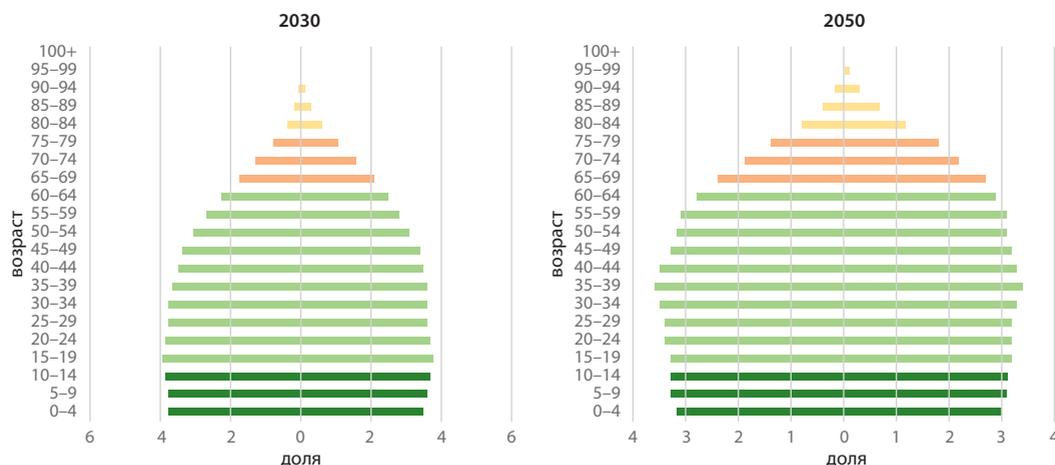
Иностранные инвесторы все чаще рассматривают технологии и инновации в качестве главных драйверов инвестирования в АСЕАН, обеспечивающих развитие потребительских рынков и сокращение производственных издержек. По прогнозам, к 2030 г. вклад этого региона с населением, превышающим 660 млн человек, в цифровую экономику составит 1 трлн долл. Притоку прямых иностранных инвестиций способствует огромный потенциал цифровой торговли. На фоне инновационного бизнес-ландшафта ожидается, что почти 70% новой добавленной стоимости, создаваемой в АСЕАН в ближайшие 10 лет, будет обеспечено цифровыми платформами [Bloomberg].

Например, доходы интернета вещей к 2024 г., по прогнозам, превысят 60 млрд долл. Кроме того, в регионе зафиксировано создание более 600 крипто- и блокчейн-стартапов, которые привлекли 737 млн долл. инвестиций [Korea Blockchain Week 2023]. Инвесторов все больше привлекают растущие возможности в цифровом ландшафте АСЕАН, в этом процессе лидирует Сингапур с самой передовой экономикой в регионе, занимающий пятое место в Глобальном индексе инноваций.

Цифровые платежи переживают настоящий бум в регионе — их объем превысил 800 млрд долл. в 2022 г. Чтобы сохранить конкурентоспособность, предприятия электронной коммерции должны обеспечить бесшовную интеграцию оплаты наличными и цифровых платежей в режиме реального времени, оптимизировав свою работу. Для решения этой проблемы онлайн-продавцы все чаще

применяют инновационные финансовые решения «подключи и работай» для таких задач, как сверка денежных потоков и управление платежным циклом [Bloomberg Sponsored 2023].

Рисунок 2. Возрастная структура населения стран Юго-Восточной Азии, 2030-2050 гг.

Источник: [Economic and Social Commission for Asia and the Pacific].

Развитие данных процессов поддерживается целым набором инновационных решений для финансовых услуг. На фоне распространения цифровых экосистем и эволюции норм регулирования идет новая волна партнерства банков и финтеха по программированию интерфейса приложений, чтобы обеспечить взаимодействие в режиме реального времени. Удобные для пользователя, доступные приложения играют важнейшую роль, особенно в регионе, в котором 70% взрослого населения не имеет доступа к банковским услугам [Temenos 2023]. Поэтому дальнейшее развитие открытых цифровых банковских решений — это значительный шаг на пути к большей финансовой инклюзивности для жителей Юго-Восточной Азии.

Таблица 2. Страны с самым низким уровнем доступа к банковским услугам

	Марокко	Вьетнам	Египет	Филиппины	Мексика	Нигерия	Перу	Колумбия	Индонезия	Аргентина
Население, млн чел.	36,9	97,3	102,3	109,6	128,9	206,1	33,0	50,9	273,5	45,2
Население, не имеющее доступа к банковским услугам, %	71	69	67	66	63	60	57	54	51	51
Транзакции наличными, %	41	26	55	37	21	24	22	15	13	18
Транзакции по картам, %	27	35	27	22	44	27	62	55	34	45

	Марокко	Вьетнам	Египет	Филиппины	Мексика	Нигерия	Перу	Колумбия	Индонезия	Аргентина
Число банкоматов на 100 000 взрослых	28,6	25,9	20,1	29,0	61,5	16,9	126,7	41,3	53,3	60,9
Интернет-охват, %	62	66	45	60	66	70	49	62	55	76

Источник: [Mercuryo]

3.4. Региональное сотрудничество

Приверженность АСЕАН региональной интеграции посредством таких инициатив, как Генеральный план цифрового развития – 2025, закладывает фундамент для гармонизации политики, развития инфраструктуры и совместных усилий в сфере кибербезопасности и распространения цифровых навыков. Такой коллективный подход позволит максимально увеличить влияние региона в цифровом пространстве. Документ, опубликованный в январе 2021 г. после первой встречи министров цифрового развития, подтверждает важность ускоренной цифровизации, о которой говорилось в предыдущих планах. Однако План-2025 уделяет значительно больше внимания внедрению цифровых услуг и развитию вспомогательной инфраструктуры [ASEAN 2021]. Для достижения поставленных задач требуется проактивная политика в сочетании с развитием необходимой инфраструктуры, механизмов поддержки и бесшовной интеграции [Quah, Chen 2021].

3.5. Инновационная экосистема

АСЕАН развивает динамичную экосистему стартапов и инноваций, привлекает инвестиции и стимулирует разработку новых цифровых решений, адаптированных к местным потребностям. Такой подход не только создает возможности трудоустройства, но и способствует региональному экономическому росту. АСЕАН активно развивает экосистему, в равной степени привлекательную для новаторов, разработчиков, трейдеров, клиентов и потребителей. После трансформирующего влияния COVID-19 во всем мире наблюдается поиск инновационных центров, которые позволят предпринимателям и компаниям осваивать новые возможности через инновационные процессы, продукты и услуги.

Таким образом, существует острая необходимость создать экосистему для поддержки предпринимателей – она обеспечит им доступ на ключевые рынки, финансирование, сети, квалифицированные человеческие ресурсы, учитывая особую значимость новых знаний и обучения. Чтобы добиться роста инновационного предпринимательства, нужно проработать географическое и секторальное распределение. Именно в этом аспекте АСЕАН играет ключевую роль, предлагая растущие рынки, огромное количество профессиональных кадров и инклюзивность, включая основы для обеспечения роста цифровых стартапов в АСЕАН. Главная цель этой структуры – «разработать фундамент жизнеспособной эко-

системы для цифровых стартапов в АСЕАН... и стимулировать выработку соответствующими министерствами основанной на передовой практике политики в целях укрепления экосистем стартапов, в особенности в целях продвижения роста цифровых стартапов в странах объединения» [ASEAN 2023]. Чем больше открывается стартапов, тем более зрелой становится предпринимательская экосистема Юго-Восточной Азии, следовательно, закладывается фундамент для последующих поколений стартапов и инноваций, а регион становится примером для подражания в глобальном масштабе.

Кроме того, крайне важно учитывать стратегическое положение и статус, которые АСЕАН приобрела за последние десятилетия. Во-первых, с географической точки зрения Юго-Восточную Азию часто называют «перекрестком мира» [Alberts 2013], т.к. она имеет важное значение для соединения крупных рынков, таких как Китай и Индия, тем самым поддерживая потенциал региональных и глобальных торговых потоков. К тому же АСЕАН активно реализует стратегии прорывного роста, выходя за рамки традиционного поэтапного движения. Так, инновационные решения принимаются не только в электронной коммерции и индустрии развлечений, но и в таких важнейших секторах, как здравоохранение, образование и финансовая доступность. Эти решения обещают решить проблемы в этих сферах и расширить возможности маргинализированных сообществ, сокращая разрыв в развитии внутри государств-членов и между ними.

4. Вызовы

За последние десять лет цифровая трансформация стала одной из самых мощных инноваций, формирующих современную жизнь. Несмотря на некоторое замедление в 2022-м, начиная с 2020 г. технологические стартапы в Юго-Восточной Азии привлекли более 8 млрд долл. АСЕАН может похвастаться более чем 30 стартапами в 2021-м, которые оцениваются в 1 млрд долл. Это свидетельствует об увеличении базы интернет-пользователей в регионе и улучшении доступа к интернету [Yan Ing, Markus 2023]. Однако на пути цифровой трансформации регион по-прежнему сталкивается с различными вызовами.

Главный из них — это цифровой разрыв, т.е. неравномерность скорости интернета и его использования, а также доступа к технологическим продуктам в различных сегментах общества. Кроме того, озабоченность вызывают киберугрозы, которые несут риски для частных лиц, бизнеса и правительств. Вопрос цифровой грамотности остается серьезным вызовом практически везде, поскольку многим не хватает навыков эффективного использования цифрового ландшафта.

Кроме того, существует заметный дефицит профессиональных навыков среди рабочей силы, что препятствует использованию потенциала цифровых технологий в полной мере. Вопросы управления данными, фрагментация норм регулирования и этические проблемы также осложняют цифровую трансформацию в регионе АСЕАН. Необходимо разобраться с этими многофакторными вызовами, чтобы блага цифровизации распределялись равномерно и способствовали инклюзивному росту и развитию всех стран АСЕАН.

4.1. Цифровой разрыв

Одна из главных проблем цифровой трансформации заключается в неравномерном распределении современных технологий, обусловленном ограниченным доступом и возможностями. Готовность стран к новой цифровой эпохе существенно отличается по трем показателям: скорость интернета, пользование интернетом и технологичность производства.

Например, в Камбодже и Мьянме скорость интернета составляет 44 и 20 Мбит/сек соответственно, что заметно ниже лидирующего по скорости Сингапура, где этот показатель более 270 Мбит/с. Ярко выраженные различия в этой области между странами очевидны.

Еще один разрыв связан с использованием интернета. В 2020 г. в странах с высоким доходом интернет-охват достигал 90%, в странах со средним доходом — около 45%, а в странах с низким доходом — менее 21%. Рейтинг по доле интернет-пользователей возглавлял Бруней (95,0% населения), затем следовали Сингапур (92,0%) и Малайзия (89,6%). Самые низкие показатели демонстрировали Мьянма (35,1%) и Лаос (33,8%).

Неравномерность инфраструктуры

Сингапур и Малайзия являются лидерами региона по цифровой инфраструктуре. Сингапур может похвастаться практически повсеместным интернет-охватом и современными оптоволоконными сетями. Приоритетом для Малайзии стало расширение зоны покрытия широкополосным мобильным интернетом в сельских районах [Infocomm Media Development Authority]. Такие члены АСЕАН, как Лаос и Мьянма, напротив, сталкиваются с вызовами из-за ограниченного доступа к интернету, особенно в отдаленных районах. Необходимость развития инфраструктуры для преодоления цифрового разрыва в АСЕАН отмечается Азиатским банком развития [Asian Development Bank 2017].

Разрыв в цифровой грамотности

Разрыв в цифровых навыках — еще один ключевой дифференцирующий фактор. В Сингапуре и Таиланде созданы системы обучения, приоритетами которых стали цифровая грамотность и программа STEM (образование на стыке нескольких наук). Таким образом трудовые ресурсы готовят к цифровой экономике. Однако другие члены АСЕАН борются с ограниченным доступом к качественному образованию, особенно в сельских районах. В результате трудовые ресурсы в этих странах менее подготовлены к полноценному участию в цифровой революции [Bangkok Post 2022].

Неравномерность развития электронной торговли

Использование платформ электронной торговли в странах АСЕАН тоже различается. Сингапур с его хорошо развитой цифровой инфраструктурой и высоким

уровнем проникновения интернета является лидером по внедрению электронной коммерции [Singapore Business Federation]. Некоторые члены, наоборот, находятся на более ранних стадиях, при этом большая часть населения полагается на традиционные магазины. Существуют различия в инфраструктуре цифровых платежей и логистических сетях, что влияет на рост электронной коммерции во всем регионе [Bloomberg – Sponsored].

Государственная политика и цифровизация

Правительственные инициативы играют ключевую роль в формировании усилий по цифровизации. Некоторые члены АСЕАН, например Сингапур, выработали четкую политику и нормы регулирования, направленные на продвижение цифровизации и привлечение инвестиций в технологический сектор [Smartnation]. Эта политика часто фокусируется на развитии инфраструктуры, развитии талантов и стимулировании инноваций. Другие страны находятся пока на ранних стадиях создания благоприятной нормативной среды для цифровой экономики.

Цифровые государственные сервисы

Сингапур является лидером и в предоставлении цифровых государственных услуг. Граждане и бизнес имеют доступ к широкому спектру услуг онлайн, что упрощает процессы и повышает эффективность [Singapore Government Agency Website]. Другие члены находятся на разных стадиях реализации аналогичных инициатив, причем некоторые сталкиваются с проблемами при внедрении цифровых государственных услуг из-за таких факторов, как ограниченная инфраструктура или более низкий уровень цифровой грамотности среди населения.

4.2. Киберугрозы

В современном цифровом ландшафте киберугрозы превратились из проблем, возникающих периодически, в ежедневный вызов для многих видов бизнеса. От сложных схем фишинга до атак с использованием программ-вымогателей и шпионажа – организации сталкиваются с множеством киберрисков, сложность которых постоянно возрастает. Эти угрозы, использующие даже малейшие уязвимые места, подчеркивают острую необходимость в передовых мерах кибербезопасности для защиты активов и данных клиентов, включая кадровое обеспечение специалистами по кибербезопасности.

К счастью, правительства стран АСЕАН заняли проактивную позицию в вопросе усиления мер кибербезопасности. Посредством выработки и имплементации жестких норм регулирования они намерены обеспечить надежную защиту региона от киберугроз. Такие инициативы, как Стратегия сотрудничества АСЕАН в сфере кибербезопасности, служат примером неизменной приверженности повышению осведомленности и потенциала кибербезопасности в государствах-членах [ASEAN 2022].

4.3. Управление данными в регионе

Необходимость сбалансировать проблемы конфиденциальности данных с потребностью внедрения основанных на данных инноваций подчеркивает важность разработки четких и гармонизированных систем управления данными во всем регионе АСЕАН. Несмотря на цифровую интеграцию, прогресс в регулировании данных происходит медленно. Существующие структуры и планы управления данными в основном состоят из общих принципов. Например, Рамочный документ АСЕАН по защите персональных данных [ASEAN 2012c] излагает принципы защиты персональных данных, а Рамочный документ АСЕАН по управлению цифровыми данными предлагает общие руководящие принципы, но они не имеют обязательной силы [ASEAN 2012b].

В странах — членах АСЕАН действуют разные нормы регулирования в отношении данных, что отражает различия в приоритетах и усилиях по гармонизации законодательства. В некоторых странах вступили в силу всеобъемлющие законы об ограничении потоков данных, другие отдают приоритет нормам защиты. Например, в Индонезии и Вьетнаме приняты законы о локализации данных. В соглашениях о свободной торговле принятие государствами — членами АСЕАН правил использования данных остается непоследовательным. На этом фоне выделяется Сингапур, который в многочисленных соглашениях о свободной торговле прописывает положения, связанные с данными, другие страны берут на себя лишь ограниченные обязательства [Lee 2023].

Однако во многих соглашениях о свободной торговле в рамках АСЕАН есть строгие положения, разрешающие определенные исключения с точки зрения защиты данных, в частности касающиеся национальной безопасности. Различная система регулирования данных в Юго-Восточной Азии препятствует достижению цели АСЕАН по развитию единой цифровой экономики и ставит регион перед проблемами в глобальном управлении данными, подчеркивая необходимость существенных улучшений.

4.4. Фрагментация нормативно-правовой базы

Фрагментированная регулятивная база представляет серьезное препятствие для эффективного функционирования цифровой экономики АСЕАН. Унификация норм регулирования позволит компаниям региона выйти за пределы локальных рынков и охватить более широкий круг потребителей, что обеспечит увеличение доходов. В настоящее время многие компании, работающие в АСЕАН, сталкиваются с ограничениями, обусловленными несовершенством цифрового регулирования на национальном уровне. К этому добавляются различные правила, введенные глобальными торговыми партнерами. Из-за расхождений в регулировании потоков данных фирмы, занимающиеся трансграничной электронной торговлей, вынуждены работать на неоднородном ландшафте. А это не только ведет к увеличению издержек, связанных с соблюдением норм регулирования, но и препятствует участию в цифровой экономике и доступу на рынки АСЕАН. Как показывают ис-

следования, проблемы с трансграничной передачей данных в таких странах, как Индонезия или Вьетнам, потенциально могут сократить их ВВП на 0,5 и 1,7% соответственно. Основным барьером на пути цифровой торговли, как подтверждает большинство опрошенных компаний, являются ограничения информационных потоков [Cozy 2020].

Чтобы создать целостную нормативно-правовую базу для региональной цифровой экономики, у АСЕАН и ее торговых партнеров в приоритете должна быть прозрачность при выработке и имплементации цифрового регулирования. Торговый реестр АСЕАН должен быть расширен, чтобы охватить области, влияющие на операции цифрового бизнеса, такие как управление данными и модерация контента, и должен интегрироваться с национальными торговыми репозиториями ключевых торговых партнеров.

АСЕАН необходим системный подход по аналогии с Рамочным соглашением по управлению цифровыми данными и Соглашением по электронной торговле с акцентом на обеспечение безопасных трансграничных потоков данных и вспомогательные приоритетные секторы, чтобы стимулировать рост региональной цифровой экономики. Ускорение реализации Рамочного соглашения АСЕАН по цифровой экономике (DEFA) и АСЕАН+ DEFA повысит открытость, безопасность, взаимодействие и конкурентоспособность цифровых экономик региона [Sithanonxay 2023].

Развивающаяся региональная цифровая экономика обладает огромным потенциалом для модернизации АСЕАН за счет внедрения цифровых технологий, способствуя росту на базе частного сектора. Для реализации этих планов необходима повышенная прозрачность цифрового регулирования, более унифицированная нормативная база в Юго-Восточной Азии и стратегическое сотрудничество с основными мировыми торговыми партнерами.

4.5. Разрыв в цифровой грамотности и навыках

Ликвидировать разрыв в цифровой грамотности и навыках, учитывая различную демографию стран региона, — ключевая задача для обеспечения инклюзивного участия в цифровой экономике и использования преимуществ цифровой трансформации. Опросы показывают, что, хотя большинство молодых людей осознают важность цифровой грамотности для своего будущего, многие чувствуют, что им не хватает достаточных цифровых навыков [Marwaan 2024]. Определенные демографические группы — сельские жители, этнические меньшинства, пожилые люди, как правило, демонстрируют более низкий уровень цифровой грамотности по сравнению с молодежью.

Те, кому не хватает этих знаний, воспринимают цифровую грамотность как важный элемент развития навыков и содействия более эффективному обучению. Такие виды деятельности, как поиск информации онлайн, стали привычными, однако малое число людей занимается более сложными вопросами — созданием цифрового контента или разрешением проблемных задач. Существуют заметные расхождения в уровне цифровой грамотности в странах АСЕАН: в Мьянме и Лаосе меньшее число школьников обучается цифровым навыкам. В некоторых других

странах значительная доля молодых людей не проходит официальное цифровое обучение, а качество имеющихся образовательных программ часто оценивается как среднее.

Ограниченный доступ к техническим ресурсам и инфраструктуре в сочетании с неадекватной подготовкой в школах создает серьезные барьеры для повышения цифровой грамотности. Чтобы решить эту проблему, молодежь выступает за увеличение числа практических занятий, расширение доступа к технологиям, предоставление квалифицированных преподавателей и вовлечение всех заинтересованных сторон.

4.6. Этические проблемы

Широкое распространение цифровых платформ вывело на первый план этические проблемы, связанные с конфиденциальностью данных, модерацией онлайн-контента и потенциальным усилением социального и экономического неравенства. Правительства стран АСЕАН осуществляют мониторинг цифрового развития и инициировали стратегии и рамочные соглашения, направленные на решение этих проблем. Более того, АСЕАН совместными усилиями готовит региональное руководство по решению этических вопросов. К работе привлечены правительства, представители промышленности, ученые, активисты гражданского общества. Их цель — максимально расширить блага цифровой экономики и одновременно эффективно и устойчиво минимизировать риски [Lee Kok Thong 2024]. Членам АСЕАН необходимо последовательно продолжать работу над нормами, которые не только решают этические проблемы, но и будут способствовать инновациям в цифровой сфере.

5. Что дальше?

Несмотря на вызовы, созданные глобальной пандемией COVID-19 и продолжающейся геополитической напряженностью, отрасли, использующие цифровизацию, продемонстрировали устойчивость и стабильный рост, а также многообещающие перспективы. В Юго-Восточной Азии цифровизация идет стремительными темпами благодаря притоку новых интернет-пользователей и активному развитию электронной торговли, финтех, криптосферы, искусственного интеллекта и других видов деятельности. Если заглянуть вперед, будущее цифровой экономики в регионе выглядит многообещающим и открывает огромные возможности для новых инвесторов, которые стремятся диверсифицировать свои инвестиционные портфели и изучают динамичные рынки, обладающие потенциалом устойчивого развития в различных отраслях.

Как отмечалось выше, цифровая экономика стран — членов АСЕАН, по прогнозам, превысит 1 трлн долл. к 2030 г. Траекторию роста поддерживают впечатляющие показатели интернет-охвата в АСЕАН — сегодня это 75%, или 350 млн цифровых пользователей [YCP Solidiance 2021].

Ожидается, что в АСЕАН произойдет значительный рост валовой стоимости товаров электронной коммерции на 62%, который потенциально достигнет 234

млрд долл. к 2025 г., превысив предыдущие оценки в 172 млрд долл. Такой стремительный рост открывает огромные возможности для всех заинтересованных сторон, вызывая растущий интерес со стороны инвесторов, присматривающихся к возможностям региона, в котором АСЕАН занимает лидирующие позиции.

Например, платформы электронной коммерции, независимо от их текущего положения на рынке, по прогнозам, потребуют постоянного притока новых продавцов для поддержания траектории своего роста, тем самым открывая значительные возможности для новых участников и малых и средних предприятий как поставщиков товаров и услуг. Кроме того, предприятия в смежных секторах, таких как логистика, могут извлечь выгоду от электронной коммерции, поскольку растет спрос на такие услуги, как доставка в тот же день и на большие расстояния [YCP Solidiance 2021].

Несмотря на вызовы, АСЕАН остается одним из самых привлекательных регионов мира с точки зрения инвестиций. Правительства стран ассоциации сфокусированы на активном развитии тех сфер, где наблюдается отставание. Об этом свидетельствует, к примеру, План АСЕАН по комплексному развитию сельских районов на 2022–2026 гг. В нем зафиксировано обязательство властей обеспечить внедрение новых цифровых технологий и инноваций в целях развития сельских районов, чтобы ускорить движение региона по пути цифровой трансформации [ASEAN 2021].

Выводы

Цифровая экономика — это трансформирующий путь регионального роста, который открывает множество возможностей для стран — членов АСЕАН. Благодаря все более высокому уровню проникновения интернета ассоциация демонстрирует прочный фундамент для цифрового прогресса и потенциально может стать моделью для других развивающихся регионов Мирового большинства. Однако полный потенциал цифровизации остается нереализованным: существуют значительные пробелы во внедрении и монетизации бизнеса, несмотря на имеющиеся успешные кейсы в частном секторе. Признавая наличие этого потенциала, страны АСЕАН активно формулируют национальные и региональные планы по развитию цифровой экономики.

Для полноценного осуществления цифровой революции АСЕАН необходимо выработать интегрированный подход к сотрудничеству. Правительства стран региона должны продолжать совместную работу по созданию безопасных и привлекательных условий для цифровой экономики. Приоритетными являются пять ключевых сфер: платежная инфраструктура, развитие цифровых навыков, гармонизация политики и норм регулирования, эффективные логистические сети и жесткие рамки управления данными. Сотрудничество особенно необходимо для ликвидации расхождений в нормативной базе, прежде всего касающейся защиты потребителей и конфиденциальности данных. Кроме того, гармонизация регулирования в странах-членах важна для продвижения трансграничных потоков данных и внедрения инноваций.

Хотя вмешательство государства необходимо, чтобы заложить фундамент для преобразований, не менее важно расширить возможности частного сектора как движущей силы инноваций и инвестиций. Оптимизация национальных и региональных планов по цифровой экономике и обеспечение прочного государственно-частного партнерства имеют решающее значение для успешной реализации. Такой совместный подход может обеспечить частному сектору необходимую поддержку и четкую нормативную базу для дальнейшего процветания.

Цифровая экономика потенциально может способствовать инклюзивности в рамках АСЕАН за счет расширения доступа более широких слоев населения к информации и экономическим возможностям. Снижение затрат на мобильную широкополосную связь имеет решающее значение для преодоления цифрового разрыва, позволяя частным лицам и предпринимателям участвовать в глобальном цифровом рынке. Достижения в сфере финансовых технологий ведут к дальнейшей демократизации финансовых услуг, а использование искусственного интеллекта облегчает решение различных задач и резко повышает производительность в различных секторах. Однако при этом важно признать существующий цифровой разрыв как между странами АСЕАН, так и внутри каждой из них. Неравный доступ к интернету, особенно в сельских и отдаленных районах, представляет собой серьезный барьер для инклюзивности. Усилия по преодолению разрыва критически важны для обеспечения равноправного участия в цифровой революции.

Иностранные инвестиции остаются жизненно важным источником капитала для цифровой трансформации АСЕАН. Правительства стран региона активно создают привлекательную инвестиционную среду, предлагая стимулы для иностранных инвесторов. Важно отметить, что инвестиционные возможности выходят за рамки цифровой сферы: значительные потребности в таких секторах, как логистика, розничная торговля и производство, создают диверсифицированные возможности для инвестиционной деятельности.

Используя успешную модель региональной интеграции, АСЕАН имеет хорошие возможности стать лидером в эпоху цифровых технологий. Благодаря совместным усилиям, целевым инвестициям и ориентации на инклюзивность АСЕАН может использовать огромный потенциал цифровой экономики, продвигая регион к процветающему и взаимосвязанному будущему.

Библиография

Agreements, ASEAN. e-ASEAN Framework Agreement. Режим доступа: <https://agreement.asean.org/media/download/20140119121135.pdf> (дата обращения 13 апреля 2024).

Alberts, T., 2013. Conflict and Conversion: Catholicism in Southeast Asia, 1500-1700 (Introduction: The Crossroads of the World). Oxford: Oxford University Press.

ASEAN, 2024. The Founding of ASEAN. Режим доступа: <https://asean.org/the-founding-of-asean/> (дата обращения 10 апреля 2024).

ASEAN+3 Macroeconomic Research Office, 2024. ASEAN+3 Regional Economic Outlook 2024. Режим доступа: <https://amro-asia.org/asean3-regional-economic-outlook-2024/> (дата обращения 12 апреля 2024).

ASEAN, 2021. ASEAN Master Plan on Rural Development 2022 to 2026. Режим доступа: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/11/34-ASEAN-Master-Plan-on-Rural-Development-2022-2026.pdf> (дата обращения 20 апреля 2024).

ASEAN, 1997. 1997 ASEAN Vision 2020. Режим доступа: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Transnational_vision.pdf (дата обращения 13 апреля 2024).

ASEAN, 2012a. Declaration on the ASEAN Economic Community Blueprint. Режим доступа: <https://asean.org/declaration-on-the-asean-economic-community-blueprint/> (дата обращения 17 апреля 2024).

ASEAN, 2012b. Framework on Digital Data Governance. Режим доступа: https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/6B-ASEAN-Framework-on-Digital-Data-Governance_Endorsedv1.pdf (дата обращения 19 апреля 2024).

ASEAN, 2012c. Framework on Personal Data Protection. Режим доступа: <https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/10-ASEAN-Framework-on-PDP.pdf> (дата обращения 19 апреля 2024).

ASEAN, 2015. ASEAN ICT Masterplan 2015. Режим доступа: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/2015/December/telmin/ASEAN%20ICT%20Completion%20Report.pdf> (дата обращения 17 апреля 2024).

ASEAN, 2021. ASEAN Digital Master Plan 2025. Режим доступа: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/ASEAN-Digital-Masterplan-EDITED.pdf> (дата обращения 19 апреля 2024).

ASEAN, 2022. ASEAN Cybersecurity Cooperation Strategy. Режим доступа: https://asean.org/wp-content/uploads/2022/02/01-ASEAN-Cybersecurity-Cooperation-Paper-2021-2025_final-23-0122.pdf (дата обращения 19 апреля 2024).

ASEAN, 2023. Framework for Promoting The Growth of Digital Startups in ASEAN. Режим доступа: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/03/1.Framework-for-Promoting-the-Growth-of-Digital-Startups-in-ASEAN-1.pdf> (дата обращения 19 апреля 2024).

Asian Development Bank, 2017. Meeting Asia's Infrastructure Needs. Режим доступа: <https://www.adb.org/publications/asia-infrastructure-needs> (дата обращения 01 июня 2024).

Asia-Nikkei, 2021. ASEAN's Digital Economy Projected to Hit \$1tn by 2030. Режим доступа: <https://asia.nikkei.com/Business/Business-trends/ASEAN-s-digital-economy-projected-to-hit-1tn-by-2030> (дата обращения 17 апреля 2024).

Bain and Company, 2022. e-Conomy SEA 2022. Режим доступа: <https://www.bain.com/insights/e-conomy-sea-2022/> (дата обращения 27 мая 2024).

Bangkok Post, 2022. Education Reform Project Aligns with Thailand 4.0. Режим доступа: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/2258299/education-reform-project-aligns-with-thailand-4-0> (дата обращения 01 июня 2024).

Bloomberg – Sponsored. Open for Business: Southeast Asia's Digital Payments Revolution. Режим доступа: <https://sponsored.bloomberg.com/article/hsbcasean/open-for-business-southeast-asia-s-digital-payments-revolution> (дата обращения 01 июня 2024).

Bloomberg Sponsored (by Standard Chartered), 2023. Banking On ASEAN's Digital Economy. Режим доступа: https://sponsored.bloomberg.com/article/sc/banking-on-asean-s-digital-economy#_ftn13 (дата обращения 18 апреля 2024).

Bloomberg. How Digital Technology Is Transforming Asia's Economy. Режим доступа: <https://sponsored.bloomberg.com/article/axa-investment-managers/whats-driving-asias-digital-evolution> (дата обращения 18 апреля 2024).

Cory, N., 2020. Surveying the Damage: Why We Must Accurately Measure Cross-Border Data Flows and Digital Trade Barriers. Режим доступа: <https://itif.org/publications/2020/01/27/surveying-damage-why-we-must-accurately-measure-cross-border-data-flows-and/> (дата обращения 19 апреля 2024).

Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. A significant proportion is made up of young generations who are receptive to blockchain. Режим доступа: <https://www.population-trends-asiapacific.org/data/sea> (дата обращения 28 мая 2024).

Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, 2023. ASEAN's Digital Integration: Evolution of Framework Documents. Режим доступа: https://www.eria.org/uploads/media/Books/2023-ASEAN-Digital/5_Executive-Summary.pdf (дата обращения 17 апреля 2024).

Infocomm Media Development Authority. Internet Penetration Rates. Режим доступа <https://www.imda.gov.sg/about-imda/research-and-statistics/telecommunications> (дата обращения 01 июня 2024).

INNOMA, 2023. Southeast Asia's Venture Market Dynamics in Post-COVID Era. Режим доступа: <https://innoma.vc/2024/02/09/southeast-asia-vc-report-2024/> (Дата обращения 17 апреля 2024).

Korea Blockchain Week, 2023. Blockchain and crypto in Southeast Asian countries. Режим доступа: <https://koreablockchainweek.com/blogs/kbw-blog/blockchain-and-crypto-in-southeast-asian-countries> (дата обращения 18 апреля 2024).

Lee Kok Thong J., 2024. The Right to Data Privacy in the Digital Economy. Режим доступа: <https://theaseanmagazine.asean.org/article/the-right-to-data-privacy-in-the-digital-economy/> (дата обращения 20 апреля 2024).

Lee, J., 2023. ASEAN's Window of Opportunity for Shaping Global Data Governance. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2023/09/aseans-window-of-opportunity-for-shaping-global-data-governance/> (дата обращения 19 апреля 2024).

Marwaan, M.M., 2024. ASEAN's digital economy growth hinges on upskilling: BCG chair. Режим доступа: <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/ASEAN-s-digital-economy-growth-hinges-on-upskilling-BCG-chair> (дата обращения 20 апреля 2024).

McKinsey, 2024. Southeast Asia quarterly economic review: Proving resilient [e-journal]. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-asia/southeast-asia-quarterly-economic-review> (дата обращения 12 апреля 2024).

Mercuryo, Unbanked Regions in Asia. Режим доступа: <https://mercuryo.io/explore/article/unbanked-asia> (дата обращения 28 мая 2024).

Quah S, Chen K., 2021. Digital masterplan. Getting the next five years right for ASEAN // The Business Times, 19(1). Режим доступа: https://lkyspp.nus.edu.sg/docs/default-source/aci/digital-masterplan-getting-the-next-five-years-right-for-asean.pdf?Status=Temp&sfvrsn=a4632b0a_2 (дата обращения 19 апреля 2024).

Rayhan, Abu, 2023. The Future of Work: How AI and Automation Will Transform Industries. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/372589640_THE_FUTURE_OF_WORK_HOW_AI_AND_AUTOMATION_WILL_TRANSFORM_INDUSTRIES

Singapore Business Federation. E-commerce in Singapore. Режим доступа: <https://www.sbf.org.sg/> (дата обращения 01 июня 2024).

Singapore Government Agency Website, Singapore Government Services. Режим доступа: <https://go.gov.sg/#/> (дата обращения 01 июня 2024).

Singh S., 2022. ASEAN Goes Full Throttle on Digital Transition. Режим доступа: <https://theaseanmagazine.asean.org/article/asean-goes-full-throttle-on-digital-transition/> (дата обращения 15 апреля 2024).

Sithanonxay, S., 2023. Fragmented Digital Regulations are Constraining ASEAN's Digital Economy. Режим доступа: <https://fulcrum.sg/fragmented-digital-regulations-are-constraining-aseans-digital-economy/> (дата обращения 19 апреля 2024).

Smartnation. Singapore's Smart Nation Initiative. Режим доступа: <https://www.smartnation.gov.sg/> (дата обращения 01 июня 2024).

Temenos, 2023. Charting the Future of Banking in ASEAN. Режим доступа: <https://www.temenos.com/news/2023/08/21/charting-the-future-of-banking-in-asean/> (дата обращения 18 апреля 2024).

The ASEAN Magazine, 2022. Digital Economy: Facts and Figures. Режим доступа: <https://theaseanmagazine.asean.org/article/digital-economy-facts-and-figures/> (дата обращения 28 мая 2024).

The ASEAN Secretariat, 2008. ASEAN Economic Community Blueprint. Режим доступа: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/archive/5187-10.pdf> (дата обращения 27 мая 2024).

The New York Times, 2023. How ChatGPT Kicked Off an A.I. Arms Race. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2023/02/03/technology/chatgpt-openai-artificial-intelligence.html> (дата обращения 17 апреля 2024).

The World Bank, 2022. Positioning the LAO PDR for a Digital Future. Режим доступа: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/c01714a0bc2ca257bdfe8f3f75a64adc-0070062022/original/Positioning-The-Lao-PDR-for-a-Digital-Future-11-10-22.pdf> (дата обращения 16 апреля 2024).

The World Economic Forum, 2020a. COVID-19 – The True Test of ASEAN Youth's Resilience and Adaptability Impact of Social Distancing on ASEAN Youth. Режим доступа: https://www3.weforum.org/docs/WEF_ASEAN_Youth_Survey_2020_Report.pdf (дата обращения 18 апреля 2024).

The World Economic Forum, 2020b. Young people in ASEAN have emerged from lockdowns more resilient and digitally switched on. Here's how. Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2020/10/young-people-asean-digital-adoption-covid-19/> (дата обращения 17 апреля 2024).

UNESCO, 2023. UNESCO and Partners to Lead Workshop on Digital Transformation in Cambodia. Режим доступа: <https://www.unesco.org/en/articles/unesco-and-partners-lead-workshop-digital-transformation-cambodia> (дата обращения 16 апреля 2024).

United Nations. UN Chronicle, A Special Partnership With the UN: An Asian Perspective. Режим доступа: <https://www.un.org/en/chronicle/article/special-partnership-un-asian-perspective> (дата обращения 13 апреля 2024).

Yan Ing L., Markus I., 2023. ASEAN Digital Community 2040, Economic Research Institute for ASEAN and East Asia. Режим доступа: <https://www.eria.org/uploads/media/policy-brief/FY2022/ASEAN-Digital-Community-2040..pdf> (дата обращения 19 апреля 2024).

YCP Solidiance, 2021., Digital Economy Growth in ASEAN. Режим доступа: <https://ycpsolidiance.com/article/digital-economy-growth-in-ASEAN> (дата обращения 20 апреля 2024).

Обзор круглого стола «Перспективы развития мировой экономики в условиях глобальной экономической фрагментации»

25 апреля 2024 г. департамент мировой экономики НИУ ВШЭ провел круглый стол на тему «Перспективы развития мировой экономики в условиях глобальной экономической фрагментации». Участники обсудили основные направления развития мировой экономики на современном этапе, рассмотрели факторы происходящей фрагментации, оценили перспективы и проблемы экономического роста в мире в целом и в отдельных странах и регионах, а также обозначили ряд ключевых вызовов, стоящих в этом контексте для России.

* * *

Круглый стол открыл руководитель департамента мировой экономики **И.А. Макаров**, который подчеркнул единодушие экспертов в том, что мировая экономика входит в новую стадию, которая может быть охарактеризована как фрагментация, или разбиение мировой экономики на ряд блоков. Однозначное определение блоков на сегодня отсутствует, однако очевидно, что в один из них входят Россия, Китай и ряд дружественных стран, в другой — западные страны. Фрагментация выражается в сокращении объемов международной торговли и прямых иностранных инвестиций (ПИИ) между блоками при их росте внутри блоков, при этом предпосылки к улучшению ситуации отсутствуют.

Цель круглого стола состояла в том, чтобы обсудить перспективы развития мировой экономики в новых условиях, определить, действительно ли происходит ее фрагментация и носит ли она долгосрочный характер, и, если да, каковы потенциальные эффекты для России и мировой экономики в целом. Важный вопрос, который предстояло рассмотреть экспертам, заключался в том, как меняются внешнеэкономические стратегии стран, когда факторы безопасности становятся доминирующими по отношению к факторам экономической эффективности, а также в том, каким образом это необходимо учитывать во внешнеэкономической стратегии России.

Первым выступающим стал **А.В. Кузнецов**, член-корреспондент РАН, директор Института научной информации по общественным наукам РАН, представивший доклад на тему «Как попытка исключить Россию из мирового хозяйства негативно сказалась на перспективах мирового экономического развития». Прежде всего он отметил, что рассматривать Россию как страну, не имеющую значимого веса в мировой экономике, ошибочно, и события 2022–2023 гг. это доказали. По

итогах 2023 г. Россия оказалась на 11-м месте в мире по ВВП, а по ВВП по ППС заняла пятую позицию. В этой связи эксперт подробно остановился на трех аспектах мировой экономики: (1) расширение БРИКС и его значение для глобального регулирования, (2) прямые иностранные инвестиции и (3) перестройка российской внешней торговли.

ВВП десяти стран БРИКС, рассчитываемый в рыночных ценах, уже сейчас превышает ВВП США и всего в 1,6 раз уступает совокупному ВВП стран Большой семерки. Однако активно обсуждать изменения инструментов глобального регулирования из всех стран БРИКС в настоящее время интересно только России. Другие страны объединения, несмотря на общую заинтересованность в этом вопросе, подвергаться рискам не готовы, в связи с чем возникает вопрос, какие инструменты и реальные действия могут быть сделаны нашей страной. Докладчик также отметил, что наблюдаемая сегодня фрагментация — это усиление процессов регионализации, которое началось еще в коронакризис и будет продолжаться и далее. Он также выразил мнение, что эти процессы дают России возможность выстраивать новые инструменты вовлечения в мировую экономику, приведя в качестве примера международный транспортный коридор «Север—Юг».

В отношении прямых иностранных инвестиций эксперт сделал акцент на том, что, вопреки ожиданиям, исключение России из международного движения капитала оказало значимое влияние на мировые процессы, в том числе существенно подорвало инвестиционный климат в США и ЕС. Импортные потоки ПИИ в западные страны резко снизились: уходят китайские, арабские и другие инвесторы, что также создает новые возможности для России на мировой арене.

В заключение докладчик рассмотрел изменение географии внешней торговли России, отметив, что не все ведущие незападные страны активизировали экономические связи с нашей страной, однако интерес представляет первая тройка — Китай, Индия и Турция. Внешняя торговля России не сконцентрирована на одном Китае: для всех трех стран Россия является значимым торговым партнером. Благодаря БРИКС и успешному преодолению первых двух лет санкционного давления Россия имеет большие возможности для дальнейшего развития, которые теперь надо постараться реализовать.

Доцент департамента мировой экономики **А.А. Зайцев** посвятил свой доклад обзору иллюстрирующих фрагментацию мировой экономики трендов. Прежде всего докладчик отметил, что последние два-три года наблюдается усиление фрагментации, но началась она ранее, а именно с введения санкций против России в 2014 г. и торгового противостояния и технологической конкуренции между США и Китаем. Роль этих факторов усилилась к 2023 г.: наблюдается рост числа вводимых санкций и торговых ограничений, а также серьезное давление на ПИИ и рост числа их проверок. Как следствие, происходит политическая регионализация торговли, прямых иностранных инвестиций, фрагментация в финансовой сфере.

Докладчик обратил внимание на то, что фрагментация международной торговли происходит фактически на фоне падения торгового оборота, прежде всего торговли товарами, и выразил скептицизм по поводу ожидаемого МВФ восстановления торговли в ближайшие годы. В 2022–2023 гг. произошли существенные

структурные изменения в мировой торговле. Так, по данным ЮНКТАД, доля торговых партнеров внутри геополитически близких блоков увеличилась примерно на 6% в 2023 г. по отношению к периоду до февраля 2022 г., а между странами геополитически разных блоков она сократилась на 5–6%. В качестве примеров усиления торговой связанности эксперт привел рост доли Китая в торговом обороте России на 7 п. п. и Бразилии на 3 п. п. Наиболее сильное снижение торговой связанности произошло между Россией и ЕС, а также Китаем и США.

В финансовой сфере фрагментация проявляется в снижении доли доллара и евро в мировых золотовалютных резервах. Так, доля доллара снизилась примерно с 70% в 2000 г. до примерно 58% во 2-м квартале 2023 г., одновременно укрепились роль альтернативных способов расчетов — доля юаня в международных расчетах за последние 2–3 года выросла примерно в 2 раза.

В заключение своего выступления А.А. Зайцев выразил мнение, что мировая экономика находится в стадии перестройки и долгосрочного декаплинга по критически важным технологиям и товарам, однако, когда этот процесс завершится, то по менее чувствительным товарам, например потребительской электронике, тренд деглобализации может развернуться в обратном направлении. Выиграют в результате этих процессов занимающие нейтральное положение между Западом и Россией/Китаем страны-хабы — Турция, ОАЭ, отчасти Вьетнам. Однако развивающиеся страны в целом окажутся в проигрыше из-за возврата производства в развитые страны, сокращения торговли, инвестиций, занятости и связанной с этими процессами инфляции. России следует активно выстраивать связи со странами-хабами, инвестировать в дружественные страны, укреплять финансовую инфраструктуру.

А.А. Гнидченко, старший научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, представил доклад на тему «Сдвиги в торговых взаимосвязях крупнейших экономик мира: уроки “пятилетки бурных перемен”». Эксперт показал взгляд на мировую торговлю с точки зрения двух крупнейших экономик мира, США и Китая, в рамках прохождения ими трех этапов: (1) горячая фаза торговой войны с июля 2018 г. по январь 2020 г.; (2) начало пандемии COVID-19 и активный постковидный рост торговли; (3) с февраля 2022 г., когда в результате специальной военной операции поменялись позиционирование России в системе мировой торговли, а также взаимоотношения Китая и США.

На первом этапе торговый баланс США в целом не изменился. Формально цель американской экономики — снизить зависимость от импорта из Китая — была достигнута, но в целом дефицит торговли США остался таким же за счет того, что происходило увеличение импорта из других стран, в частности из стран АСЕАН. Несколько выиграла Европа, сумев встроиться в новую систему импорта США. Докладчик обратил особое внимание на элемент реэкспорта китайской продукции в США, в первую очередь через страны АСЕАН, в частности Вьетнам.

На втором этапе, в период пандемии, мировая торговля несколько «просела», однако далее наблюдался очень активный рост как импорта большинства стран, в т. ч. США, так и экспорта Китая. В 2019 г. доля Китая в мировом экспорте товаров составляла 14%. На втором этапе, в рамках постковидного восстановления миро-

вой экономики, Китай сумел занять дополнительные ниши, в результате чего его доля в мировом экспорте выросла до 16% в 2021 г. Докладчик отметил, что в этой связи говорить о потере Китаем позиций на мировом рынке преждевременно, по крайней мере в сегменте торговли товарами. Что касается США, то они в рамках постковидного восстановления увеличили импорт из Китая примерно до тех же объемов, что и до начала торговой войны. Одновременно значительно вырос импорт из других регионов – Северной Америки, Европы, стран АСЕАН – с целью удовлетворения дополнительного внутреннего спроса.

Третий этап ознаменовался быстрыми геополитическими, структурными изменениями в мире. Импорт США напрямую из Китая достаточно сильно снизился, однако общий дефицит торговли США оказался почти максимальным за всю историю наблюдений в результате расширения импорта из других регионов. А.А. Гнидченко отметил исключительный кейс Европы, дефицит торговли США с которой сократился в связи с ростом американского экспорта в регион. С началом специальной военной операции произошел разворот китайского экспорта в Европу, и дефицит торговли Китая с Европой начал сокращаться. При этом Китай в торговом отношении достаточно активно взаимодействовал с Индией на втором этапе, и на третьем это взаимодействие не сокращается. Таким образом, Индия продолжает активно сотрудничать как с Китаем, так и с США.

Докладчик отдельно остановился на роли стран альянса Chip 4, который кроме Соединенных Штатов включает ведущих дружественных США поставщиков полупроводников – Японию, Южную Корею и Тайвань. На втором этапе началось достаточно активное увеличение импорта США из этих стран, которое на третьем этапе в значительной мере продолжилось. Притом, если посмотреть на эти страны со стороны Китая, то на втором этапе Китай достаточно активно импортировал их продукцию, но уже на третьем в существенной степени снизил поставки из Японии, Южной Кореи, Тайваня. То есть происходит некая переориентация стран альянса с китайского рынка на американский.

В заключение своего выступления докладчик сформулировал ряд выводов и выделил ключевые драйверы мировой торговли ближайших лет:

- (1) Китай, несмотря на некоторое замедление и неясные перспективы, остается первоочередным игроком в мировой торговле.
- (2) Важным игроком являются страны АСЕАН – благодаря своему уникальному положению и росту сотрудничества как с США, так и Китаем.
- (3) Ключевым драйвером останется интеграция в Северной Америке, реиндустриализация и перенос высокотехнологичных производств в регион.
- (4) Россия после фазы перестройки своих торговых потоков может стать активным игроком на мировой арене, играющим значимую роль в формирующихся процессах.
- (5) Индия как крупная по населению экономика также имеет предпосылки для реализации активной роли, но скорее в коалиции, например со странами АСЕАН.

По итогам трех докладов состоялась дискуссия, в рамках которой участники круглого стола более глубоко обсудили такие вопросы, как заинтересованность

стран БРИКС в проведении изменений в системе регулирования мировой экономики и необходимые действия России в этой связи; справедливость утверждения о происходящей деглобализации в условиях роста доли услуг в ВВП и расширении деятельности цифровых платформ; наличие фрагментации в определенных, критически важных отраслях мировой экономики; целесообразность использования ВВП для оценки экономического потенциала России и наличие альтернативных показателей для получения более объективной оценки.

По окончании дискуссии **Л.М. Григорьев**, научный руководитель департамента мировой экономики, представил свой взгляд на происходящие процессы, начав выступление с освещения проблем и перспектив функционирования стран БРИКС. В отношении мировой экономики в целом он обратил внимание на то, что, с одной стороны, реализуется переход к новому режиму более медленного экономического роста, прежде всего в Китае и Европе. Очевидны структурные проблемы и необходимость больших финансовых вложений в технологическое развитие, а также реализацию зеленой повестки. Однако, с другой стороны, происходит и будет усиливаться контроль за финансовыми потоками со стороны США. В этой связи, по мнению эксперта, возникает проблема реализации развивающимися странами стратегий догоняющего и «перегоняющего» развития. В ближайшее время мир может столкнуться с очень сложными процессами, в т. ч. большим числом конфликтов в торгово-экономической области и борьбой за контроль финансов.

Заключительный доклад на тему «Адаптация к фрагментации мировой экономики: задачи России на внешнеэкономическом треке» представил заведующий Международной лабораторией исследований международной торговли РАНХиГС **А.Ю. Кнобель**. В начале своего выступления эксперт обратил внимание на достаточно умеренные прогнозы развития мировой экономики, рост которой составит от 2,5% до 3% в год. Рост мировой торговли ожидается на чуть более высоком уровне и будет обеспечиваться ростом торговли услугами. Регион СНГ (в основном за счет России) находится в уникальном положении: предполагается, что экспорт вырастет при снижении импорта, что отличается от ситуации в других регионах мира.

Основной акцент доклада был сделан на подробном рассмотрении глобального контекста ситуации, в которой оказалась и функционирует Россия и которая определяется не только санкционным давлением. Следует учитывать нарастание протекционизма из-за буксировки многосторонней либерализации, новые треки регулирования торговых переговоров и наличие противоречий между ключевыми странами, а также реконфигурацию глобальных цепочек добавленной стоимости и цепочек кооперации. Все это приводит к фрагментации и необходимости для России переориентировать торговые потоки, обеспечивать технологическое развитие с учетом происходящих изменений, перенастраивать транспорт и логистику. Докладчик отдельно затронул вопрос стабильности платежей в твердой валюте за российский экспорт, отметив положительное решение этой проблемы в последние кварталы, а также вопрос критического импорта, важного для развития отдельных секторов экономики. По мнению выступающего, если российская экономика продолжит развиваться в том же направлении, макроэкономическая

ситуация при положительном сальдо счета текущих операций и торговом балансе останется стабильной, и у России не будет проблем во взаимодействии с внешним миром. Однако с точки зрения технологического развития, нужно или искать замену некоторым критическим поставкам из недружественных и даже нейтральных стран, или переходить на поставки с внутреннего рынка.

Круглый стол завершился обменом мнениями между участниками и обсуждением наиболее важных вопросов дальнейшего развития мировой экономики — перспектив замедления экономического роста и продолжения регионализации, интересов и инструментов стран в отношении развития внутриблоковой торговли, а также нарушения фундаментальных принципов международной торговли и их последствий.

Ключко Ольга Александровна

к.э.н., доцент, заместитель руководителя
департамента мировой экономики НИУ ВШЭ

Наши авторы

Гайнтдинов Роман — независимый эксперт по региону Юго-Восточной Азии.

Галкина Анна Александровна — старший научный сотрудник ИНЭИ РАН.

Григорьев Леонид Маркович — к.э.н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, заведующий сектором структурных проблем мировой экономики ЦКЕМИ.

Грушевенко Дмитрий Александрович — старший научный сотрудник ИНЭИ РАН.

Дизон Дуэйн — менеджер по стратегическим и кризисным коммуникациям маркетинговой компании *GeiserMaclang Marketing Communications Inc* (Филиппины) и крупнейшей частной экосистемы высокотехнологичных компаний Филиппин *Digital Pilipinas*.

Канаев Евгений Александрович — д.и.н, профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Клочко Ольга Александровна — к.э.н., заместитель руководителя, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

Кулагин Вячеслав Александрович — заведующий отделом исследования энергетического комплекса мира и России ИНЭИ РАН.

Макланг Амор — почетный доктор Университета Рай, участник программы *UID-MIT IDEAS Asia Pacific* Школы менеджмента Слоана Массачусетского технологического института, генеральный секретарь и соучредитель Международной ассоциации цифровых экономик (*IDEA*), основатель и руководитель крупнейшей частной экосистемы высокотехнологичных компаний Филиппин *Digital Pilipinas*, директор-основатель маркетинговой компании *GeiserMaclang Marketing Communications Inc* (Филиппины).

Налеванко Оливер — менеджер по международному бизнесу и маркетингу маркетинговой компании *GeiserMaclang Marketing Communications Inc* (Филиппины), крупнейшей частной экосистемы высокотехнологичных компаний Филиппин *Digital Pilipinas* и консалтингового сервиса для помощи инвесторам, стартапам и масштабируемым компаниям *Astrolabe*.

Портанский Алексей Павлович — к.э.н., профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Соколова Юлия Дмитриевна — инженер-исследователь Лаборатории экономической политики и природных ресурсов, ассистент и аспирант кафедры экономики Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ).

Титов Александр — PhD, заместитель генерального секретаря Международной ассоциации цифровых экономик (*IDEA*), руководитель направления ведения международного бизнеса маркетинговой компании *GeiserMaclang Marketing Communications Inc* (Филиппины) и крупнейшей частной экосистемы высокотехнологичных компаний Филиппин *Digital Pilipinas*, соучредитель консалтингового сервиса для помощи инвесторам, стартапам и масштабируемым компаниям *Astrolabe*.

Федоренко Дмитрий Олегович — магистр НИУ ВШЭ.